

1862-347

СУДЬБЫ

ЧЕРВОННОЙ ИЛИ ГАЛИЦКОЙ РУСИ

ДО

СОЕДИНЕНІЯ ЕЯ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

(1887).

(Разсужденіе, написанное для полученія степени Магистра).

СОЧ. М. С М И Р Н О В А.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛЕРМАНТОВА И КОМП., ВЪ КАРАВАННОЙ, Д. № 24.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Санктпетербургъ 10 ноября 1860 года.

Деканъ И. Срезневскій.

В В Е Д Е Н І Е.

Галиція подь управленіемъ Ростиславичей, хотя и составляла такой же удѣль Руси, какъ Полоцкъ или Черниговъ, и подобно имъ участвовала въобщерусскихъ событіяхъ, но тѣмъ не менѣе была удалена отъ тѣхъ невыгодъ, которыя падали на другіе удѣлы, вслѣдствіе современныхъ усобицъ княжескихъ; она стояла въ сторонѣ и князья не думали добиваться ея стола, не думали вносить въ ея предѣлы своихъ междоусобій, такъ какъ всѣ они стремились къ Кіеву, и обладаніе имъ ставили крайнею цѣлію жизни. Пользуясь этимъ общимъ стремленіемъ, которое удаляло отъ нея водворотъ событій, пользуясь малочисленностію своего княжескаго рода, что предупреждало вредное дробленіе, Галиція въ тишинѣ развивала свои силы и ея государи, Владимірко и Ярославъ Осмомыслъ явились уже съ важнымъ значеніемъ и вліяніемъ на дѣла общерусскія. Въ XIII столѣтіи, Галиція крѣпнеть еще болѣе, пріобрѣтаетъ новыя средства, вслѣдствіе присоединенія къ ней Волыни; въ то же время Кіевъ теряетъ свое первенствующее значеніе, становится подь власть сѣвернаго, владимірскаго князя, который, хотя и не живетъ въ немъ, но сохраняетъ надъ нимъ свое верховное право; стремленіе завладѣть

имъ могло повести теперь за собою борьбу съ этимъ могущественнымъ княземъ, а между тѣмъ въ Галичѣ, по смерти Романа, остались два ребенка, которые, конечно, не могли съ успѣхомъ защищать своихъ правъ; вотъ почему прежнія стремленія князей къ Кіеву обратились теперь на Галичъ, который, съ своей обширной территоріей, сдѣлался прекрасною замѣною золотого стола кievскаго. Этимъ объясняется исторія Галича до 1249 года, исторія, представляющая рядъ притязаній князей русскихъ, польскихъ и королей венгерскихъ, борьбу между ними и постоянныя внутреннія смуты, до тѣхъ поръ пока Данилъ не устранилъ всѣхъ претендентовъ и не утвердился, въ 1249 году, въ Галичѣ. Продолжительность этаго періода понятна съ одной стороны изъ той привлекательности, которую имѣлъ Галичъ для русскихъ князей и иноземцовъ Венгровъ и Поляковъ, съ другой изъ внутреннихъ его обстоятельствъ: бояре Галича, имѣвшіе значеніе, какъ богатые землевладѣльцы и вліятельные чиновники, пытались употребить въ свою пользу многочисленныя притязанія; изгоняя одного князя и призывая другаго, они думали о наиболее выгодномъ устройствѣ своихъ отношеній къ верховной власти; отсутствіе единодушія и послѣдовательности въ ихъ дѣйствіяхъ было причиною ихъ не успѣха и торжества княжеской власти. Послѣ 1249 года не могло уже быть смутъ и волненій боярскихъ, потому что не было претендентовъ: русскіе князья, подавленные ханами, были слишкомъ слабы, Венгры, бесполезно истративъ много силъ на пріобрѣтеніе Галича, оставили свои притязанія еще въ тридцатыхъ годахъ XIII столѣ-

тія, Поляки были озабочиваемы своими внутренними дѣлами. Пользуясь всѣмъ этимъ, Данилъ въ такой степени укрѣпилъ свое государство, что оно, при немъ и дѣтяхъ его, оказывало важное вліяніе на дѣла сосѣдей и, съ съ теченіемъ времени, могло бы собрать около себя всю западную и южную Русь, изгнать Татаръ и такимъ образомъ на югозападѣ сдѣлать то, что сдѣлала на сѣверовостокѣ Москва. Съ одной стороны, личность князей XIV вѣка, съ другой образованіе, въ сосѣдствѣ сильной литовской державы, и наконецъ полное отчужденіе Галиціи отъ русскаго міра,—все это было причиною совершенно паго исхода ея политическаго существованія.

Лишь только вымерла главная линія потомства Романа, Галичане, отдѣленные отъ роднаго сѣвера Литвою и Татарами, имѣвшіе въ своихъ городахъ много богатыхъ и, потому, вліятельныхъ иноземцевъ, не задумались принять государя иноплеменника и тѣмъ подвергнули свою народность крайней опасности. Открывшаяся, такимъ образомъ, возможность овладѣнія Галичемъ раздражила корысть сосѣдей, разбудила древнія притязанія и, прибавивъ къ двумъ старымъ претендентамъ, т. е. Венграмъ и Полякамъ, третьяго или Литовцевъ, произвела долгую кровопролитную борьбу, которая закончилась торжествомъ Польши, болѣе дипломатическимъ, чѣмъ военнымъ, въ 1387 году.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ РАЗСМАТРИВАЕМАГО ПРЕДМЕТА.

Въ собственно русской, исторической литературѣ вмѣстѣ одно только отдѣльное сочиненіе по исторіи Галиціи, именно: «Исторія югозападной Руси отъ ея начала до половины XIV столѣтія.» Александра Клеванова. Москва 1849 г.» Сочиненіе это представляетъ подробное изложеніе вѣшнихъ событій по русскимъ лѣтописямъ и преимущественно по Платіевскому списку, на внутреннюю исторію Галича здѣсь обращено слишкомъ мало вниманія, что впрочемъ, объясняется изъ свойства самихъ источниковъ; важный недостатокъ этого труда заключается въ томъ, что, при изложеніи его, авторъ не пользовался иностранными источниками, считая ихъ неосновательными и недостойными довѣрія. Въ литературѣ иностранной давно уже стали появляться сочиненія, рассматривающія исторію Галиціи и вмѣстѣ Владиміріи; таковъ трудъ датскаго исторіографа Сума, помѣщенный въ переводѣ въ Чтен. И. О. И. и Д. Р. при Москов. Университетѣ 1846 г. № 5;—полный ошибокъ онъ не можетъ быть одобренъ съ точки зрѣнія нашего времени, но нельзя не удивляться, что Сумъ,

который жилъ въ исходѣ XVIII вѣка, такъ удовлетво- рительно зналъ исторію югозападной Руси. Имя его въ числѣ историковъ Галича являются Гопа и Зигель; первый не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, вто- рой, написавшій исторію Галича и Владиміра, сперва отдѣльно (*Geschichte von Halitsch und Wladimir. 2 th, Wien 1793*), а потомъ соединившій ее съ исторіей укра- инскихъ казаковъ (*Geschichte der Ukraine unnder ukrainischen Kosaken, wie auch d. Königt Halitsch und Wladimir. Halle 1796*), важенъ относительно собираемыхъ имъ ма- теріаловъ, но грѣшитъ тѣмъ, что недостаточно знакомъ съ русскими источниками и почти исключительно осно- валъ свой трудъ на источникахъ польскихъ, весьма пристрастно и часто несправедливо представляющихъ событія. Важнѣйшее мѣсто въ этомъ случаѣ принадле- жать львовскому ученому Д. П. Зубрицкому; онъ пер- вый сталъ отыскивать въ галицкихъ архивахъ подли- нные документы, могущіе быть полезными въ рассматри- ваемомъ вопросѣ, добросовѣстно оцѣнивалъ ихъ досто- инство, отдѣлялъ подложные отъ несомнѣнныхъ и мно- гіе изъ нихъ помѣстилъ въ трехъ своихъ сочиненіяхъ: «*Kronika miasta Lwowa. Lwow 1844*», «Критико-историчес- кая повѣсть временныхъ лѣтъ Галицкой или Червоной Руси» (переводъ Бодяцкаго, Москва 1845) и «Исторія древняго Галицкаго Княжества.» Львовъ. 1852-55. Писа- тель этотъ, отличающійся необыкновеннымъ трудолю- біемъ и добросовѣстнымъ разборомъ источниковъ, опи- сывая, съ излишнею часто подробностію, всѣ междоусобія князей и войны ихъ съ сосѣдями, мало обращаетъ вни- манія на внутреннее состояніе края; въ этомъ отношеніи

важнѣе другихъ его трудовъ «Kronika miasta Lwowa»; не смотря, однакожь, на этотъ недостатокъ, объясняемый, какъ уже сказано, состояніемъ источниковъ, труды Зубрицкаго необходимы каждому, занимающемуся исторіей Галича, необходимы, какъ собраніе матеріаловъ, очищенныхъ добросовѣстною критикою; не забудемъ еще одного сочиненія того же автора «Anonimъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошь. Выписки изъ ихъ сочиненій латинскихъ статей, къ галичско—владимірскимъ дѣламъ относящихся, за періодъ отъ 1337 по 1387 г., съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями. Львовъ 1833»; оно важно для исторіи XIV вѣка.

Послѣ изданія хроники Львова Зубрицкимъ, другія исторіи этого города, Ходынецкаго и Зиморовича, не имѣютъ уже значенія; впрочемъ трудъ Зиморовича и теперь еще нѣкоторыми, впрочемъ немногими, извѣстіями, помогаетъ историку Галича (Сочиненіе это, писанное по латинѣ, никогда не было напечатано въ подлинникѣ; оно появилось въ свѣтъ въ польскомъ переводѣ Пивоцкаго: «Historya miasta Lwowa, przez Bartłomieja Zimorowicza, Konsula niegdyś tegoż miasta po zacinie napisana, a teraz na Polski język przez Marcina Pivockiego przelożona.» Lwow 1835).

Упомянемъ еще отличное сочиненіе «Synowie Gedymina, przez Kazimierza Stadnickiego 3t.; хотя Стадницкій занимался исторіей сыновей литовскаго князя, но, описывая жизнь Любарта, кн. волынскаго, онъ по неволѣ коснулся исторіи ю з. Руси и изложилъ ее, хотя и не подробно, но весьма основательно, съ указаніемъ на множество источниковъ и съ блестящимъ талантомъ (См.

Т. II. Lubart ksiąze, Volynski Lwow 1853.). Наконецъ можно найти кое-что, въ особенности для исторіи церкви въ Галичѣ, въ изданіяхъ галицко-русской матицы. (См. статьи Петрушевича во II Т. Галицкаго историческаго сборника. Львовъ 1856.) и въ протоколахъ Константинопольскаго Патріархата (напеч. въ Ж. М. Нар. Пр. 1847. 54 ч.).

Вотъ всѣ пособія, которыми мы пользовались при изложеніи «Судебъ Червоной или Галицкой Руси»; мы приняли ихъ въ соображеніе, когда разбирали показанія источниковъ, т. е., главнымъ образомъ, Ипатьевской лѣтописи изъ русскихъ, и Кадлубка, Длугоша и Анонима Гнезненскаго, изъ иностранныхъ. Мы имѣемъ довѣріе къ Ипатьевскому списку, потому что большая часть его повѣстій записана людьми, или современниками и очевидцами событій, или имѣвшими возможность собрать вѣрныя о нихъ свѣдѣнія; наконецъ въ разсказѣ этой лѣтописи, мы встрѣчаемъ, правда, ошибки, обмолвки, но ничего такого, чтобы представлялось невѣроятнымъ или неправдоподобнымъ; другое дѣло исторички польскіе, Кадлубекъ или Длугошъ; ихъ справедливо можно обвинить въ пристрастіи, въ ложно понятіи патріотизмѣ и, потому, въ невѣрномъ представленіи событій русской исторіи. Для подтвержденія сказаннаго довольно вспомнить разсказъ Кадлубка о пріобрѣтеніи Романомъ Галича, и бездну противорѣчій самому себѣ — которыя допустилъ Длугошъ въ повѣствованіи о періодѣ съ 1350 — 1366 г. усиливаясь доказать, что Волынь, втеченіе этого времени, принадлежала Казиміру, королю польскому. Тотъ же отзывъ заслуживаютъ лѣто-

писи венгерскія, въ особенности анонимъ нотаріи кор. Белы (въ «*Scriptores regum Hungaric. edit Schwandt.*») отчасти и Турочъ (*ibidem*). Впрочемъ этихъ послѣднихъ нельзя сравнивать съ лѣтописями польскими; Кадлубекъ и Длугошъ, по большей части, вѣрно передаютъ событія, только выставляютъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ и есть всегда возможность установить вѣрную точку зрѣнія, тогда какъ венгерскія лѣтописи, при скудости ихъ извѣстій для исторіи Галича и при очевидномъ пристрастіи, могутъ быть совершенно выкинуты изъ ряда источниковъ разсматриваемаго нами вопроса. Полнымъ отсутствіемъ подобныхъ недостатковъ отличается, по нашему мнѣнію, одинъ польскій писатель анонимъ, Архидіаконъ Гнѣзненскій (Іоаннъ изъ Чарнаева), Подканцлеръ королей Казимира Великаго и Людовика Венгерскаго. («*Anonymi Archidiaconi Gneznen, brevior Chronica Cracoviae, ab origine condita ad annum 1395*» напечат. въ сборникѣ Сомерсберга: «*Scriptores regum silesicarum t. II, 78 et sqq.*»). Изложеніе его отличается сдержанностію, спокойствіемъ и ясностію, нигдѣ онъ не противорѣчитъ себѣ, и довѣріе къ нему увеличивается еще болѣе, если вспомнимъ, что онъ былъ очевидецъ, даже дѣйствователь въ описанныхъ имъ событіяхъ XIV в. Наконецъ есть много драгоценныхъ извѣстій, въ различныхъ мелкихъ актахъ и документахъ, напечатанныхъ въ съ собраніяхъ: «*Historica Rus. Mon., Supplementum ad H. R. M.,* актахъ западной Россіи» и во многихъ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ, особенно Зубрицкаго и Стадницкаго.

Представляемый трудъ есть сводъ всѣхъ означенныхъ источниковъ съ посильнымъ заключеніемъ автора (*).

(*) Не упомянуты еще «Исторія Татищева, *Роміки do dzieiow Litwy*, Лѣтописецъ Давидовича, и примѣчанія къ исторіи Государства Россійскаго, гдѣ можно найти важный матеріалъ для исторіи червонной Руси.

І.

ГАЛИЧЬ, ПОДЪ ВЛАСТІЮ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Извѣстное мѣсто у Нестора, гдѣ излагается расселеніе славянскаго племени по территоріи, составляющей нынѣ государственную область Россіи, не можетъ служить достаточнымъ руководствомъ для опредѣленія племени, которое издревле обитало въ нынѣшней Галиціи и, вслѣдствіе различныхъ историческихъ переворотовъ, составило національность современныхъ намъ Русиновъ или Русняковъ. Изъ упомянутаго мѣста можно узнать только близкія къ Галиціи племена: съ одной стороны польское, съ другой Вельшяне или Бужане, съ третьей наконецъ Уличи и Тиверцы, которыхъ поселенія, по словамъ Нестора, были по Днѣстру до самаго моря. Нѣсколько племенъ въ томъ же мѣстѣ только причисляются къ великому славянскому племени, но мѣста жительства ихъ не опредѣляются; такъ указавъ на поселеніе Моравовъ по рѣкѣ Моравѣ, Несторъ продолжаетъ: «другіе Славяне нареклись Чехами; Хровате Беліи, Серебъ и Хорутапе суть также Словѣни» ¹⁾, но не говоритъ, гдѣ жили эти Сла-

¹⁾ П. С. Р. Л. І. 3.

вяне. По причинѣ этой неполноты Несторова извѣстія, для болѣе яснаго пониманія расселенія Славянъ, необходимо обратиться къ показаніямъ другихъ источниковъ. Уже исторіографъ Сумъ ²⁾, а за нимъ и Шаффарикъ ³⁾, обратили вниманіе на одно мѣсто въ сочиненіяхъ Птолемея, гдѣ говорится о Бессахъ и Карпіанахъ; первые, по словамъ знаменитаго географа, жили у Карпатскихъ горъ, но очевидно выселились изъ своей прикарпатской страны, имя ихъ встрѣчается въ названіи сосѣдней Бессарабіи и, можетъ быть, Босніи; переселеніе это совершилось, по всей вѣроятности, въ V или VI столѣтіи, по разрушеніи великой державы Гунновъ. Имя Карпіанъ или Карповъ встрѣчаемъ въ названіи Карпатскихъ горъ, отъ которыхъ и самое племя стало именоваться Карпами; слова Карпы и Карпаты Шаффарикъ считаетъ испорченными, производитъ ихъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ отъ славянскаго хрибъ, хърбъ, т. е. вершина, гора, отъ этого же корня произошло русское хребеть, т. е. цѣпь горъ. Мнѣніе это тѣмъ болѣе принять можно, что Русины и теперь называютъ Карпаты Горбами, т. е. Хърбами. Отъ слова хърбы легко производятся хървы-хърваты или Хорваты. Этотъ филологическій путь изслѣдованія приводитъ къ заключенію, что Хорваты были потомками Карповъ и что они населяли Галицію въ весьма древнее уже время; память о нихъ сохраняется до сихъ поръ въ названіи многихъ мѣстностей.

Хорваты, древнѣйшіе насельники Галиціи, въ VI ст.

²⁾ Ч. О. И. и Д. Р. 1846. № 5.

³⁾ Шаффарикъ. Слав. Древн. Т. II, Кн. I, стр. 170 и слѣд.

(около 630 г.) были призваны ⁴⁾ (императоромъ Иракліемъ) изъ за-своихъ Хърбовъ или Карпатъ въ Далмацію и, по извѣстной политикѣ Византійцевъ, противопоставлены Аварамъ; послѣдовала долгая борьба и потомъ основаніе хорватскаго государства въ Далмаціи, Панноніи и Иллирикѣ. Это государство, его исторія до насъ не касаются, для насъ важны тѣ Карпы - Хорваты, которыхъ мы нашли въ нынѣшней Галиціи. Относя ихъ движеніе за Карпаты къ VII ст., мы, однакожь, встрѣчаемъ позднѣе Хорватовъ, которыхъ не имѣемъ права относить ни къ далматскимъ, ни къ паннонскимъ, ни къ иллирійскимъ. Такъ Несторъ, перечисляя народы, жившіе въ Руси до призванія Варяговъ, говоритъ: «И живяху въ мирѣ Поляне и Дѣревяне, Сѣверъ, и Радимичи, и Вятичи, и Хрвате. Дулѣбн живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне, а Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаевн и пр.» ⁵⁾. Далѣе, говоря о походѣ Олега на Грековъ въ 907, Несторъ указываетъ на присутствіе Хорватовъ въ его войскѣ и, что замѣчательно, опять помѣщаетъ ихъ подлѣ Дулѣбовъ и Тиверцевъ ⁶⁾. Мы положительно знаемъ, что власть Олега не распространилась на Далмацію, а потому естественно приходимъ къ предположенію не галицкихъ ли Хорватовъ имѣлъ Олегъ въ своемъ войскѣ и не составляли ли они остатка тѣхъ Хорватовъ, которые, какъ намъ извѣстно, ушли за Карпаты въ VII столѣтіи? Чтобы подтвердить наше пред-

⁴⁾ De A. I. Const. Porph. 30. 143.

⁵⁾ П. С. Р. Л. I, 5.

⁶⁾ П. С. Р. Л. I, 12.

положеніе, мы обращаемся къ сочиненію Константина Порфиророднаго «de Administrando Imperio» и тамъ читаемъ слѣдующее описаніе границъ Угріи: «Turcis (Турками Константинъ вездѣ называетъ Угровъ или Мадьяровъ) hae gentes conterminae sunt: ad Occidentem Francia, ad septentrionem Patzinacitae, ad meridiem magna Moravia sive Sphendoploci regio, quae omnino a Turcis vastata est et ab ipsis jam obtinetur. Chrobati vero ad montes Turcis adjacent» ⁷⁾. Изъ этого видно, что, по мнѣнію императора, Хорваты жили у горъ, на Востокъ отъ Угріи; если мы немного исправимъ это извѣстіе и пойдёмъ отъ Угріи на С.В., то на пути встрѣтимъ горы—Карпаты, перевалившись черезъ которыя придемъ въ восточную Галицію. Мѣсто, приведенное изъ Константина, есть описаніе *современныхъ* ему границъ Угріи; это доказывается и настоящимъ временемъ глагола *sunt*, и тѣмъ еще, что Моравія, лежащая на южной границѣ Угріи, дѣйствительно была завоевана Уграми только около времени этого императора; Константинъ же писалъ въ концѣ первой половины X столѣтія. Изъ соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ выходитъ, что въ половинѣ X столѣтія Галиція была заселена Хорватами, которые, конечно, были ничто иное, какъ остатокъ Хорватовъ, ушедшихъ въ VII стол. въ Далмацію; объ этихъ-то галицкихъ Хорватахъ и говорится у Нестора въ приведенныхъ выше мѣстахъ и теперь понятно, почему лѣтописецъ помѣщаетъ ихъ всегда подлѣ Дулебовъ, жившихъ по Бугу и Тиверцевъ, слѣвшихъ по Днѣстру.

⁷⁾. Const. Porph. De A. I, XIII, 81.

Галицкіе Хорваты все VII и VIII столѣтія прожили безслѣдно; они не успѣли, подобно своимъ закарпатскимъ соотечественникамъ, основать могущественное государство, очевидно слабые они должны были сдѣлаться добычею сильныхъ сосѣдей. Въ IX ст. вблизи ихъ образуются два государственные союза, польскій и русскій, отъ нихъ обонхъ пачинается чуждое вліяніе, съ одной стороны вліяніе Славянъ восточныхъ или Русскихъ, съ другой западныхъ или Поляковъ. Современный составъ народонаселенія Галиціи ясно указываетъ на то, что въ западной ея части одолѣло вліяніе польское, въ восточной же русское, и что то и другое вмѣстѣ окончательно стерло особенности, отличавшія національность Хорватовъ. Въ XIII уже столѣтія высказывалось утвердительно тождество народонаселенія Волини и Галиціи ⁸⁾, хотя и два вѣка спустя не были забыты предки Галичанъ—Хорваты ⁹⁾.

Опредѣливъ такимъ образомъ народонаселеніе Галиціи, посмотримъ теперь, кто владѣлъ этою страпою, до образоваціи въ ней отдѣльнаго русскаго княжества. По недостатку свидѣтельствъ, вопросъ этотъ почти неразрѣшимъ съ полною очевидностію; ни русскіе, ни польскіе источники не описываютъ перваго завоеванія Галиціи; оно является въ нихъ, какъ фактъ уже совершившійся. Русскія лѣтописи представляютъ важнѣйшія свидѣтельства въ этомъ отношеніи; въ нихъ особенно замѣчатель-

⁸⁾ Аноним. Notar. Regis Belae, въ Scriptor. rerum Hungaric. edit. Schvandt.

⁹⁾ Галицкій историч. сборникъ, изд. галицкорусской матицы. Львовъ. 1856 г. II, 175.

ны два слѣдующія мѣста: въ исчисленіи племенъ, составлявшихъ войско Олега въ походѣ его на грековъ, упоминаются Хорваты; это обстоятельство, при извѣстной обязанности покоренныхъ племенъ давать войско Князю, наводитъ, съ перваго взгляда, на мысль, что Хорваты еще ранѣе 907 г. были покорены Олегомъ; но глубже вникая въ это пзвѣстіе, находимъ подобное заключеніе послѣшнымъ и потому неосновательнымъ: Хорваты и самостоятельные могли участвовать въ войскѣ Олега; это могла быть толпа удалцовъ, отозвавшихся на кличъ, который кликнулъ храбрый князь, отираваясь громить Византію; она сражалась подъ знаменами Олега, добывала добычу, что, вѣроятно, составляло ея главную цѣль, и оставалась, по прежнему, вольною и самостоятельною. Другое мѣсто лѣтописи, замѣчательное въ этомъ отношеніи, находится подъ 6489 (981): «Иде Володимерь въ Ляхи и зая грады ихъ Перемышль, Червень и инны грады, иже суть и до сего дне подъ Русью». Изъ этихъ словъ видно, что Галиція въ X стол. принадлежала Полякамъ, такъ какъ Владиміръ ходилъ въ нее какъ въ ихъ собственность и завоевывалъ принадлежавшіе Полякамъ галицкіе города. Такимъ образомъ, на основаніи этого свидѣтельства, можно предполагать, что Галиція, впервые, была завоевана Поляками, хотя очень страшно, что польскіе источники, сколько мнѣ извѣстно, ничего не говорятъ объ этомъ важномъ событіи. Скажемъ нѣсколько подробнѣе о завоеваніи 981 года и постараемся опредѣлить границу, положенную Владиміромъ между Польшею и Русью. Несторъ говоритъ, что Владиміръ завоевалъ у Поляковъ города ихъ Перемышль,

Червень и ны; подь этимъ «ны» Несторъ, безъ сомнѣнія. разумѣлъ рядъ городовъ, который на югѣ оканчивался Перемышлемъ, а на сѣверѣ Червеномъ; каждый городъ, т. е. укрѣпленное мѣсто, служитъ защитой для извѣстнаго пространства, лежащаго кругомъ его, для извѣстнаго округа и если покоряется городъ, то конечно и округъ его бываетъ вынужденъ признать власть побѣдителя; если мы опредѣлимъ теперь, какъ далеко простирались округи означенныхъ городовъ, завоеванныхъ Владиміромъ, то этимъ самымъ мы опредѣлимъ границу, положенную имъ между Польшей и Русью въ 981 г. Довольно взглянуть на карту для убѣжденія, что города, о которыхъ идетъ рѣчь, были назначены для защиты широкой полосы, съ одной стороны омываемой Бугомъ, съ другой Саномъ; вся эта полоса, конечно, была завоевана Владиміромъ и граница русскаго государства перенесена имъ съ Буга на Санъ. (Оружіе Владиміра проникло и далѣе, если вспомнимъ походъ его на Ятвяговъ 983, но этотъ походъ не относится къ нашему предмету). Это пріобрѣтеніе Владиміра св., извѣстное подь названіемъ червенскихъ городовъ, служило предметомъ долгаго спора между Русью и Польшей; споръ вначалѣ рѣшился въ нашу пользу, какъ то будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія. Кажется, что Хорваты пытались достигнуть самостоятельности; на эту мысль наводитъ походъ Владиміра въ 992, о которомъ лѣтопись весьма глухо говоритъ: «иде на Хорваты». Чтоже касается Польши, то преемникъ Мечислава I, Болеславъ Храбрый былъ слишкомъ занятъ въ теченіе

всей остальной жизни Владиміра, онъ воевалъ и съ Чехами, и съ Нѣмцами, и съ Пруссами и потому не могъ пачать войны съ Владиміромъ для возвращенія Перемышля, Червена и иныхъ градовъ, онъ даже вошелъ съ нимъ въ родственныя связи, выдавъ дочь свою за Святополка. Смерть Владиміра (1013) и въ особенности междоусобныя войны Святополка съ Ярославомъ, заставили Болеслава порвать мирныя отношенія къ Руси и пойти на помощь зятю. Знаменитый походъ его до Кіева, несогласіе съ Святополкомъ, избіеніе Поляковъ, разставленныхъ по городамъ и деревнямъ на покормъ, все это одинаково рассказываетъ и польскими и русскими лѣтописцами, но въ рассказъ о послѣдствіяхъ Болеславова похода есть раздоръ. Мартинъ Галль, напри- мѣръ, прямо утверждаетъ: «ex eo tempore Bussia Poloniae diu vestigalis fuit» Слова эти, впрочемъ, нечего опровергать, потому что Болеславъ былъ принужденъ уйти изъ Кіева, не видя ни какой благодарности отъ зятя и опасаясь, чтобы русскіе не перебили всѣхъ его воиновъ. Гораздо яснѣе и правдоподобнѣе говоритъ Несторъ, что Болеславъ захватилъ на возвратномъ пути червенскіе города, т. е. возвративъ завоеванное Владиміромъ въ 981, опять раздвинулъ предѣлы Польши по Бугъ. Не долго, однакожъ, удержались Поляки на Бугѣ; подъ 1030 (6538) г. читаемъ слѣдующее мѣсто у Нестора: «Въ лѣто 6538 умеръ Болеславъ великій въ Лясѣхъ и бысть мятежъ въ землѣ Лядстей, вставше людіе, избивша епископы, и попы и бояры своя, и бысть въ нихъ мятежъ. Въ лѣто 6539 собраста Ярославъ и Мстиславъ вой много, идоста на Ляхы и заяста грады Червеньскыя

опять и половецкая Лядскую землю и многи Ляхы приведоста и раздѣлиста я, и посадивъ Ярославъ своя по Рси» и пр. ¹⁰).

Изъ словъ Нестора очевидно, что червенскіе города оставались во власти Поляковъ до самой смерти Болеслава; исторія Ярослава, его войны изъ за Кіева, потомъ борьба съ Мстиславомъ... достаточно объясняютъ намъ, почему онъ не сдѣлалъ ничего для возвращенія забужской области. Но вотъ умираетъ Болеславъ, въ Польшѣ начинаются смуты, низшіе классы возстаютъ противъ духовенства и бояръ, такимъ образомъ наступаетъ удобное время для похода Ярослава, и походъ дѣйствительно предпринимается въ 1031 г., въ союзѣ съ Мстиславомъ; слѣдствіемъ его было завоеваніе червенскихъ городовъ и опустошеніе Польши. Весь рассказъ идетъ очень естественно и правдоподобно, но въ немъ есть нѣкоторыя невѣрности, именно хронологическія. Всѣ польскія хроникки утверждаютъ, что Болеславъ умеръ не въ 1030 а въ 1025 г., и что послѣ смерти его вовсе не было великихъ смутъ въ Польшѣ. Изгнаніе Оттона Мечиславомъ II и достиженіе послѣднимъ короны путемъ насилія, было явленіемъ обыкновеннымъ въ исторіи первыхъ Пястовъ. Но великія смуты, сплывшая реакція противъ духовенства и боярства со стороны народа, случилась уже по смерти Мечислава II въ 1033 или 1034 году; такимъ образомъ ошибка въ текстѣ Нестора относительно года смерти Болеслава, повлекла за

¹⁰) П. С. Р. Л. I, 64.

собою ошибочное опредѣленіе времени смуть въ Польшѣ и наконецъ похода Ярослава и Мстислава.

Признавъ, такимъ образомъ, ошибку въ текстѣ Нестора и исправляя ее по польскимъ лѣтописцамъ, мы относимъ вторичное возвращеніе Червенска подъ русскую державу къ 1033 или 1034 году. Безкролевье, паставшее въ Польшѣ по смерти Мечислава II, дало Ярославу полную возможность утвердиться въ спорныхъ городахъ, и даже избраніе Казимира осталось безъ всякаго вліянія на господство Русскихъ въ Галиціи. Казимиръ, истинный востановитель польскаго государства, въ теченіе всей своей жизни, отыскивалъ и завоевывалъ различныя польскія земли, захваченныя сосѣдями въ эпоху междуцарствія; особенно много занятъ былъ онъ на западѣ съ Чехами, съ которыми воевалъ до самой смерти; обратиться на Русь ему неоставало ни времени, ни силъ, и вмѣсто враждебныхъ отношеній польскій князь заключилъ дружескій союзъ съ русскимъ, укрѣпивъ его родственною связью, именно взявъ за себя одну изъ дочерей Ярослава. Ярославъ, въ качествѣ родственника и союзника, оказалъ Казимиру нѣкоторыя услуги: такъ онъ помогъ ему окончательцо покорить Мазуровъ, когорые до сихъ поръ все еще стремились сохранить самостоятельность. Казимиръ ничѣмъ не успѣлъ отблагодарить Ярослава, но Длугошъ, не желая выставить своего князя неблагодарнымъ, очень наивно рассказываетъ это Казимиръ возвратилъ Ярославу всѣ тѣ земли, которыя Болеславъ завоевалъ на обратномъ пути изъ Кіева ¹¹⁾.

¹¹⁾ *Multa tamen castra et regiones Russiae, quae avus suus Polonorum rex, Boleslaus in Russia, victo et conflictu Jaross-*

Прослѣдивъ, такимъ образомъ, исторію Галиціи до Ярослава, мы не можемъ не обратиться еще разъ къ вопросу о ея народонаселеніи. Въ польской исторической литературѣ не разъ выражалось мнѣніе, что племя, жившее по берегамъ Сана и отъ него вглубь страны, было племя польское, и что оно, вслѣдствіе владѣнія здѣсь русскихъ князей, передѣлалось со временемъ въ русскихъ. Внимательно соображая все, что предлагаютъ источники, мы видимъ очень ясно, что Полякамъ некогда было утвердиться въ означенной мѣстности; и, допуская польское владѣніе прежде русскаго, мы замѣчаемъ что національность Хорватовъ, какъ отдѣльнаго племени, не исчезла до самаго конца X стол., потому что Несторъ подъ 992 г. говоритъ о Владимірѣ: «иде на Хорваты». Со времени же Владиміра св. побережье Сана составляло постоянно собственность русскихъ князей, съ весьма малымъ перерывомъ вслѣдствіе дѣятельности Болеслава I; оно относилось къ Владиміро-Волынокому княжеству, получившему свое начало тотчасъ по построеніи Владиміра, слѣдственно скоро послѣ 981 г. И съ этого-то времени начиается усиленное вліяніе восточныхъ Славянъ на Хорватовъ и передѣлка ихъ, т. е. уничтоженіе тѣхъ особенностей, которыя отличали ихъ отъ Славянъ русскихъ. При этомъ нельзя не указать на мнѣніе одного изъ лучшихъ знатоковъ славянскихъ древностей, именно Шаффарика, который думаетъ, что X-ор

lao, consecutus erat, et in eam diem tenuerat, post contractam affinitatem, in signum veri faederis et sincerac affinitates Jaroslao restituit.

ваты имѣли много сходства и весьма мало различія съ восточнымъ отдѣломъ славянскаго племени, а потому передѣлка ихъ, по образцу сосѣднихъ съ ними Велынянъ, должна была произойти весьма быстро и Ростиславичи княжили уже среди Русскихъ.

Со времени Ярослава мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о владѣнiяхъ Русскихъ за Бугомъ; по всей вѣроятности они, какъ и прежде, принадлежали къ Владими́ро-Вольнскому удѣлу, который, по смерти Ярослава, выпалъ на долю сына его Игоря. При сынѣ Ярослава Всеволодѣ, являются уже самостоятельные князья въ означенной области: сыновья знаменитаго Ростислава, Василько и Володарь, первый въ Теробовлѣ, второй въ Черемышлѣ; хотя еще прежде Володаря встрѣчаемъ въ Черемышлѣ его старшаго брата Рюрика (+1092). Дѣятельность этихъ князей опредѣляется ихъ прошедшимъ и географическимъ положенiемъ ихъ княжествъ. Подобно отцу, принадлежа къ числу князей обдѣленныхъ, не наследовавшихъ никакой опредѣленной волости и встрѣчая въ старшихъ князьяхъ самое эгонистическое равнодушіе къ своей участи, Василько и Володарь могли полагаться только на собственныя силы. Подобно отцу, они бѣжали въ Тмутаракань, поселеніе, основанное среди кочевьевъ различныхъ азiятскихъ народовъ, готовыхъ изъ-за добычи воевать за всякое дѣло, правое и неправое. Съ помощію этихъ племенъ, Ростиславичи достигли своей цѣли, получили отдѣльное русское княжество. Княжество это лежало на границѣ двухъ государствъ, русскаго и польскаго, которыя, съ самаго начала ихъ государственной жизни, не разъ становились

во. враждебныя одно къ другому отношенія. Эта вражда, конечно, должна была быть сильнѣе тамъ, гдѣ міръ русскіи соприкасался съ польскимъ, а это главнымъ образомъ было въ области названныхъ нами княжествъ; вотъ почему Володаръ и Василько, всю жизнь проведеніе въ войнѣ, искусные въ ратномъ дѣлѣ, на сколько это было возможно въ то время, и храбрые были какъ будто созданы для двухъ этихъ престоловъ и вотъ почему дѣятельность ихъ получила характеръ, по преимуществу завоевательный. Вспомнимъ тѣ рѣчи, которыя говорилъ Василько, уже ослѣпленный, Василію, посланному кн. Давида; въ этихъ рѣчахъ открываются широкіе планы; «я хотѣлъ, говорилъ онъ, идти на Ляховъ и завоевать ихъ землю, хотѣлъ покорить дунайскихъ Болгаръ и переселить ихъ въ свое княжество, а потомъ, испросивъ благословенія братьевъ князей, идти на Половцевъ, и или голову сложить за родную землю, или выгнать басурмановъ изъ Русп.» Ослѣпленіе остановило исполненіе этихъ замысловъ. Володаръ, храбрый сподвижникъ брата, былъ также страшенъ для всѣхъ сосѣдей; Поляки употребили даже хитрость, извинительную только въ то время, чтобы захватить его въ свои руки: они похитили его съ помощію польскаго боярина Петра или Петрона, лестно вошедшаго въ его службу, выкупленный братомъ и сыновьями за 2000 гривенъ, Володаръ вскорѣ умеръ, въ одинъ годъ съ братомъ, 1124. Вмѣстѣ съ польскимъ вліяніемъ на дѣла перемышльско-тереховльскія, утвердилось тамъ и вліяніе венгерское; въ 1098 г. въ первый разъ явились Венгры въ Галиціи, призванные в. к. Святополкомъ Изясла-

ивчемъ противу соединившихъ на него Ростиславичей и Давида. Это первое вмѣшательство Венгровъ кончилось для нихъ весьма несчастливо: они были побѣждены окончательно, половецкій ханъ Бонякъ, союзникъ Давида и Ростиславичей, сбиль ихъ въ мячъ, акн соколь сбиваетъ галицѣ. Вліяніе это также, какъ и польское, упрочивается родственными союзами, вслѣдствіе взаимныхъ браковъ, и мало по малу отношенія Ростиславичей къ ихъ западнымъ сосѣдямъ принимаютъ тотъ же характеръ, которымъ отличались отношенія князей русскихъ вообще: — постоянная вражда и сознаніе родственной связи. Такъ во время войны Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ, послы перваго и союзниковъ его Венгерцевъ и Поляковъ говорили кievскому князю: «вы намъ есте въ отца мѣсто, мы всѣ крестьяне..... одна братья собѣ». Въ продолженіе нашего разсказа мы будемъ имѣть возможность указывать на постепенное измѣненіе въ характерѣ этихъ отношеній.

При сыновьяхъ Володаря и Василька начинаются усобицы въ галицкой области (первое упоминаніе о Галичѣ встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ, въ княженіе Святополка Михаила 1093—1113), ихъ производитъ Владимірко. Этотъ сынъ Володаря, по своему взгляду на отношенія къ младшимъ родственникамъ, подобенъ Андрею Боголюбскому, который изгналъ изъ земли своихъ братьевъ и племянниковъ, чтобы не производить вреднаго дробленія; Владимірко хотѣлъ сдѣлать тоже; онъ завелъ вражду съ братомъ Ростиславомъ, но такъ какъ послѣднему помогали Васильковичи и в. к. Мстиславъ, то Владимірко не успѣлъ достигнуть своей цѣли,

когда же умерли все братья и онъ остался съ однимъ племянникомъ Иваномъ Ростиславичемъ, вся галицкая область соединилась въ рукахъ перваго, а послѣдній, не получившій ни одной пяди земли, долженъ былъ оставить родину и цѣлую жизнь скитаться, тщетно пытаясь возвратить себѣ отцовское наслѣдіе. Этотъ князь извѣстенъ еще подъ именемъ Берладника. Владимірко, между тѣмъ, соединилъ подъ своею властію княжества отца своего и дяди и утвердилъ свою столицу въ Галичѣ; личность его есть одна изъ самыхъ интересныхъ въ описываемое время; въ ней открывается большое сходство съ князьями сѣверной Руси XIII ст. Ихъ направленіе, также какъ и Владимірка, было чисто стяжательное, подобно имъ галицкій князь поставилъ цѣлью своей жизни укрѣпленіе и распространеніе своего княжества; все мѣры, ведущія къ цѣли, онъ считалъ позволенными, на клятвы, цѣлованіе креста не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Такъ, когда онъ, участвуя въ борьбѣ Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, захватилъ нѣсколько городовъ послѣдняго и потомъ, разбитый Изяславомъ, цѣловалъ крестъ въ знакъ того, что отдастъ захваченные города, при первой же возможности отрекся отъ своей клятвы и даже подсмѣивался падъ Изяславовымъ бояриномъ, который напоминалъ ему о цѣлованіи креста; «сей ли крестецъ малый», говорилъ Владимірко, доказывая безсиліе креста повредить ему, и, наскучивъ возраженіями боярина, прибавилъ: «довольно есте объ этомъ говорили, а теперь поди вонъ». Но въ тотъ же день, по мнѣнію лѣтописца, Владимірко былъ наказанъ: идя къ вечернѣ онъ вдругъ почувство-

валь ударъ въ плечо, и вскорѣ умеръ (1153). Сынъ его Ярославъ, прозванный Осмомысломъ, хотѣлъ, было, въ началѣ своего правленія, возвратитъ спорные города Изяславу, но бояре галицкіе, которыхъ значеніе, какъ увидимъ ниже, было весьма велико, воспротивились своему князю и вышеупомянутые города (исключая Буска) остались въ галицкомъ княжествѣ. Во время поддержанный боярами, Ярославъ, въ теченіе всей жизни, заботился о цѣлости и ненарушимости своихъ владѣній; несчастный Берладникъ, имѣвшій полное право на извѣстную часть княжества, не получилъ ничего и отъ Ярослава, попытка, имъ сдѣланная для востановленія своихъ правъ, была безплодна для него и гибельна для его союзника в. к. Изяслава Давидовича: послѣдній потерялъ престолъ и кончилъ жизнь въ борьбѣ съ отвергнувшими его родичами, черниговскими. Это обстоятельство можетъ дать намъ понятіе о силѣ и значеніи галицкаго князя.

Въ княженіе Ярослава въ первый разъ встрѣчаемъ указаніе на внутреннюю дѣятельность. Лѣтописецъ хвалитъ Ярослава за его миролюбіе, говоритъ, что Ярославъ для того не ходилъ на войну (самъ, а посылалъ воеводъ), чтобы лучше устроить свое княжество внутри; результатъ его усилій выраженъ словами: «бѣбо розстроилъ землю свою», но въ чемъ заключалось это устройство, какія мѣры были приняты для этого, мы, по краткости и отрывочности подобнаго рода извѣстій ипатъевской лѣтописи, не знаемъ ¹²⁾. Трудъ Татищева,

¹²⁾ П. С. Р. Л. II, 135.

какъ сводъ нѣсколькихъ лѣтописей, даетъ намъ нѣсколь-
ко болѣе въ этомъ отношеніи; но его извѣстіямъ Яро-
славъ былъ страшенъ для сосѣдей, потому что воеводы,
его, безпрестанно помогая Грекамъ, Чехамъ, Венграмъ,
переняли отъ нихъ военное искусство и, соединяя его
съ природною храбростію, умѣли побѣждать непріятеля;
безопасный, не боявшійся нападенія, князь обратилъ
все вниманіе на устроеніе земли, призывалъ инозем-
цевъ, искусныхъ въ ремеслахъ, обращалъ вниманіе на
торговлю и особенно усилилъ торговлю съ Византійца-
ми, строилъ города, заселялъ ихъ и, что особенно важ-
но, заботился о распространеніи грамотности. Самъ до-
вольно образованный, любившій читать, знавшій нѣс-
колько языковъ, онъ устраивалъ училища, которыя со-
держались на счетъ монастырей и гдѣ учителями были
монахи ¹³). Сынъ его Владиміръ есть самая ничтожная лич-
ность изъ всей династіи Ростиславичей; слабый, недѣятель-
ный, развратный, онъ скоро возбудилъ всеобщее неудо-
вольствіе. Связь его съ женою какого-то галицкаго свя-
щенника, была причиною его изгнанія; послѣ этого въ
Галичѣ сталкиваются притязанія двухъ сосѣднихъ госу-
дарей, владиміро-волынскаго и венгерскаго и исторія Га-
лича принимаетъ другой характеръ.

Въ обще-русской исторіи этого времени происхо-
дитъ явленіе весьма важное: на отдаленномъ сѣверѣ
возникаетъ княжество и съ необыкновенной быстротой
развиваетъ значительныя силы. Получивъ свое начало

¹²) Татищ. III, 280.

какъ отдѣльное русское княжество, при Владимірѣ Мономахѣ, оно уже при сынѣ его Юріѣ становится однимъ изъ важнѣйшихъ, а внукъ Мономаха, Андрей, уже пренебрегаетъ Кіевомъ, остается въ построенномъ имъ городѣ Владимірѣ и оттуда распоряжается золотымъ столомъ кіевскимъ. Такимъ образомъ древняя столица Руси, имѣвшая прежде значеніе первенствующее, становится городомъ подначальнымъ, оставаясь подъ властью государя сѣверной Руси и отъ него получая князей. Стремиться завладѣть Кіевомъ, что прежде было главною цѣлью князей, теперь стало дѣломъ опаснымъ: можно было придти въ столкновение съ сѣвернымъ княземъ; владѣть имъ съ согласія этого князя, казалось унизительнымъ для тѣхъ князей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались значительныя средства; и потому Галичъ, съ его богатою областью, съ установившимся значеніемъ, являлся прекрасною замѣною Кіева, тѣмъ болѣе, что овладѣніе имъ облегчалось постоянными, какъ увидимъ, внутренними смутами.

Оставивъ Кіевъ, князья различныхъ линій обращаются къ Галичу; сперва видимъ тамъ Мономаховичей, потомъ Ольговичей, а за ними опять Мономаховичей. Западные сосѣди Галича также не остаются спокойными зрителями происходившихъ въ немъ событій; Поляки, какъ нѣкогда владѣвшіе берегами Саа, пытаются, нѣкоторое время, снова утвердить тамъ свое господство; венгерскіе короли, находившіеся въ родственныхъ отношеніяхъ съ галицкими князьями, вслѣдствіе взаимныхъ браковъ, постоянно вмѣшиваются въ ихъ дѣла и, помогая то одной, то другой сторонѣ, питаютъ користь

вые замыслы ¹⁴⁾). Такимъ образомъ Галичъ надолго, до самаго 1249 г., сдѣлался предметомъ спора между русскими князьями различныхъ лнній и назваными инопоземцами; вмѣшательство для тѣхъ и другихъ было вовсе не трудно: бояре галицкіе, т. е. лица, имѣвшія значеніе по своему богатству и по занимаемымъ ими

¹⁴⁾ Весьма интересенъ рассказъ венгерскихъ лѣтописцевъ о томъ, что Угры, не успѣвъ еще образовать своего европейскаго государства, уже покорили своей власти Русь и обязали ее ежегодною данью. Такъ Анонимъ Потарій Короля Бельи рассказываетъ, что Угры, подъ предводительствомъ семи старѣйшинъ (*principales personae*), изъ которыхъ главнымъ былъ Альмъ, отецъ Арпада, выступили въ 884 г. изъ Скиѳіи, своего древняго отечества; долго шли они по пустынѣ, не встрѣчая никакихъ поселеній, питаясь произведеніями рыболовства и охоты, пока не пришли въ Руссію, которая называется Суздаль (*in Rusciam, quae Susudal vocatur*); безъ всякаго препятствія дошли они до Кіева и рѣшили покорить всю землю Руссовъ. Князь кіевскій, услыхавъ объ этомъ, призвалъ на помощь Кумановъ, но не могъ выдержать натиска Угровъ и просилъ мира. Миръ данъ былъ ему на слѣдующихъ условіяхъ: 1) князья и вельможи русскіе должны дать въ заложники своихъ сыновей, 2) должны обѣщать ежегодную (*annuatim*) дань въ 10,000 марокъ серебра и кромѣ того дать Уграмъ пищу, одежду и все необходимое. Князья русскіе исполнили всѣ требованія Угровъ, дали, сверхъ того, 1,000 коней съ полною сбруей, 400 верблюдовъ и другіе дары многіе и безчисленные, и просили только, чтобы Угры не селились въ Галиціи, которая встрѣтится имъ по дорогѣ на Западъ; вмѣсто нея указали на Паллонію, какъ на страну, отличающуюся превосходными качествами. Въ сопровожденіи кіевскихъ Руссовъ, дошли Угры до Владиміра, князь котораго далъ имъ также заложниковъ, золота, серебра

должностямъ, съ особенною ревностію стремились къ устройству такихъ отношеній между собою и княземъ, которыя клонились къ явной невыгодѣ послѣдняго, къ ограниченію его власти, — а потому и смѣны князей повторялись безпрестанно. Это мнѣніе о дѣятельности галицкаго боярства есть только предположеніе, нигдѣ въ лѣтописяхъ нѣтъ для него достаточной опоры, нѣтъ напримѣръ, договоровъ, которые бояре заключали бы

и пр.; послѣ трехнедѣльнаго здѣсь пребыванія, Угры въ концѣ четвертой пришли въ Галичъ, гдѣ были приняты съ такою же покорностію; отсюда они перешли въ Паннонію (*Scriptores regum Hungar. I, cap. VIII, pag. 7 et sqq.*) Не нужно много доказательствъ для опроверженія приведеннаго разсказа; очевидно, что Анонимъ Нотарій, писавшій (въ XIII ст.) въ то время, когда имена Суздаля, Галича и Владиміра уже были извѣстны, не зналъ, что въ IX ст. они еще не существовали. Намъ возразятъ, пожалуй, что время основанія древняго города опредѣлить весьма трудно: построенный въ извѣстную эпоху, какъ значится въ письменномъ памятникѣ, онъ могъ существовать несравненно ранѣе, въ видѣ небольшого поселенія, мало извѣстнаго по негромкой дѣятельности племени, которому оно принадлежало. Соглашаясь съ этимъ возраженіемъ, мы не будемъ опровергать Анонима тѣмъ, что означенные города не существовали въ 884 г., но никакъ не можемъ согласиться съ нимъ, чтобы князья ихъ были до такой степени богаты, что могли поднести Уграмъ столь цѣнные дары. Кромѣ того нашъ собственный лѣтописецъ, которому мы имѣемъ основаніе вѣрить болѣе, чѣмъ безъимянному Нотарію венгерскаго короля и который со словъ преданія записалъ извѣстіе объ Уграхъ, именно говоритъ, что Угры мирно, безъ войны прошли 898 г. мимо Кіева и по всей землѣ русской, а воевать они начали

съ княземъ для опредѣленія своихъ взаимныхъ отношеній; но иначе, безъ этого предположенія, невозможно понять безчисленныя крамолы и возстанія бояръ противъ князей; не объясняемая этимъ общимъ стремленіемъ, онѣ кажутся дикими и бессмысленными. Трудно повѣрить, чтобы бояре призывали князя только для того, чтобы, продержавъ его нѣкоторое время, замѣнить другимъ, съ этимъ поступить также, призвать третьяго и т. д. и все это безъ особенныхъ побужденій и расчетовъ. Въ такомъ случаѣ бояре представлялись бы намъ скопищемъ сорванцовъ, не имѣвшихъ никакой опредѣленной цѣли и устраивавшихъ смуты только изъ одного безкорыстнаго желанія побуйствовать. Напротивъ, мы очень хорошо понимаемъ, что въ средѣ

тамъ, гдѣ живутъ Волхи и Словѣне, т. е. въ странѣ, впоследствии назвавшейся угорскою (И. С. Р. Л. I, 10). Неужели бы преданіе забыло о враждебномъ столкновеніи Угровъ съ Кіевлянами, еслибъ такое дѣйствительно было? Другой лѣтописецъ венгерскій, болѣе достойный вѣроятія, именно Турочъ, рассказываетъ о покореніи Руссии (она же и Суздаль) Гуннами еще въ IV ст. (375). Гунны по смерти Атиллы и послѣ междоусобныхъ войнъ сыновей его, возвратились домой, въ азійскую Скиѳію, откуда уже въ 745 г. перешли въ Паннонію. Въ это вторичное прохожденіе ихъ чрезъ Русь, они, по словамъ Туроча, не имѣли войны съ жителями Суздаля и Кіева (Rіо), а что касается до Владиміра и Галича, то объ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Такимъ образомъ рассказъ Нотарія ничѣмъ инымъ не объясняется, какъ ложнымъ патриотизмомъ: онъ жилъ въ эпоху частыхъ походовъ венгер. королей на Русь и ему хотѣлось дать право, законность тѣмъ притязаніямъ на Галичъ, которыя ясно высказывались со стороны Венгріи.

высшаго сословія могла образоваться партія въ пользу того или другаго князя, которая могла думать, что извѣстный ей Ольговичъ, наиримѣръ, будетъ лучше и добрѣе сидящаго на столѣ Мономаховича; она могла обманываться, но это нисколько не мѣшало составленію другой партіи, въ пользу другаго князя и такъ шло бескончаемое отыскиваніе какого-то идеала княжеской власти. Слишкомъ большая продолжительность этого смутнаго періода въ исторіи Галича объясняется, съ одной стороны, искательствомъ князей-претендентовъ, съ другой, тѣмъ, что бояре того времени еще не успѣли образовать изъ себя отдѣльнаго замкнутаго сословія, не были проникнуты единымъ сословнымъ духомъ, дѣйствовали не дружно, и представляли изъ себя рядъ группъ, руководившихся чисто личными симпатіями и антипатіями. Вотъ почему они ничего не достигли, тогда какъ князья, ясно сознававшіе свою цѣль, твердо и неуклонно къ ней стремившіеся, успѣли, наконецъ, смирить боярство и утвердить свою власть на прочныхъ основаніяхъ.

Займемся теперь краткимъ изложеніемъ событій отмѣреннаго нами періода, т. е. со времени изгнанія Владиміра Ярославича или съ 1188 г. до 1249 г., когда Данилъ Романовичъ прочно утвердился въ Галичѣ.

Одновременно съ княженіемъ Владиміра въ Галичѣ, княжилъ во Владимірѣ Волинскомъ Романъ, знаменитый правнукъ великаго Мстислава, старшаго сына Мономахова. Какъ сосѣдъ, онъ обратилъ пристальное вниманіе на дѣла Галича, и изгнаніе Владиміра было устроено боярами отчасти по мысли Романа; лучшимъ дока-

зательствомъ этого можетъ служить восшествіе его (Романа) на престоль галицкій, тотчасъ послѣ бѣгства Владиміра въ Венгрію. Но въ Галичѣ Романъ сталкивается съ другимъ претендентомъ на это княжество королемъ венгерскимъ, который подъ видомъ помощи Владиміру, изгнать Романа, а столъ его отдалъ сыну своему, королевичу Андрею. Такимъ образомъ въ первомъ спорѣ за Галичъ, верхъ взяли иноземцы Венгры, несчастный Владиміръ добился отъ нихъ, вмѣсто помощи, заточенія; онъ былъ посаженъ въ каменную башню съ женой и сыновьями, а на галицкомъ столѣ сѣлъ королевичъ.

Между тѣмъ Романъ, изгнанный Венграми, попалъ въ крайне-затруднительное положеніе. Оставляя Владиміръ, онъ уступилъ его брату своему Всеволоду, кн. белзскому, и клялся, что никогда уже не потребуетъ этого стола. Поцятно теперь, что Всеволодъ не пустил Романа-бѣглеца во Владиміръ и, такимъ образомъ, послѣдній лишился и родоваго и пріобрѣтеннаго удѣловъ. Только послѣ долгихъ усилій, онъ успѣлъ возвратитъ Владиміръ и по прежнему сталъ зорко слѣдить за событіями въ Галичѣ; на его глазахъ происходили извѣстныя насилія Венгровъ, возвращеніе Владиміра и наконецъ смерть его въ 1199 г., когда Романъ, съ помощію Польши, успѣлъ совершить великое дѣло соединенія Волыни съ Галичемъ ¹⁵⁾).

¹⁵⁾ Романъ, какъ намъ извѣстно изъ русскихъ лѣтописей, былъ въ 1199 г. во враждебныхъ отношеніяхъ къ большей части русскихъ князей; со всѣми Мономаховичами онъ былъ въ ссорѣ и если заключилъ союзъ съ Ольговичами, то только по

Но Кадлубку, Романъ, лишь только утвердился въ Галичѣ, началъ съ величайшею жестокостью преслѣдовать бояръ; приговаривая свою любимую пословицу «не передавивъ пчель, не ѣсть меду», онъ однихъ бояръ живыми зарывалъ въ землю, съ другихъ сдиралъ кожу, у третьихъ вынималъ внутренности и оставлялъ умирать въ страшныхъ

причинѣ крайней необходимости. Теперь понятно, что, Романъ не могъ приступить тотчасъ же къ рѣшительному образу дѣйствій, потому что собственныя средства его были незначительны, а на постороннюю помощь нечего было рассчитывать: союзники, его Ольговичи, сами были въ незавидномъ положеніи, они восвали съ Рюрикомъ; Всеволодъ не могъ благосклонно смотрѣть на соединеніе Волыни съ Галичемъ, потому что политика его постоянно отличалась противодѣйствіемъ усиленію какого бы то ни было князя, а Рюрикъ былъ открытымъ врагомъ. Между тѣмъ успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты и энергіи: Галичане, по словамъ Татищева, учинили совѣтъ, на которомъ были высказаны два мнѣнія; одни хотѣли посоветоваться съ Рюрикомъ и отъ него просить князя, другіе стояли за Романа и такъ нужно было предупредить вмѣшательство Рюрика. Во второй разъ отправился Романъ въ Польшу и, по словамъ польскихъ писателей, униженно умолялъ Лешка, тогда уже князя краковского, о помощи, соглашался вступить въ подданическія къ нему отношенія (такъ умѣренно переводимъ мы слово, употребленное Кадлубкомъ: *famulatum*) и не хотѣлъ быть самостоятельнымъ владѣтелемъ Галича, а только *Procurator* омъ краковского князя. Кромѣ того обѣщаль, что чрезъ него Лешко будетъ владѣть всеми русскими и половецкими князьями. Просьба Романа принята была не совсемъ благосклонно, польскіе вельможи находили болѣе выгоднымъ пріобрѣсть Галичъ для Польши, но Лешко, по добротѣ сердечной, согласился, наконецъ, исполнить ее и выслалъ воеводу Николая для утвержденія Романа на галиц-

мученіяхъ. Разсказъ этотъ, отвергаемый историками Галича, тѣмъ не менѣе кажется намъ вѣроятнымъ и правдоподобнымъ; въ немъ есть конечно приувеличеніе, но фактъ, разсказанный Кадлубкомъ именно, что Романъ губилъ бояръ, заслуживаетъ полнаго довѣрія, потому что не противорѣчитъ обстоятельствамъ, среди которыхъ

комъ столѣ. Еще далеко отъ города польское войско было встрѣчено Галичанами, которые предлагали полное, безусловное подданство краковскому князю, обѣщали большую дань и просили одного: избавить ихъ отъ ненавистнаго господства русскихъ князей, которые губятъ землю своими распрями и междоусобіями; Поляки, однакожъ, не исполнили этой просьбы и, посадивъ Романа, возвратились домой. Разсказъ этотъ основанный на Кадлубкѣ, не только ложень, но и невѣроятенъ; современникъ описываемаго событія Винцентій Кадлубекъ, Епископъ Краковскій, написалъ сочиненіе свое (*Res gestae principum et regum Poloniae*, » изд. Общ. любителей наукъ въ Варшавѣ. 1824), какъ самъ говоритъ, съ тою цѣлью, чтобы, разсказавъ великія дѣянія предковъ, тѣмъ самымъ вызвать доблесть своихъ современниковъ, возбудить въ нихъ желаніе подражать древнимъ героямъ; но такъ какъ въ древности не все же были герои, да и самые герои, иной разъ, поступали не совсѣмъ хорошо, то авторъ нашелся вынужденнымъ въ одномъ мѣстѣ добавить, въ другомъ прикрасить, придать извѣстный, невѣрный топъ разсказу, — иначе цѣль его не была бы достигнута. Другое намѣреніе автора, о которомъ онъ умалчиваетъ, но которое очевидно для всякаго читателя, есть прославленіе Казимира Справедливаго и его предковъ и похвальное слово Лешку Бѣлому. Отъ такого сочиненія и отъ такого автора трудно ожидать голой истины, востановить которую можно историческими соображеніями о томъ или другомъ событіи и показаніями другихъ источниковъ. Характеръ отношеній между польскими и русскими князьями совершенно

началось княженіе Романа въ Галичѣ. Венгерская партія, которой существованіе несомнѣнно, состояла изъ его непріятелей, державшихъ сторону его соперника, короля венгерскаго; достигнувъ стола галицкаго, одержавъ верхъ надъ королемъ, Романъ, изъ чувства самосохраненія, считаетъ необходимымъ обезсилить или и со-

противорѣчить тону этого разсказа, мы старались, выше, доказать, что эти отношенія были совершенно подобны взаимнымъ отношеніямъ русскихъ князей. Пястовичи, чрезъ браки, были постоянно въ родственныхъ связяхъ съ Рюриковичами и, какъ родственники, помогали другъ другу въ распрахъ и междоусобіяхъ, которыя знаменуютъ какъ русскую, такъ и польскую исторію. Не заглядывая въ древнѣйшую эпоху, мы въ только что разсказанныхъ событіяхъ, видимъ подтвержденіе нашихъ словъ: отецъ Романа, Мстиславъ, былъ женатъ на Святохнѣ, дочери Болеслава Кривоустаго, Казиміръ справедливый женился на Еленѣ, племянницѣ Романа; вслѣдствіе этаго они взаимно помогали другъ другу, такъ Мечиславъ, братъ Казиміровъ, выслалъ въ 1189 г. войско, которое должно было посадить Романа во Владиміръ Ромаць, взявъ впослѣдствіи сторону Лешка, бился съ Мечиславомъ на р. Мозгавѣ въ 1197 г., а теперь въ 1199 г. когда онъ самъ нуждался въ помощи, ему весьма естественно было обратиться къ Лешку и нѣтъ ничего удивительнаго, что посаженіе Романа въ Галичѣ совершилось при участіи Лешка. Въ сводѣ лѣтописей Татищева это событіе представлено именно такъ какъ мы его понимаемъ; тамъ же находимъ извѣстіе, что Романъ бился съ Галичанами подъ стѣнами ихъ города, что бой былъ непродолжителенъ и побѣдителемъ остался Романъ; это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Бела, посадивъ (1188) своего сына Андрея въ Галичѣ, увелъ съ собою въ Венгрію нѣкоторыхъ бояръ или сыновей ихъ, чтобы тѣмъ обезопасить положеніе сына въ новопріобрѣтенныхъ владѣніяхъ; отсюда ясно,

вершено уничтожить его партію; кромѣ того подобный образъ дѣйствій не могъ остаться безъ вліянія на цѣлое боярство, долженъ былъ сдѣлать его болѣе покорнымъ и отбить у него охоту составлять партіи, въ пользу того или другаго государя. Наконецъ замѣтимъ, что самыя подробности въ разсказѣ Кадлубка, весьма идутъ къ Роману, котораго лѣтопись сравниваетъ со львомъ рысью, крокодиломъ, туромъ и т. д. ¹⁶⁾. Остальная жизнь Романа прошла въ распряхъ съ русскими князьями, особенно съ тестемъ его Рюрикомъ, сперва овручскимъ, а потомъ кievскимъ княземъ, въ участіи въ междоусобіяхъ польскихъ князей, гдѣ онъ принималъ сторону своего племянника, Лешка, и въ походахъ на Литву, которую галицкій князь, по свидѣтельству Кадлубка и Стрыйковскаго, мучилъ, запрягая въ ярмо.

что въ Галичѣ непрѣмѣнно должна была существовать венгерская партія, которая, по чувству любви къ своимъ родственникамъ въ Венгріи, всячески должна была заботиться объ интересахъ короля, она-то сообщила ему о смерти Владиміра и король рѣшился снова попытать счастья, но опоздалъ: Романъ бралъ Галичъ въ то время, когда Венгры переходили Карпаты.

¹⁶⁾ П. С. Р. Л. II, 135.

¹⁷⁾ Шумная дѣятельность Романа, вѣроятно чрезъ Венгрію, достигла Рима. Папа Инокентій III, рассчитывая на славолубіе галицкаго князя, отправилъ къ нему пословъ для склоненія его въ Латинство; послы должны были обѣщать ему новыя владѣнія и королевскій титулъ за обращеніе въ католицизмъ. Романъ не уклонился отъ спора съ учеными монахами, пришедшими изъ Рима, препирался съ ними отъ письма, какъ говоритъ лѣтопись, и одолѣлъ ихъ. Послы, не надѣясь на свои убѣжденія, думали ласкательствомъ и обѣщаніями достигнуть цѣли, между

Вотъ все, что можно собрать о Романѣ изъ лѣтописей русскихъ, польскихъ и литовскихъ; внѣшняя дѣятельность его очерчивается очень не полно, а внутренняя, кромѣ отношеній къ боярамъ, рѣшительно неизвѣстна. Отъ подобнаго князя, съ характеромъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, съ непреклонною энергіей и значительными средствами матерьяльными, можно было ожидать многого; мы знаемъ одно великое дѣло его: соединеніе Волыни съ Галичемъ, знаемъ его вліяніе на дѣла Польши, предполагаемъ такое же на событія венгерскія, основываясь на словахъ лѣтописи: «Романъ Угры и Ляхи побѣди», и утверждаемъ, что княжество его, послѣ страшнаго погрома бояръ въ 1199, наслаждалось внутреннею тишиной, иначе Романъ не могъ бы такъ всецѣло отдаться устройству своихъ внѣшнихъ отношеній.

По смерти Романа, въ теченіе 44 лѣтъ (до 1249), исторія Галича представляетъ нѣчто хаотическое: число претендентовъ увеличивается, русскіе князья, Поляки, Венгры начинаютъ дѣйствовать настойчивѣе, внутреннія смуты, мятежи становятся все чаще и чаще, а вслѣд-

прочимъ они упомянули о мечѣ Св. Петра, который можетъ сдѣлать Романа богатымъ, сильнымъ и честнымъ. На это Князь возразилъ немного рѣзко и откровенно, но словами, которыя прекрасно характеризуютъ дѣятельность князей древнерусскихъ: «Такій ли то мечъ Петровъ у Папы, говорилъ Романъ, показывая свой собственный, ижъ имать такій, то можетъ города давати, а азъ доколѣ имамъ и при бедрѣ, не хочу куповати ино кровію, яко же отцы и дѣды наши размножили землю русскую».

ствіе этого происходятъ непрерывныя смѣны князей. Приводя эту эпоху въ связь съ древнѣйшею исторіей цѣлої Руси, мы найдемъ то сходство, что всѣ эти безпорядки въ Галичѣ вкладываются въ старую рамку, именно представляютъ борьбу Ольговичей съ Мономаховичами. Борьба эта, начавшаяся въ первой половинѣ XII столѣтія, питалась сначала общимъ стремленіемъ и тѣхъ и другихъ—владѣть Кіевомъ; въ описываемое время кіевскій столъ утратилъ значительную долю своего блеска и Галичъ, съ которымъ было соединено Владиміро-Волынское княжество, сдѣлался гораздо болѣе привлекательнымъ. Ближайшіе сосѣди Венгры и Поляки вмѣшиваются въ эту борьбу и, помогая то одной, то другой сторонѣ, сами добиваются Галича. Утомительно и бесполезно было бы слѣдить за всѣми подробностями этого времени; довольно сказать, что отчикъ Галича, сынъ и послѣдникъ Романа, Данилъ, оставшись послѣ отца четырехъ только лѣтъ, имѣя опору только въ слабой женщинѣ, своей матери, и въ немногихъ вѣрныхъ боярахъ, тотчасъ же подвергся нападенію враговъ которымъ долженъ былъ уступить отцовское наследіе. Непостоянство галицкихъ бояръ, раздѣленіе ихъ на группы, руководившіяся, какъ мы уже сказали, чисто личными симпатіями и антипатіями, было причиною безпрестанной смѣны князей, при чемъ Данилу четыре раза удавалось садиться на столъ галицкомъ. Сначала, во время его ранняго дѣтства, онъ находилъ еще слабую, недѣятельную помощь Венгровъ и Поляковъ, но послѣдніе скоро наскучили ролью защитниковъ, скинули маску покровительства и стали открыто достигать Галича

собственно для себя. Король венгерскій и кн. польскій хорошо понимали, что обладаніе Галичемъ невозможно для каждаго изъ нихъ отдѣльно, а совокупное владѣніе являлось возможнымъ только подъ условіемъ брачнаго союза между членами обоихъ владѣтельныхъ домовъ и такой союзъ былъ скоро заключенъ. Молодые супруги, 5-лѣтній Коломанъ, сынъ Андрея и трехъ лѣтняя Саломея, дочь Лешка, сѣли на столѣ галицкомъ, послѣ того какъ союзное польско-венгерское войско выгнало отсюда боярина Володислава, который, пользуясь смутами, похитилъ княжеское достоинство ¹⁸⁾. Поляки, однакожь, скоро отстали отъ союза съ Венграми, послѣдніе были изгнаны знаменитымъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, но скоро галицкимъ княземъ является другой, венгерскій королевичъ — Андрей. Впрочемъ притязанія Венгровъ оканчиваются около половины тридцатыхъ годовъ XIII стол., тяжелыя жертвы, принесенныя ими для пріобрѣтенія Галича, оказались безплодными и отбили у нихъ охоту къ новымъ попыткамъ; еще ранѣе отста-

¹⁸⁾ Господство Коломана въ Галичѣ важно въ религіозномъ отношеніи. Король Андрей, въ посланіи своемъ къ Папѣ Иннокентію III (1214), въ которомъ называетъ себя «Rex Haliciae et Lodomeriae», представляетъ возшествіе Коломана на престолъ галицкій, какъ слѣдствіе униженной просьбы самихъ Галичанъ, при чемъ послѣдніе называются королевскими подданными (*nostrae ditioni subiecti*); далѣе, желая привлечь милостивое вниманіе Папы къ своему сыну, рассказываетъ вещи, совершенно невѣроятныя, именно, что Галичане выразили желаніе быть въ единеніи съ священною римскою церковью и повиноваться главѣ ея, Папѣ. Заинтересованный такимъ образомъ Иннокентій III приказалъ стригонскому архіепископу вѣнчать

ли Поляки, которыхъ вниманіе всецѣло поглотилось внутренними, домашними дѣлами; но все-таки Ромаповичи не могли еще считать себя спокойными обладателями Галича: у нихъ остались еще сильные враги — Ольговичи; борьба съ ними, начавшаяся почти тотчасъ по смерти Романа, первоначально имѣла для нихъ самые печальные результаты: смиряя бояръ за ихъ нестойство и склонность къ мятежамъ, мѣрами въ высшей степени жестокими, Ольговичи вызвали ужасную месть: съ помощію Венгровъ бояре схватили ихъ и повѣсили на стѣнахъ города. Впослѣдствіи борьба приняла иной характеръ: Ольговичи одолевали и только послѣ долгихъ усилій удалось Данилу побѣдить ихъ въ лицѣ Ростислава Михайловича, въ сраженіи подъ Ярославлемъ 1249 г.

Здѣсь оканчивается періодъ, котораго характеристику мы выше изложили. Съ этого времени прекращаются внутреннія смуты, внѣшнія нападенія, которыя волновали Галичъ впродолженіе болѣе чѣмъ 50 лѣтъ. Сраженіе при Ярославлѣ рѣшило дѣло въ пользу Романо-

Коломана королевскимъ вѣнцомъ. Послѣ этого посланія, намъ кажется весьма правдоподобнымъ извѣстіе, сохранившееся въ сводѣ Татищева, что Галичане согласились повиноваться Коломану, только подъ условіемъ принятія имъ Православія, что Коломанъ, давъ обѣщаніе, не только не исполнилъ его, но даже привелъ съ собою двухъ римскихъ епископовъ, которые стали учить народъ новой вѣрѣ, захватили нѣсколько православныхъ церквей и даже оскорбили галицкаго владыку; — все это сильно поразило Галичанъ, но раздѣленные на партіи и потому слабые, они ничего не могли сдѣлать для сверженія инопоземцевъ. См. Зубрицк. Истор. древ. Галиц. Княж. III, 92.

вичей. Теперь они твердо усаживаются въ югозападной Русси, Даниль въ Галичѣ, а Василько во Владимірѣ. Тѣсная солидарность, постоянно существовавшая между ними, дружнѣйшій образъ дѣйствій, единство стремленій, все это заставляетъ насъ, излагая исторію Галиціи, не оставлять и исторіи Волыни. Что касается до характеристики дальнѣйшей исторіи Галича, то время отъ 1249 г. до самаго XIV столѣтія, есть время постоянного возвышенія внѣшняго, укрѣпленія внутренняго и устройства благопріятныхъ, даже вліятельныхъ отношеній къ сосѣднимъ державамъ, и это развитіе силъ Галича совершилось такъ быстро, не смотря на зависимость отъ Татаръ.

Лишь только Романовичи успѣли отбить всѣхъ претендентовъ на галицкій столъ, какъ явились новые враги, стѣснившіе ихъ самостоятельность. Въ 1250 г. пришелъ изъ орды законническій и тѣмъ болѣе страшный запросъ: «дай Галичъ». Лѣтописецъ сообщаетъ, что князь былъ сильно опечаленъ, такъ какъ не было средствъ къ сопротивленію, города не были укрѣплены, значить негдѣ было укрыться отъ нападенія Татаръ, которое непременно послѣдовало бы въ случаѣ отрицательнаго отвѣта. Не желая отдавать польотчины своей, чѣмъ былъ для Романовичей Галичъ, Даниль рѣшился ѣхать въ орду и этимъ изъявленіемъ покорности привлечь къ себѣ милостивое расположеніе хана. Съ понятною печалью поѣхалъ онъ къ берегамъ Волги, невольно вспоминая участь Михаила Всеволодовича и боярина его Федора; непріятность его положенія увеличилась еще болѣе извѣстіемъ, что великій князь

Ярославъ исполнять различные языческіе обряды, прежде чѣмъ былъ допущенъ къ хану и что, слѣдственно, тоже самое предстоить и ему. Всѣ эти тревожныя ожиданія, однакожь, не исполнились. Данилъ былъ очень ласково принятъ въ ордѣ, его ни къ чему не принуждали, только поценили, что онъ такъ долго не приходилъ; ему даже угождали, какъ дорогому гостю; такъ, напримѣръ, замѣтили, что ему не нравится кумысъ и тотчасъ же замѣнили его виномъ. Проведя 25 дней въ Ордѣ, Данилъ выѣхалъ въ свое княжество, котораго онъ остался полнымъ обладателемъ; не знаемъ, имѣлъ ли онъ какіе нибудь переговоры съ Батыемъ, обязался ли чѣмъ нибудь въ отношеніи къ нему, не знаемъ, потому что источники ничего не сообщаютъ объ этомъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы нѣсколько выяснимъ отношенія югозападной Руси къ Татарамъ, теперь же представимъ нѣсколько замѣчаній на разсказанное, только что, событіе. Чѣмъ, напримѣръ, объяснить то обстоятельство, что Татары такъ терпѣливо ждали Данила и такъ были довольны, когда онъ наконецъ пришелъ? «Данило, говорилъ ханъ, чему еси давно не пришелъ, а нынѣ, оже еси пришелъ, а то добро же». Конечно, Татары во все это время (съ 1243 или 44 до 1250) занимались утвержденіемъ своего вліянія на сѣверную Русь и обращали меньшее вниманіе на галицкое княжество; съ другой стороны, они хорошо замѣтили тѣсную связь Галича съ прилежавшими къ нему государствами западной Европы, а западъ уже далъ почувствовать Татарамъ свою силу: легко одолевая Русскихъ, ослабленныхъ раздорами, они при Лигницѣ, съ большимъ трудомъ, потерявъ

много людей, взяли перевѣсъ надъ Генрихомъ, герцогомъ нижнесилезскимъ; западные рыцари, закованые въ желѣзо, дѣйствующіе стройно и дружно, показались имъ опасными, и когда на другой же день предъ нимъ явились свѣжіе полки чешскаго короля Вячеслава, Татары не рѣшились вступить во вторичную битву и пошли назадъ въ Венгрію; нѣсколько времени спустя, они даже потерпѣли пораженіе отъ чешскаго воеводы, Ярослава изъ Штернберга (при осадѣ Ольмюца); все это заставляло ихъ смотрѣть на Западъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и не желать, по крайней мѣрѣ до времени, борьбы съ нимъ. Это обстоятельство объясняетъ ту снисходительность, съ которою Батый принялъ Данила, объясняетъ отсутствіе переноса въ Галичъ, отсутствіе баскаковъ; даже извѣстія о данн попадаются несравненно позднѣе. Тѣмъ не менѣе и легкая зависимость отъ азійскихъ варваровъ казалась бѣдствіемъ, отъ котораго слѣдовало избавиться какимъ бы то ни было образомъ. Извѣстны мѣры, употребленныя Даниломъ для достиженія этой цѣли; союзъ съ Папою оказался безплоднымъ и скоро былъ разорванъ; введенный въ заблужденіе слабостью ближайшаго къ нему баскака Куремсы, Данилъ надѣялся однимъ собственными средствами добиться желаннаго результата; укрѣпивъ города, онъ началъ въ 1257 г. наступательное движеніе и возвратилъ города галицкаго княжества, захваченные Татарами; по вмѣсто Куремсы явился «безбожный Бурундай, въ силѣ тяжьцѣ, со многими полками» и князья сами должны были разметать построенныя ими укрѣпленія, должны были, по приказу баскака, воевать Литву въ то время,

когда она была имъ мирною, и такимъ образомъ подчинились игу варваровъ, которое думали такъ легко свергнуть.

Что касается до отношеній къ Венгріи и Польшѣ, то онѣ устроились весьма благопріятно для галицкаго княжества. Венгрія, разоренная Татарами, не могла быть опасна для сосѣдней Галиціи; король даже искалъ дружбы Данила и для скрѣпленія ^{ея} еѣ предложилъ родственній союзъ, именно бракъ Льва съ Констанціей. Какъ добрые сосѣди и родственники, король и князь помогали другъ другу въ различныхъ предпріятіяхъ, такъ напр. Данилъ помогалъ Венграмъ въ войнѣ за наслѣдство австрійскаго герцога Фридриха Воинственнаго, сперва изъ безкорыстнаго желанія оказать услугу королю, а потомъ изъ интересовъ своего дома, п. ч. сынъ его Романъ, какъ извѣстно, женился на племянницѣ покойнаго герцога и въ приданое за нею долженъ былъ получить Австрію и Штирію. Не смотря на нечестный образъ дѣйствіи короля въ этомъ случаѣ, дружественныя отношенія сосѣдей не измѣнились. Такъ Данилъ въ 1261 г., спасаясь отъ Бурундая, бѣжалъ въ Венгрію и нашелъ тамъ радушный пріемъ.

Польша отъ самой смерти Лешка была волнуета внутренними междоусобіями, возникшими, главнымъ образомъ, изъ-за порядка наслѣдованія; еще до Лешка явилось мнѣніе, что наслѣдство въ нисходящей линіи гораздо разумнѣе и правильнѣе; говорили даже, что старій порядокъ уничтоженъ Императоромъ и Папою ¹⁹⁾

¹⁹⁾ Vincent. Kadlub. II, 103.

и потому при каждомъ очищеніи стола начиналась борьба между противниками и приверженцами стараго порядка наслѣдія. Эти распри дали возможность Данилу утвердить свое вліяніе на дѣла польскія; замѣчательно, что онъ постоянно защищалъ старое представленіе о наслѣдствѣ, хотя, впрочемъ, ни разу не далъ ему торжества надъ новымъ. Въ шестидесятихъ годахъ во взаимныхъ отношеніяхъ Польши и юз. Руси является стремленіе рѣшать общія дѣла не оружіемъ, а мирными съѣздами, конгрессами, образцемъ которыхъ былъ съѣздъ въ Терновѣ 1262 г.

Особенное значеніе, при Данилѣ, имѣютъ отношенія литовскія, такъ какъ при немъ совершилось образованіе литовскаго государства. Изъ извѣстій Стрыйковскаго и Кадлубка, изъ сохранившейся съ древнѣйшаго времени пословицы (зле, Романе, робиши, же Литвою орещи) видно, что Литовцы были покорены Романомъ. Мученія, которыя они вытерпѣли отъ него, конечно, не могли сдѣлать ихъ мирными сосѣдями Романовичей; безпрестанныя нападенія Литвы, сопровождаемыя опустошеніемъ, не мало вредили Данилу и Васильку, которые и безъ того были окружены врагами. Но къ счастью дѣтей Романа, Литовцы сами ослабляли себя своими раздорами и, желая, въ случаѣ надобности, найти помощь въ сосѣднихъ князьяхъ, пришли въ 1213 г. къ Данилу и Васильку «миръ дающе»; съ этого времени они дѣлаются даже полезными имъ и воюютъ ихъ недруга, Лешка Бѣлаго. Подъ словомъ Литовцы, въ этомъ случаѣ, не слѣдуетъ разумѣть цѣлаго литовскаго народа, но только отдѣльные роды или поколѣнія, изъ

которыхъ одни могли быть въ дружбѣ, другіе во враждѣ съ тѣмъ же самымъ княземъ, по этому нѣтъ ничего удивительнаго въ извѣстіяхъ лѣтописи о нападеніяхъ Литовцевъ послѣ 1213 года, послѣ заключенія мира съ Даниломъ. Но эти нападенія, имѣвшія цѣлью опустошеніе и грабежъ, не были существенно опасны для русскихъ князей; серьезная опасность отъ Литвы начинается только въ половинѣ XIII столѣтія. Въ это время отдѣльные литовскіе князья не довольствуются одними опустошеніями; они снѣгаютъ утвердиться на непріятельской землѣ, основать на ней свои государства. Такъ вскорѣ по опустошеніи западной Руси Татарами, Эрдвилъ, сынъ жмудскаго князя Монвила, занялъ опустѣлыя русскіе города и основалъ среди нихъ первый литовско-русскій удѣлъ Новгородокъ ²⁰⁾. Съ другой стороны въ литовскомъ мірѣ, до сихъ поръ разобщенномъ, распадающемся на нѣсколько отдѣльныхъ частей безъ крѣпкой внутренней связи, въ это же время, является стремленіе установить эту связь, спаять отдѣльныя части и такимъ образомъ вмѣсто слабыхъ отрывковъ образовать крѣпкое, самостоятельное цѣлое. Эта идея и ея осуществленіе принадлежитъ Миндовгу, личности въ высшей степени замѣчательной. Весь проникнутый стремленіемъ къ единовластію и основанію могущественнаго государства, Миндовгъ считалъ себя въ правѣ не разбирать средствъ, которыя могли бы привести къ его высокой цѣли. Считая прочихъ князей главною себѣ помѣхой, онъ однихъ изгонялъ, другихъ

²⁰⁾ Костомаровъ. Литовскіе инородцы. (Рус. Слово V), 200.

убивалъ и владѣнія ихъ подчинялъ своей власти; впрочемъ на этомъ пути онъ встрѣтилъ преграду, которая надѣлала ему много хлопотъ. Между прочими Миндовгъ желалъ отдѣлаться и отъ своихъ родственниковъ, князей Тевтивила, Эдивида и ихъ дяди Викинта; онъ послалъ ихъ воевать Русь, сказавъ: «кто что возьметъ, то пусть и держитъ при себѣ». Названные князья завладѣли Смоленскомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ и не знаемъ, изъ за того ли, что Миндовгъ хотѣлъ убить ихъ, какъ говоритъ шатъевская лѣтопись, или требовалъ отъ нихъ покорности и подчиненія, только они бѣжали къ Данилу, который былъ женатъ на сестрѣ Тевтивила и Эдивида, и просили его помощи противъ Миндовга. Мы не знаемъ прежнихъ отношеній галицкаго князя къ литовскому; въ описаніи сраженія 1249 года, упоминается Литва, пришедшая на помощь Данилу. Можетъ быть это было войско Миндовга, что указываетъ на дружбу его съ галицкимъ княземъ, а можетъ быть эта помощь пришла отъ другихъ литовскихъ князей, напримѣръ Тевтивила или Эдивида. Но какія бы ни были ихъ отношенія, Данилъ съ удовольствіемъ принялъ просьбу шурьевъ и согласился помогать имъ; согласіе это, вытекаая отчасти изъ воинственнаго характера Данила, вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывалось и политическими соображеніями: неблагоразумно было бы пропустить случай и не воспользоваться враждою, которая началась въ народѣ храбромъ, воинственномъ, грозившемъ образовать изъ себя крѣпкое государство; на этомъ основаніи Данилъ задумалъ нападеніе на Литву въ щирокихъ размѣрахъ, «время хрестьяномъ на поганые, яко

сами имѣютъ рать межн собою» писалъ онъ къ польскимъ князьямъ, надѣясь возбудить и ихъ къ войнѣ съ Миндовгомъ. Поляки согласились только на словахъ и не приняли въ войнѣ никакого участія. Между тѣмъ Викинть поднялъ на Миндовга Жмудь, Ятвяговъ, а Тевтивилъ принятіемъ католицизма, привлекъ на свою сторону рижскихъ Нѣмцевъ. И такъ серьезная опасность угрожала Миндовгу; желая отклонить ее, онъ объявилъ, что хочетъ креститься и вслѣдствіе того получилъ и королевскіи вѣнецъ и помощь Ордена. Оградивъ себя, такимъ образомъ, отъ нападенія рыцарей, Миндовгъ обратился на Тевтивила, который съ Жмудью, Ятвягами и войскомъ Данила, далъ ему битву, близъ неизвѣстнаго города Воруты, въ то время, какъ Данилъ опустошалъ новгородскую область. Миндовгъ увидалъ, что и безъ Нѣмцевъ, враги его достаточно сильны и потому рѣшилъ мириться; помирившись съ Даниломъ онъ для скрѣпленія дружбы выдалъ дочь свою за Шварна, причемъ важную роль въ дѣлахъ русскихъ князей, сынь Миндовга, Войшелкъ или Войсилько. Этотъ Войшелкъ личность, въ такой же степени замѣчательная, какъ и отецъ его; отличаясь необыкновенною жестокостью, онъ радовался пролитію крови и впадалъ въ глубокую печаль, когда не было случая убить кого нибудь; и этотъ человекъ, язычникъ съ головы до ногъ, вдругъ страстно привязывается къ Христіанству и даже принимаетъ иноческіи санъ. Оставивъ міръ, онъ не нуждался болѣе въ своемъ княжествѣ и отдалъ его, т. е. Новгородъ, Слонимъ и Волковыскъ, Роману. Послѣ того

онъ тщетно пытался пройти на Св. Гору; возникшія, въ то время, безпокойства въ византійской имперіи сдѣлали пути небезопасными и потому Войшелкъ возвратился и самъ построилъ себѣ монастырь на берегу Нѣмана, близъ Новогрудка.

Естественно, что Миндовгъ съ величайшимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на уступки, которыя онъ долженъ былъ сдѣлать Данилу и ждалъ только случая для начала новой борьбы. Справедливость требуетъ сказать, что Романовичи первые начали непріязненные дѣйствія, хотя и противъ воли. Въ 1260 г. явился Бурундай и звалъ ихъ на войну съ Литвою; Данилъ, какъ намъ извѣстно, не поѣхалъ къ баскаку, а послалъ Василька, который, желая поправиться Бурундаю, по пути попалъ на небольшой отрядъ Литовцевъ, разбилъ его и привелъ плѣнниковъ къ татарскому предводителю. Это нарушеніе мира Романовичами вызвало жестокую месть со стороны Войшелка: онъ захватилъ Романа и этотъ сынъ Данила исчезъ съ тѣхъ поръ навсегда; мы знаемъ только, что онъ похороненъ въ соборной Богородичной церкви въ Холмѣ. Тщетно Данилъ и Василько, долго и въ разныхъ направленіяхъ, воевали Литву, они только вызвали, со стороны Литовцевъ, такое же опустошеніе своихъ областей; рядъ обоюдныхъ набѣговъ окончился въ 1262 г. битвою при городѣ Неблѣ, гдѣ Василько такъ поразилъ Литовцевъ, что ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ. Далѣе лѣтописи не упоминаютъ о столкновеніяхъ Данила съ Миндовгомъ; оно и понятно: и тотъ, и другой были заняты дома, первый Татарами, второй отношеніями къ Папѣ и Ордену. Принявъ кре-

щеніе по необходимости, по требованію обстоятельствъ, Миндовгъ, по прежнему оставался язычникомъ, втайнѣ приносилъ жертвы идоламъ и держался тѣхъ суевѣрій и предразсудковъ, которые были порожденіемъ язычества; при такихъ убѣжденіяхъ онъ не могъ долго оставаться Христіаниномъ, даже по наружности, тѣмъ болѣе, что крещеніе не принесло ему никакой пользы: орденъ соглашался помогать ему только за вознагражденіе извѣстною частью его владѣній. Приготовивъ втайнѣ средства для борьбы съ нѣмцами, помирившись съ родственникомъ своимъ Тройнатомъ, заклятымъ врагомъ Ордена, Миндовгъ въ 1259 пачалъ дѣйствовать наступательно; въ Курляндіи, на берегахъ р. Дурбы, Литоцвы одержали блистательную побѣду надъ рыцарями и вслѣдъ за тѣмъ Миндовгъ, произведя возстаніе въ Пруссіи, торжественно отрекся отъ Христіанства и королевской короны. Орденъ не имѣлъ силъ наказать его. Устроивъ такимъ образомъ свои внѣшнія отношенія, Миндовгъ продолжалъ внутри отдѣлываться отъ родичей и, не находя себѣ сильныхъ соперниковъ, вознесся, по словамъ лѣтописи, славою и гордостью великою; это самомнѣніе и неуваженіе правъ другихъ довело его до гибели. Въ 1262 г. умерла жена его; Миндовгъ, много печалясь о покойницѣ, призвалъ ея сестру, супругу палыцанскаго князя Даумонда, чтобы вмѣстѣ оплакать ихъ общую утрату; когда сестра покойницы пріѣхала, Миндовгъ же-пился на ней, ссылаясь на такое желаніе умершей. Этотъ насильственный бракъ раздражилъ Даумонда, который, съ этого времени, сталъ искать случая убить Миндовга и исполнилъ свое намѣреніе въ 1263 г., ког-

да Миндовгъ выступилъ въ походъ на Романа Брянскаго. Войшелкъ, узнавъ объ убіеніи отца, испугался и убѣжалъ въ Пинскъ, а Литвою и Жмудью сталъ управлять сообщникъ Даумонда, Тройпате, вскорѣ убитый тремя конюхами Миндовга. Какъ видно въ Литвѣ существовала партія, которая желала имѣть княземъ Войшелка, потому что послѣдній, извѣстившись о смерти Тройпаты, пошелъ къ Новогродку, а оттуда, получивъ вспомогательное войско отъ Шварна и Васплька, въ Литву, гдѣ съ радостію былъ признанъ наследникомъ Миндовга. Власть не привлекала его, но смерть отца требовала мести; недавно принятое Христіанство не измѣнило еще языческаго образа мыслей и чувствъ, который былъ воспринятъ Войшелкомъ съ самаго ранняго дѣтства. Съ прежнею свирѣlostію избивалъ онъ всѣхъ, кого хоть немного можно было подозрѣвать въ ненависти къ Миндовгу, и когда уже некому было мстить, ушелъ обратно въ свой монастырь замаливать новыя грѣхи. Помощь, оказанная ему русскими князьями, совершенно измѣнила отношенія Руси къ Литвѣ, но это измѣненіе случилось уже по смерти Данила и потому мы расскажемъ о немъ въ своемъ мѣстѣ ²¹⁾).

²¹⁾ Мы не считаемъ нужнымъ распространяться объ отношеніяхъ Галича къ Ятвягамъ; этотъ народъ, до пельзы дикій и воинственный, дѣлалъ безпрестанныя нападенія на вольнскую область, за что ему платили тою же монетою, и конечно Русскіе имѣли всегда перевѣсъ надъ Ятвягами; они были и сильнѣе и искуснѣе, имѣли лучшее вооруженіе и дѣйствовали правильнѣе. Не разъ повторившееся отустошеніе ятвяжской земли

Въ 1264 г. умеръ король Данилъ, 63 лѣтъ отъ роду. Вотъ что говоритъ объ немъ лѣтописецъ: «се же Король Данилъ, Князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда города многи, и церкви постави, и украси ѿ различными красотами; бяшетъ бо братолюбіемъ свѣтятся, со братомъ своимъ Василькомъ; сей же Данило бяшетъ второй по Саломонѣ». Отзывъ необыкновенно вѣрный и полный, обнимающій всю дѣятельность и всѣ характеристическія черты Данила. Его ответственность и храбрость дѣлаются понятны изъ обстоятельствъ его жизни; съ четырехлѣтняго возраста онъ былъ уже окруженъ врагами, добивавшимися его наслѣдства, и лицемерными друзьями, которые, впрочемъ скоро, сбросивъ маску покровительства, также начали добиваться Галича. Возмужавъ, Данилъ отбилъ всѣхъ претендентовъ, и Венгровъ, и Поляковъ, и русскихъ князей Ольговичей; въ этомъ дѣлѣ онъ является тѣмъ болѣе великимъ, что внутри государства, въ его высшемъ сословіи, онъ находилъ слишкомъ слабую поддержку, и чаще открытое противодѣйствіе; приходилось дѣйстви-

имѣло важные результаты: въ 1256 г. Ятвяги, разоренныя въ конецъ, прислали просить мира, обѣщаясь платить дань и строить города въ своей землѣ, въ удостовѣреніе чего прислали дѣтей своихъ въ заложники; такъ первые начатки цивилизаціи были внесены къ Ятвягамъ Русскими при Данилѣ. Въ 1257 г. къ нимъ ѣздила галицкій бояринъ для сбора дани черными кунницами, бѣлками и серебромъ. Часть дани послали въ подарокъ пограничному польскому начальнику, чтобы, такимъ образомъ, похвастаться передъ сосѣдями.

вать то оружіемъ, то переговорами, и Данилъ имѣлъ одинаковый успѣхъ въ обоихъ родахъ дѣйствія. Завладѣвъ Галичемъ, Данилъ успѣлъ совершенно измѣнить его вышнія отношенія; вліяніе русскаго короля было, какъ мы видѣли, сильно и въ Венгріи, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, и Ятвягахъ. Татары, хотя и стѣсняли его независимость, наносили ей ущербъ, но иго ихъ вовсе не было такъ сильно въ югозападной Руси, какъ въ сѣверовосточной. Другая замѣчательная черта Данила, рекомендующая его умъ и сердце, есть его братолюбіе, прекрасныя отношенія къ Васильку, столь рѣдкія между князьями братьями того времени; вотъ почему Галичъ и Вольшь составляли тогда одно государство, которое дружно двигало свои силы для достиженія общихъ цѣлей. Наконецъ внутренняя дѣятельность Данила, постройка городовъ, церквей, приведеніе страны въ цвѣтущее положеніе послѣ татарскихъ опустошеній, была до такой степени благотворна, что даже Длугошъ, не любившій распространяться о могуществѣ русскихъ князей и расточать имъ похвалы, говоритъ о Данилѣ, что онъ былъ «*divitūs, terris, gentibus, factivitate et industria pollens*».

Что же касается до связи Галича съ остальною Русью, то, какъ мы видѣли, связь эта окончательно порвалась въ началѣ сороковыхъ годовъ XIII столѣтія. Съ этого времени Русь югозападная составляетъ особую государственную систему, которая примыкаетъ къ Западу, а не къ Востоку, которая имѣетъ несравненно большее значеніе въ дѣлахъ Венгріи, Польши, Чехіи, австрійскаго герцогства, Литвы и земли ятвяжской, нежели въ событіяхъ княже-

ствъ суздальскаго, владимірскаго и вообще Руси сѣверовосточной. Эта отдѣльность, оторванность отъ роднаго племени, конечно, не могла сулить ей ничего хорошаго въ будущемъ. Но слѣдуетъ ли обвинять въ этомъ Данила? Конечно нѣтъ: Татары, наводнивъ весь Югъ Россіи, совершенно обезсиливъ его, отдѣлили древнюю, кievскую Русь отъ новаго Сѣвера; но подлѣ этой старой, парализованной Руси, въ ея западномъ уголкѣ, сохранилась частица русскихъ силъ, которая, развившись въ особую, крѣпкую державу, требовали себѣ дѣятельности, искали исхода; онѣ не могли прилечь къ родному Сѣверу, отъ котораго отдѣлялись, съ одной стороны, Литовцами, съ другой Татарами и потому весьма естественно, что онѣ обратились на дѣла, чуждыя Руси и, мало по малу, произвели упомянутую связь Галича съ прилежащими къ нему государствами западной Европы.

Въ концѣ царствованія Данила, мы упомянули о переменѣ въ литовскихъ отношеніяхъ; она произошла слѣдующимъ образомъ: Войшелкъ, совершивъ свою кровавую мечь съ помощію Василька и Шварна, «наречь перваго, акн отца себѣ и господина», а второму, по удаленіи своемъ въ монастырь, отдалъ свое княжество.

Навсегда уже отказавшись отъ княжескаго достоинства, Войшелкъ поселился въ даніловскомъ монастырѣ, близъ Угровска; туда же пріѣхалъ къ нему Григорій Половнскій, его старій наставникъ въ ипческомъ житіи, вблизи жили Шварно и Василько, такимъ образомъ около князя-монаха собрались всѣ любимые имъ люди; «се ми здѣ, близъ мене сынъ мой Шварнео, а другой господинъ мой отецъ князь Василько, а тѣма ся иму

утѣшивати», говорилъ Войшелкъ, не подозрѣвая близкой смерти отъ руки русскаго князя. Отдача Литвы Шварну произвела весьма непріятное впечатлѣніе на Льва, челоуѣка, въ высшей степени завистливаго и стяжательнаго, и между нимъ и Войшелкомъ поселилось неудовольствіе; въ 1268 г. прислалъ Левъ къ Васильку, прося устроить ему свиданіе съ Войшелкомъ; Василько, согласившись, послалъ зовъ, но Войшелкъ боялся Льва, не хотѣлъ ѣхать и если, наконецъ, рѣшился, то отдавшись, какъ говоритъ лѣтопись, на Васильковы руки. Князья весело праздновали свое свиданіе у Нѣмца Маркольта и казались въ дружескихъ между собою отношеніяхъ. Послѣ обѣда когда всѣ разѣхались по домамъ, Левъ отправился въ монастырь св. Михаила, гдѣ остановился Войшелкъ, и постучался въ его келью съ словами: «куме, напьемся» ²²⁾ начался новый пиръ, въ продолженіе котораго князья поссорились и Левъ, разгоряченный виномъ, кромѣ того и прежде нерасположенный къ Войшелку, убилъ его. Вскорѣ послѣ того умеръ и Шварно, и Литва снова отдѣлилась отъ Руси; очень можетъ быть, что поступокъ Льва раздражилъ Литовцевъ противъ русскихъ князей и въ Литвѣ сталъ княжить туземецъ Тройденъ, язычникъ, о которомъ наша лѣтопись отзывается очень неблагосклошно, придавая ему эпитеты окалинаго, беззаконнаго, проклятаго и т. д.

Изъ дальнѣйшихъ отношеній сыновей Данила къ Литвѣ, замѣчательенъ фактъ, записанный въ лѣтописи подъ

²²⁾ Войшелкъ крестилъ у Льва, сына Юрія.

1289 г. Лѣтописецъ сообщаетъ, что литовскіе князья Будикидъ и Будивидъ дали Мстиславу владимірскому Волковыійскъ, «абы съ ними миръ держалъ». Это извѣстіе, по всей вѣроятности, объясняется возникшими тогда въ Литвѣ смутами, которыя заставляли князей ея стараться обезопасить себя извнѣ, хотя бы то стоило извѣстныхъ пожертвованій. Эти смуты были послѣднимъ актомъ броженія, изъ котораго родилось могущественное литовское государство и русскій князь, заставляя Литовцевъ покунать у себя миръ цѣною городовъ, ни какъ не думалъ, что его собственное княжество скоро подпадетъ ихъ власти.

Отношенія къ Польшѣ отличаются тѣмъ же характеромъ, какой имѣли при Даніилѣ. Естественно, что постоянныя междоусобія въ Польшѣ усиливали вліяніе русскихъ князей. Въ лѣтописи записанъ фактъ, что одинъ изъ князей Мазовецкихъ (Кондрать Семовитовичъ) сталъ подъ руку Владиміра Васильковича и потомъ Мстислава Даніловича. Намъ кажется, впрочемъ, что не слѣдуетъ придавать особенное значеніе этому подручничеству: оно было только номинальное.

Для лучшаго пониманія татарскихъ отношеній приведемъ рассказъ лѣтописи о походѣ Русскихъ и Монголовъ на Польшу въ 1283 г. Два непріязненныхъ между собою хана, Телебуга и Ногай, забывъ на время вражду свою, рѣшили идти на Ляховъ и первый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ Польшу. Изъявляя свою покорность, одинъ за другимъ являлись русскіе князья къ Телебугѣ, во время похода его чрезъ русскія земли, съ шитьемъ и дарами; такъ на

Горыни встрѣтилъ его Мстиславъ, у Перемиля Владиміръ, а на Бужковомъ полѣ, Левъ. На этомъ полѣ ханъ сдѣлалъ смотръ своему войску; оно было такъ огромно, что князья испугались и ждали себѣ или насильственной смерти, или отобрація городовъ; отсюда Татары двинулись къ Владиміру, города не брали, но, пограбивъ множество товара и коней, потянулись въ Польшу. Часть ихъ, однакожъ, осталась подъ Владиміромъ, для того, чтобы пасти любимыхъ коней; эти пастухи дѣлали величайшія насилія, никому не позволяли выходить изъ города, однихъ грабили, другихъ убивали и довели городъ до крайняго изнеможенія. Между тѣмъ Телебуга воевалъ Польшу, приступалъ, но безъ успѣха, къ Сендоміру и хотѣлъ было идти къ Кракову, но, узнавъ, что Ногай опередилъ его, повернулъ въ землю Льва. Двѣ недѣли оставался онъ подъ Львовомъ, кормя коней, и едвали не болѣе сдѣлалъ зла русской землѣ, чѣмъ Польшѣ: всѣ выходившіе изъ города, или были убиваемы, или, сохранивъ жизнь, теряли все до сорочки и гибли потомъ отъ холода, который былъ особенно силенъ въ ту зиму. Отъ скопленія людей въ городѣ появилась зараза, въ опустошенныхъ селахъ — голодъ, такъ что народъ умиралъ тысячами; всего, по счету Льва, погибло 12500 человекъ.

Вотъ образчикъ татарскихъ отношеній; Телебуга, какъ видно, подобно Бурундаю, считалъ необходимымъ, отъ времени до времени, напоминать Русскимъ о своей силѣ, чтобы тѣмъ крѣпче утвердить власть свою между ними. Кромѣ даровъ, которые подносились ханамъ при извѣстныхъ случаяхъ, платилась, въ рассматриваемый періодъ,

и постоянная, определенная дань: въ завѣщаніи Владиміра Васильковича встрѣчается упоминаніе о поборѣ, подъ названіемъ Татарщины; это есть, по всей вѣроятности, налогъ, съ помощію котораго уплачивался ордынскойій выходъ. Въ это же время князья югозападные, подобно сѣверовосточнымъ, привыкли обращаться къ ханскому авторитету и имъ закрѣплять, дѣлать твердыми свои распоряженія; такъ лѣтописецъ рассказываетъ подъ 1287 г., что князь Владиміръ, чувствуя приближеніе смерти и желая передать свое княжество Мстиславу, объявилъ свою волю при ханѣ: «а се даю ти при Царѣхъ и при его рядьцахъ». Мстиславъ, принимая даръ, спрашивалъ Льва, не будетъ ли онъ искать части его по смерти Владиміра, и не лучше ли теперь же высказать свои притязанія, «а се царь, а се азъ, молви со мною, что восхощешь». Изъ этихъ словъ видно, что царь долженъ былъ бы разрѣшить недоумѣніе и споръ, которые произошли бы, еслибъ Левъ высказалъ свои виды на Владимірово наследство. Въ дополненіе представленнаго очерка татарскихъ отношеній, скажемъ, что въ означенное время встрѣчаются извѣстія о поѣздкахъ князей въ орду; такъ на одной рукописной кормчей, читаемъ надписъ слѣдующаго содержанія: «Въ лѣто 1286 списанъ бысть сей Номокаонъ боголюбивымъ княземъ Владиміромъ, сыномъ Васильковымъ, боголюбивой княгиней его Ольгой Романовной. Пишущимъ же намъ сія книги, поѣхалъ господь нашъ къ Ногаеви и госпожа наша осталась у Владиміру, заче бѣше немощію

угонца люта зѣло, того ради не мощно ей бысть проводить его» ²³).

Изъ сказаннаго видно, что татарское вліяніе на Русь югозападную сдѣлалось несравненно тяжелѣе при сыновьяхъ Данила: уже платится дань, князья ѣздятъ въ орду и въ своихъ распоряженіяхъ ссылаются на хана, какъ на лице, рѣшеніе котораго безапелляціонно. Но сравнивая это вліяніе съ тѣмъ гнетомъ, который падалъ на сѣверовосточную Русь, мы все таки видимъ большую разницу; она велика уже потому, что въ Галичѣ не было переписи, не было баскаковъ и страшной язвы народа сѣвернаго, откупниковъ данн, которые тянули изъ него послѣднія жизненные силы.

По смерти сыновей Данила и Василька изъ потомковъ Романа Великаго намъ извѣстны Юрій Львовичъ и Даниль Мстиславичъ, который, по причинѣ своего малолѣтства, не имѣлъ особеннаго удѣла и Юрію соединилъ подъ своею властію и Галицію и владимірское княжество. Въ 1316 г. правятъ уже сыновья Юрія, Андрей и Левъ, они употребляютъ титулъ: «*duces totius terrae Russiae, Galiciae et Lodomeriae*» ²⁴). О смерти ихъ, случившейся около 1324 года, извѣстно изъ письма короля польскаго Владислава Локетка къ Папѣ Іоанну XXII, въ которомъ Владиславъ извѣщаетъ, что со смерти этихъ князей (послѣднихъ?) «*de gente schismatica*», Польша лишилась непреодолимаго щита отъ Татаръ (*quos pro scuto inexcrugnabili habebamus*) и потому проситъ у Папы

²³) - Востокова: О. Р. М. стр. 312.

²⁴) Карамз. II. Г. Р. примѣч. 268.

помощи ²⁵). Есть нѣкоторое основаніе думать, что при этихъ князьяхъ, Даниль Мстиславичъ, достигнувъ совершеннолѣтія, получилъ въ удѣль Белзъ, а сынъ его Юрій присоединилъ къ нему Холмъ ²⁶) съ согласія короля Казимира въ 1366 г. (см. Анонима Гнезнен. подъ 1366 г.).

По смерти Андрея и Льва (1324) на престоль галицкій и владимірскій вступилъ Юрій II Андреевичъ, (+ 1335) которымъ и заканчивается рядъ князей русскихъ, самостоятелно правившихъ Галиціею.

²⁵) Карамз. II. Г. Р. IV, 275 прим.

²⁶) Въ Описаніи Рукописей Румянцовскаго Музея, Востокова, на 174 стр. при описаніи одного Харатейнаго Евангелія, читаемъ слѣдующую вкладную запись 1376: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се я князь юрія холмскни, сынъ данила холмскаго, по смерти сына моего князя семена придали іесмо къ церкви Божой, пречистой Богоматери на Богомоле вечистоіе село стрижово сленче Космово цуцнево зовомо обаноль бугу въ лето 6884 к столцу ієпископни холмскоіе при боголюбезномъ калисти ієпископни холмъскомъ и белзкомъ да пребудуть же непорушно подъ анаѳемою за што здѣ дан Господи намъ побыть и здравіе а по семъ и детемъ нашимъ вечную память амишь».

Эта вкладная запись очевидно доказываетъ, что Юрій, князь холмскій и белзскій, который правилъ до 1378 года и который такъ мужественно боролся съ Поляками, не Наримунтовичъ, какъ полагали, а Даниловичъ и есть сынъ Данила Мстиславича, слѣдственно русскаго, а не литовскаго княжескаго рода. Какъ видно изъ записи, у него были дѣти, изъ нихъ мы знаемъ только одного: «Ioannes Georgii Belzensis filius, dux Bussiae» Stadnicki. Synowie Gedymina. T. I. 24 и Зубриц. II. Гал. Кп. III, 266.)

Вотъ все, что мы знаемъ объ исторіи Галича подъ властью князей—Рюриковичей; Карамзину обязаны мы тѣми краткими свѣдѣніями, которыя имѣемъ отъ 1292 г. т. е. по прекращеніи ипатьевской лѣтописи: поиски его въ кенигсбергскомъ и торнскомъ архивахъ увѣнчались открытіемъ нѣсколькихъ грамотъ²⁷⁾, которыя, по крайней мѣрѣ, даютъ намъ возможность составить вѣрную генеалогію князей, потомковъ Романа Великаго. Сообщаютъ ли онѣ намъ достаточно, чтобы составить понятіе о тогдашнемъ положеніи княжествъ галицкаго и владимірскаго?

Слѣдуя точному смыслу этихъ грамотъ, мы узнаемъ, что князья Галича и Владиміра въ XIV столѣтіи были до такой степени сильны, что обѣщали нѣмецкому ордену защиту отъ Татаръ и другихъ какихъ бы то ни было непріятелей (*et ab hostili quolibet invasore*); тоже подтверждается извѣстнымъ уже намъ письмомъ Локетка къ Папѣ, гдѣ русскіе князья, Андрей и Левъ называются непреодолимымъ щитомъ Польши отъ Татаръ; изъ этихъ свидѣтельствъ естественно вытекаетъ заключеніе, если не о совершенномъ уничтоженіи монгольскаго ига въ юго-западной Руси, то о рѣшительномъ его ослабленіи. Далѣе узнаемъ, что князья заботились объ успленіи торговли своего государства, для чего позволяли иностраннымъ купцамъ свободный въѣздъ и безошлннную торговлю; наконецъ то обстоятельство, что грамоты при Юріѣ II писались не отъ имени князя только, но и

²⁷⁾ Кар. II. Г. Р. прим. 268 и 276.

отъ лица бояръ, даетъ намъ право предположить, что власть князя во второй четверти XIV столѣтія ослабѣла и, напротивъ, возвысилось значеніе боярское. Впрочемъ это обстоятельство можетъ объясняться еще малолѣтствомъ Юрія.

Вотъ все, что можно добыть изъ скудныхъ источниковъ для исторіи Галича въ первой половинѣ XIV вѣка; но эти отрывочныя извѣстія никакъ не подтверждаютъ общепринятаго у насъ мнѣнія, что Русь югозападная въ это время слабѣла болѣе и болѣе и сдѣлалась, наконецъ, добычею иноземцевъ. На чемъ опирается это мнѣніе? если на отсутствіи источниковъ, то оно не основательно: лѣтописцы наши обращали почти исключительное вниманіе на внѣшнія событія, какъ болѣе громкія, болѣе поражающія, внутренняя же жизнь нашихъ предковъ была такъ однообразна, такъ бѣдна содержаніемъ, что не могла возбудить писателя взяться за перо съ цѣлью ее только передать на память и поученіе потомкамъ; такимъ образомъ молчаніе или даже отсутствіе источниковъ для извѣстнаго періода, можетъ, иной разъ, свидѣтельствовать только о мирныхъ, внѣшнихъ отношеніяхъ государства и о неизмѣнившемся, внутреннемъ его состояніи. При этомъ не забудемъ, что кое-какіе письменныя, отрывочныя извѣстія о Галичѣ въ первой половинѣ XIV вѣка, которыя дошли до нашего времени, именно говорятъ о мирныхъ отношеніяхъ его къ сосѣдямъ. Наконецъ, можетъ быть и существуютъ галицкія лѣтописи изъ XIV вѣка, но онѣ еще не извѣстны и будущему только предстоитъ слава ихъ открытія и болѣе подробной исторіи послѣднихъ лѣтъ самостоятельности

Галича; а до тѣхъ поръ удержимся отъ произнесенія рѣшительнаго приговора о крайнемъ упадкѣ югозападной Руси при послѣднихъ потомкахъ Романа Великаго, тѣмъ болѣе, что всѣ существующія указанія на то время говорятъ противное. Въ подкрѣпленіе нашихъ предположеній можемъ привести еще мѣсто изъ житія св. митрополита Петра, написаннаго Кипріаномъ, гдѣ говорится о времени Юрія Львовича: «тогда бо быше въ своей чести и времени земля Волынская, всякимъ обильствомъ и славою преимуца» ²⁸⁾).

²⁸⁾ Кар. П. Г. Р. IV, 243 прим.

II.

ГАЛИЧЬ, ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ИНОЗЕМЦЫМЪ.

По смерти Юрія II, Галичане, привыкшіе въ теченіе 350 лѣтъ находиться подъ управленіемъ князя, имѣтъ надъ собою верховную власть, вдругъ остались безъ главы и вождя; они не доросли еще до способности самоуправления и не могли согласиться между собою на счетъ устройства своей участи. Здѣсь оказался вредъ отдѣленія Галиціи отъ русскаго міра, который могъ бы дать ей князей и такимъ образомъ продолжить ея самостоятельное существованіе; но русскій міръ забылъ Галицію, такъ точно, какъ Галиція забыла его и теперь Галичанамъ не могло прійти въ голову обратиться къ родному Сѣверу. Напротивъ связь, которая существовала между Галичемъ и его западными сосѣдями, была уже такъ сильна, что Галичане не задумались обратиться къ нимъ и отъ нихъ принять государя. Открывшаяся такимъ образомъ возможность завладѣнія Галичемъ раздражила корыстолюбіе его сосѣдей; между ними начинается борьба, которая продолжалась около 50 лѣтъ и кончилась присоединеніемъ Галиціи къ Польшѣ въ 1387 г.

Разскажемъ главные моменты этой борьбы сосѣдей, т. е. Поляковъ, Литовцевъ и Венгровъ изъ за Галиціи.

Мы можемъ сказать утвердительно, что по смерти Юрія II оставались еще въ югозападной Руси его родственники, князья Рюриковичи болѣе или менѣе отдаленныхъ линій; такимъ можно считать кн. Данила Мстиславича или сына его Юрія, князей холмскихъ, родъ князя Льва, записанный въ помянникъ одного изъ львовскихъ монастырей, содержитъ въ себѣ до 32 мужескихъ именъ, наконецъ Длугошъ подъ 1340 годомъ говоритъ: «*plures enim (duces R^usiae) ea tempestate exstabant*» и т. д. Не знаемъ, въ какомъ положеніи находились эти Рюриковичи, молчаніе о нихъ или только упоминаніе вскользь, мимоходомъ, ничего не говоритъ за нихъ сплу и значеніе; оно и понятно, потому что еще въ XIII столѣтіи начался переходъ мелкихъ, удѣльныхъ князей въ боярство, на что есть указаніе въ лѣтописи (напр. князь слонимскій, воевода Владиміра Васильковича, князья поросскіе, служившіе Мстиславу и т. д.), а тѣ изъ нихъ, которые еще сохранили самостоятельныя владѣнія, были такъ беспильны, что не оказывали на ходъ дѣлъ ни малѣйшаго вліянія. Подлѣ этихъ слабыхъ, незначительныхъ родственниковъ, у Юрія II были родственники по женской линіи—государи самостоятельныя. Такимъ былъ Болеславъ, кн. мазовецкій, сынъ Тройдена и Маріи, сестры Юрія II и слѣдственно, по своему происхожденію, имѣвшій нѣкоторое право на его наслѣдство; какъ родственникъ покойнаго князя, онъ могъ быть извѣстенъ Галичанамъ, быть къ нимъ ближе другихъ и въ этомъ то заключалось его право, потому что, по свидѣтельству

современнаго лѣтописца, Русскіе единогласно избрали его своимъ княземъ ²⁹).

²⁹) Давнѣйшее свидѣтельство о Болеславѣ, князѣ русскомъ, находится въ хроникѣ Анонима Гнезненскаго, который какъ догадываются повѣйшіе польскіе ученые, былъ Іоаннъ изъ Чарпкова, Архидіаконъ Гнезненскій и подканцлеръ королей Казимира Великаго и Людовика Венгерскаго, такимъ образомъ его свидѣтельство, какъ современника, имѣетъ особенную важность: въ хроникѣ его, изданной Коммерсбергомъ въ «*Silesiacum regum scriptores*» находится слѣдующее мѣсто, рассказывающее и объ избраніи Болеслава и объ его смерти: «*post hoc praefata domina Anna, Regina (жена Казимира Великаго и дочь Гедимина), anno 1339 defuncta et sequenti anno Boleslao, filio Troyden, ducis Mazoviae, quem Rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperunt, per toxicum interempto, qui legem et fidem eorum immutare nitebatur.*» Приведемъ еще мѣста, свидѣтельствующія о родствѣ Болеслава съ Юріемъ II: «(anno 1333) et post non multo tempore, mortuo magnifico Principe Kazimiro, dicto Georgio, totius Russiae regni ducе, Troyden, dux Mazoviae (очевидно ошибка; по соображенію съ вышеприведеннымъ отрывкомъ слѣдуетъ читать: «*Boleslaus Troydeni, ducis Mazoviae, filius*), qui Kazimiro, avunculo suo in ducatu Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat»; что мать Болеслава была дѣйствительно Русская, свидѣтельствуеъ Длугошъ: «*ducisse Czirnensis Maria moritur uxor Troydeni Mazoviae et Czirnensis ducis, natione Ruthena*» (подъ 1341 г.) И такъ очевидно, что Болеславъ былъ племянникомъ Юрія II по матери, родомъ Русской, которая, такимъ образомъ, должна быть родною или двоюродною сестрою послѣдняго галицкаго князя. Есть извѣстіе, что Болеславъ не тотчасъ по смерти Юрія II. сдѣлался галицкимъ княземъ, а что до него были два намѣстника хапа; въ хроникѣ швейцарскаго монаха, Іоанна Витодурана (*Essardus, corpus scriptorum medii aevi*)

Давъ обѣщаніе ничего не измѣнять безъ народной воли, Болеславъ скоро нарушилъ самый дорогой народу законъ,—религіозный; самъ католикъ, онъ захотѣлъ распространить католицизмъ въ Галиціи и стѣснялъ православіе; неудовольствіе народа, возбужденное этимъ насиліемъ отечественной вѣрѣ, расло еще болѣе вслѣдствіе угнетеній и развратной жизни его придворныхъ, которые преимущественно состояли изъ Поляковъ, Чеховъ и Нѣмцевъ. Въ 1340 г. неудовольствіе это было причиною смерти Болеслава; онъ былъ отравленъ.

Въ Мартѣ 1340 года погибъ Болеславъ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Львовъ былъ уже занятъ Казиміромъ, который, какъ родственникъ, явился мстителемъ за отравленіе; въ этомъ случаѣ Казиміръ дѣйствовалъ съ вели-

читаемъ слѣдующее: «Imperator Tartarorum duos paganos breviter ante ista tempora, reges satis idoneos Ruthenis praefecerat, quibus successive ab eis veneno extinctis, procuravit eis Christianum Latinum etc.» (Кар. II. Г. Р. IV, 339 прим.) Это свидѣтельство слишкомъ неправдоподобно и мы только мимоходомъ объ немъ упоминаемъ. Относительно избранія Болеслава важно свидѣтельство Бартоломея Зиморовича въ его «Triplex Leopoldis», онъ очень правдоподобно утверждаетъ, что жители города Львова тогда только отворили ворота Болеславу, когда онъ согласился на предложенныя ему условія; «ut Boleslaus, titulo ducis Russiae in se sumpto, urbanam multitudinem indemnem ac immunem suis legibus ei ritibus vivere promittet, a Cimeliarcho ducali, velut re sacra, manus cohibuit, nihilque in publicum sine comitibus conturialis ageret.» Весьма естественно, что народъ, принимая иноземнаго государя, выговаривалъ папередъ неприкосновенность законовъ, обычаевъ и образа жизни.

чайшею поспѣшностію: лишь только услыхалъ онъ о смерти Болеслава, какъ тотчасъ же собралъ небольшое, сколько тогда при немъ было, войско и неожиданно явился подъ Львовымъ. Львовяне, не приготовленные къ отпору, безъ главы и руководителя, не могли долго сопротивляться и покорились королю, обезпечивъ договоромъ неприкосновенность своей религіи, которая, еще такъ недавно, подвергалась опасности со стороны Болеслава. Забравъ множество драгоценностей, принадлежавшихъ русскимъ князьямъ (изъ нихъ замѣчательны два золотые креста съ частицею древа отъ креста Господня, двѣ драгоценныя короны, царскій престолъ, мантии и т. д.), которые находились въ завоеванномъ городѣ, король, оставивъ въ немъ стражу изъ нѣмцевъ, отправился въ обратный путь ³⁰⁾.

Трудно согласиться съ Длугошемъ, который, вмѣщая этотъ наскоро предпринятый походъ въ 69 дней (между 15 апрѣля и 24 іюня 1340), рассказываетъ о покореніи не только Галиціи, но и владимірской области; этого времени едва было достаточно, чтобъ справиться съ Львовымъ и его округомъ и возвратиться домой съ большою добычею. О второмъ походѣ Казимира, про который рассказываетъ Длугошъ подъ тѣмъ же годомъ, мы ничего

³⁰⁾ О нѣмецкой стражѣ, оставленной Казиміромъ въ Львовѣ, можно читать въ «*Topografia civitatis Leopoldis a Joanne Alprech, consule civitatis Leopoliensis;*» рукопись XVII в., хранящаяся въ архивѣ города Львова; выписки изъ нея напечатаны въ сочиненіи Стадницкаго (графа): «*Synovic Gedumina*», Lwow 1853 г. II, 14.

не находимъ у болѣе достовѣрнаго писателя-современника, Анонима, но готовы вѣрить ему, потому что ~~мы~~ ~~на~~ ~~че~~ не можемъ объяснить себѣ, когда и какимъ образомъ завладѣлъ онъ Галиціей, ея остальною частью, кромѣ львовскаго округа. Что же касается до завоеванія владимірской области, то, какъ увидимъ впоследствии, это совершенно ложно ³¹⁾.

Владычество Поляковъ было тягостно для Русскихъ; недавнія гоненія вѣры, быть можетъ притѣсненія оставленной Казиміромъ стражи, а еще болѣе воспоминаніе о прежней независимости, заставляло русскихъ бояръ думать о сверженіи ига. Лѣтописцы польскіе называютъ намъ двухъ изъ нихъ: Датко, воеводу перемышльскаго, и Даніила изъ Острога (de Ostrovdam), которые были главными дѣйствующими лицами при изгнаніи Поляковъ; планъ ихъ опирался на татарскія силы; напоминая хану, что земля русская составляетъ его собственность, хотя это было не совсѣмъ справедливо, но тѣмъ не менѣе очень лестно для самолюбія татаръ, упомянутые вельможи говорили, что Казиміръ запретилъ русскимъ платить, какъ водилось, ежегодную дань хану и что они прибѣгаютъ къ его помощи и покровительству для сверженія непамятной имъ власти короля.

Поистинно, что ханъ съ величайшимъ удовольствіемъ

³¹⁾ О завоеваніи Львова Казиміромъ см. у Длугошіа подъ 1340 г. и у Анонима Гнезненскаго подъ 1333 и 1349 г., хотя и онъ завоеваніе Львова относитъ также къ 1340 году. Обращаемъ вниманіе читателей на весьма обстоятельное сочиненіе г. Зубрицкаго: «Анонимъ Гнезненскій и Юаннъ Длугошъ». Львовъ 1855 г.

согласился освободить русскую землю отъ Поляковъ и снова подчинить ее своей власти ³²⁾; съ огромнымъ войскомъ двинулся онъ къ границамъ краковской области, и, опустошивъ часть ея, заставилъ Казимира просить помощи у Венгровъ и у тевтонскихъ рыцарей ³³⁾. Не знаемъ, получалъ ли онъ эту помощь, знаемъ только, что ханъ, дойдя до Вислы и удержанный отъ переправы польскими войсками возвратился домой, довольствуясь разореніемъ польскихъ областей. Изъ этого отрывочнаго извѣстія видно, что Татары, предпринявшіе походъ съ цѣлью освобожденія русской земли отъ Поляковъ и сражавшіеся съ ними на берегахъ Вислы, конечно не оставили въ ихъ власти Львова и Галиціи; слѣдственно, если относить этотъ походъ къ 1341 г., то владычество Поляковъ въ галицкой Руси, продолжалось не болѣе года. Татары воротились въ свои кочевья и, надѣясь на полученіе ежегодной дани отъ Русскихъ, по своему обычаю, не хотѣли мѣшаться въ ихъ внутреннія дѣла. Что же случилось теперь съ Галиціей? Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что Датко, виновникъ освобожденія своей родины, сталъ во главѣ ея управленія, хотя на весьма непродолжительное время ³⁴⁾, человекъ, весьма старій, бывшій

³²⁾ См. Длугоша подъ 1344 г.

³³⁾ См. Лѣтописца Леобенскаго, напечат. въ Собраніи Австрійскихъ Лѣтописей Геропима Неца; т. I, выписки помѣщены у Стадницкаго въ упомянутомъ сочиненіи II. 12 и въ сочиненіи Зубрицкаго: «Анонимъ Гнезненскій и Юаншъ Длугошъ», стр. 11.

³⁴⁾ Въ собраніи Фохта (Codex diplomaticus prussicus) напечатана слѣдующая грамота: «Famosis viris, fide dignis Pro-

дядькою еще при Юріѣ II, онъ умеръ въ томъ же 1341 г., такъ что современный польскій лѣтописецъ, Анонимъ Гнезненскій, совсѣмъ объ немъ не упоминаетъ, а говоритъ, что по смерти Болеслава его княжествомъ завла-

consulibus, Consulibus, Mercatoribus, totique communitati in Thorun, Demetrius Dedko, Provisor seu Capitaneus terrae Russiae, salutem in dño sempiternam. Viri pacifici, quoniam ipsi possidebunt terram, hujus sacri eloquii grande ministerium attendentes, discordiam diabolica suggestione seminatam inter Dnum Cazimirum Regem Poloniae et nos, ex inspiratione almi pneumaticis postergantes temptatorem humanum concordiae inivimus unionem. Eatenus scire volumus universas terras Russiae visitare cupientibus, quod secundum jura nostrorum praedecessorum, cum mercimoniis neminem pertemescentes Lemburgam seccure poterint subintrare. Qui vero ad commansionem ibidem venire proposuerint, haecreditatem liberam concedimus, donamus prout pristini exactionem nobis annualam nec non allia jura solum sint tribuentes. Dampna vero post obitum domini nostri felicis memoriae ducis Russiae quicumque Lemburgensei intulerunt, duntaxat excipimus litteris in aliis et ini stis. Datum in Lemburga». Означенія времени нѣтъ на этомъ документѣ, но по всѣмъ соображеніямъ его слѣдуетъ отнести къ 1341 г.; данъ опъ отъ лица Дмитрія Детка, подъ которымъ именемъ, должно полагать, скрывается тотъ самый перемышльскій староста, о которомъ мы выше говорили и котораго Длугошъ называетъ Dachko, а Анонимъ Datco, что весьма близко къ Дедко. Дедко, какъ мы полагаемъ, не есть имя, а названіе должности, по русски дядька, пестунъ, кормилецъ. Такимъ образомъ лицо, давшее грамоту былъ Дмитрій дядька, а изъ грамоты Юрія II видно, что у него былъ дядька съ такимъ именемъ, который постоянно называется «Demetrius Detco posteg» и который, при исчисленіи бояръ, занимаетъ первое мѣсто. Время

дѣлъ Любартъ, сынъ Гедимина ³⁵⁾). Имѣлъ ли онъ какое нибудь право на владѣніе галицкой Русью? Чтобы яснѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны обратиться къ исторіи Литвы и показать, какъ пришла она въ столкновение съ югозападною Русью.

Въ Литвѣ въ началѣ XIV столѣтія, послѣ князей, мало извѣстныхъ и мало замѣчательныхъ, каковы Тройденъ и Витенесь, является знаменитая личность Гедимина; происхожденіе его темно. Польскіе лѣтописцы говорятъ, что онъ былъ конюшимъ Витенеса и убилъ его въ заговорѣ съ его молодою женою; литовскіе, напротивъ, утверждаютъ, что онъ былъ сыномъ Витенеса и слѣдственно законнымъ его послѣдникомъ; послѣднее, кажется, вѣрнѣе. Къ его времени относятся особенное усиленіе Литвы на счетъ Руси; для насъ наиболее важны отношенія ея къ Руси югозападной, завоеваніе Волыни и потому мы рассмотримъ ихъ съ нѣкоторою подробностію.

Литовская лѣтопись, издавшая Нарбуттомъ въ 1846 г.,

несколько не мѣшаетъ принять эти два лица за одно. Предположеніе о томъ, что Дмитрій былъ верховнымъ правителемъ Галиціи въ 1341 г.; доказывается топомъ его грамоты; называя себя «*provisor seu capitaneus terrae Russiae*», онъ увѣдомляетъ о враждѣ между нимъ и королемъ (*inter nos et Regem*), подъ чѣмъ можно разумѣть войну 1340 г., которая наконецъ кончилась (*concordiae inimicus unione*), конечно съ помощію татарскихъ опустошеній, наконецъ онъ приглашаетъ во Львовъ купцовъ и обѣщаетъ имъ полную безопасность. Изъ всего этого видѣнъ самостоятельный владѣтель, а не подданный.

³⁵⁾ Lubardus, filius Gedimini eundem ducatum possidebat, подъ 1349 г. стр. 98.

говорить слѣдующее о завоеваніи Волини: великій князь Гедиминъ, обезопасивъ жмудскую землю отъ Нѣмцевъ, пошелъ на русскихъ князей и сталъ, прежде всего, у города Владиміра, гдѣ князь Владимірскій Владиміръ, собравъ всѣ свои силы, далъ ему битву. И помогъ Богъ в. к. Гедимину, потому что самого кн. Владиміра убилъ, войско его разсѣялъ, а городъ занялъ. И потомъ пошелъ на кн. Льва луцкаго, который, услыхавъ объ убіеніи кн. Владиміра и занятіи его города, не хотѣлъ биться съ Литвою, и убѣжалъ въ Брянскъ, къ зятю своему кн. Роману. Бояре же волинскіе били челомъ Гедимину, прося его быть ихъ государемъ, а земли не пустошить. Гедиминъ, принявъ отъ нихъ присягу и оставивъ тамъ своихъ намѣстниковъ, двинулся къ Берестю на зимнія квартиры и войско свое распустилъ. Послѣ Свѣтлаго Воскресенія, собравъ всѣ силы литовскія, жмудскія и русскія, пошелъ онъ на Станислава, кн. Кіевскаго и занялъ города Овручъ и Житомиръ. И кн. Станиславъ кіевскій, соединясь съ кн. Олегомъ переяславскимъ, Романомъ брянскимъ, Львомъ волинскимъ, котораго Гедиминъ выгналъ изъ Луцка и собравъ, такимъ образомъ, множество войска, встрѣтилъ Литовцевъ на берегахъ р. Ирпени, подъ Бѣлымъ городомъ, въ разстояніи 6 миль отъ Кіева и былъ тутъ бой великій. Богъ же помогъ в. кн. Гедимину. Войско русское было побито на голову, Левъ луцкій и Олегъ переяславскій полегли въ битвѣ, а Станиславъ кіевскій съ малою дружиною и кн. Романомъ бѣжалъ въ Брянскъ. Затѣмъ Кіевъ, послѣ недолгаго, но мужественнаго сопротивленія, отворилъ ворота побѣди-

телю ³⁶⁾). Такимъ образомъ, по свидѣтельству этой лѣтописи, добылъ Гедиминъ землю кievско-водыцкую. Лѣтописецъ не опредѣляетъ года этого событія, но упоминаетъ обстоятельство, по которому можно приблизительно назначить время завоеванія Волыни; именно походъ Гедимины, по словамъ лѣтописи, случился послѣ того, какъ князь обезопасилъ Жмудь отъ Нѣмцевъ; слѣдственно походъ этотъ должно отнести къ первымъ годамъ княженія Гедимины, когда онъ не только выгналъ Нѣмцевъ изъ Жмуди и край этотъ присоединилъ къ Литвѣ, но и вторгся въ ихъ собственную землю и послѣ нѣсколькихъ побѣдъ захватилъ два ихъ замка. Согласно съ этимъ Стрыйковскій, который представляетъ только распространенія цитированнаго нами лѣтописца, полагаетъ завоеваніе Волыни въ 1320 г.; онъ даже указываетъ на поводъ, по которому Гедиминъ двинулся на Русь, именно въ отмщеніе русскимъ князьямъ Льву и Владиміру, которые, пользуясь отвлеченіемъ литовскихъ силъ къ ордену, воевали литовскую землю: Владиміръ опустошилъ берега Вилии, а Левъ взялъ Берестье и Дрогичинъ, уже принадлежавшіе (по мнѣнію Стрыйковскаго) Гедимину. Это объясненіе Гедиминова похода весьма правоподобно: изъ грамотъ послѣднихъ русскихъ князей Галича и Волыни, мы знаемъ о союзѣ ихъ съ орденомъ и объ обѣщаніи защищать его отъ татаръ и другихъ непріятелей; въ 1319 году они исполняютъ свое обѣщаніе. Такимъ образомъ отношеніе русскихъ князей къ ордену есте-

³⁶⁾ Pomniki de dzieiow li tewskich. str 15.

ственно дѣлали ихъ врагами Гедимина и походъ послѣд-
няго съ его причинами для насъ совершенно ясенъ, но
въ разсказѣ о немъ есть столько анахронизмовъ, по-
грѣшностей, столько ложнаго, что трудно принять это
извѣстіе и на немъ основать разрѣшеніе вопроса объ
участи Волыни. Князь Романъ брянскій, упомянутый въ
лѣтописи, умеръ еще въ XIII ст. и изъ потомковъ его,
около этого времени, мы не знаемъ ни одного кн. Ро-
мана, князьями Галича и Владиміра въ 1320 г. были
Левъ и Андрей, которые умерли около 1324 г., какъ
удостоверяетъ насъ посланіе Владислава Локетка къ Папѣ;
завладѣніе Волынью есть совершенная басня, такъ какъ
намъ точно извѣстно, что въ югозападной Руси, по
крайней мѣрѣ до 1335 г. господствовалъ князь русскій
или малорусскій (*Russiae Minoris*) Юрій II Андреевичъ
и жилъ по большей части во Владимірѣ, наконецъ за-
воеваніе Кіева въ 1321 г. точно также баснословно,
потому что Кіевъ и въ 1331 году управлялся русскимъ
княземъ Ѳеодоромъ, находившимся въ зависимости отъ
Татаръ ³⁷⁾). Трудно, конечно, отвергнуть совсѣмъ извѣ-
стіе о походѣ Гедимина на Русь въ 1320 г., тѣмъ бо-
лѣе, что онъ такъ хорошо объясняется изъ отношеній
галицкихъ князей къ ордену, а чрезъ него къ Литвѣ;
точно также трудно сказать что либудь положительное о
результатѣ его; можетъ быть къ этому времени относится
завоеваніе Пинска, который былъ отданъ Гедиминомъ
сыну его Наримунту и Берестья, который находился, впо-
слѣдствіи, подъ властію Кейстута.

³⁷⁾ 1-я Повгор. лѣт. стр. 76.

Тѣмъ менѣе можемъ мы вѣрить лѣтописцу, изд. Нарбутомъ и Стрыйковскому, который только разбавилъ его цвѣтами краснорѣчія, что другой литовскій лѣтописецъ (изд. Даниловичемъ 1827 г.) совершенно молчитъ объ этомъ походѣ и иначе объясняетъ соединеніе Волыни съ Литвою; рассказывая о раздѣлѣ государства Гедимина между его сыновьями, говоритъ о Любартѣ: «а Любарта принялъ володимірскаго князь къ дочкѣ, во Владиміръ и въ Луцкъ, и во всю землю волинскую³⁸⁾. Этотъ володимірскаго князь долженъ быть Андрей Юрьевичъ, сынъ котораго Юрій II умеръ въ 1335 г., и тогда Любартъ занялъ Владиміръ, Луцкъ и всю землю волинскую, а при жизни Юрія, какъ можно догадываться, владѣлъ однимъ Луцкомъ. Тоже самое о Любартѣ и Волыни сообщаетъ Длугошъ, по его словамъ: «Lubardus septimus et ultimus (i. e. filius) sortem inter fratres non accepit, matrimonium filiae unicae ducis Vladimiriensis sortitus, cum qua illi ducatus Leopoliensis et Vladimiriensis obveniebant» (sub a. 1382). Ошибка только въ томъ, что Любартъ не владѣлъ львовскимъ княжествомъ, гдѣ, какъ мы видѣли, избранъ былъ Болеславъ мазовецкій. Что же касается до Кіева и южной Руси вообще, то относительно времени ея завоеванія мы получаемъ драгоцѣнное свѣдѣніе изъ одной, недавно открытой рукописи XVI вѣка, известной подъ названіемъ Кіево-печерской; въ ней читаемъ слѣдующее мѣсто: «Въ лѣто 6841 (1333) Гедиминъ, кн. литовскій, повсталъ на кн. кіевского Станислава и побѣдилъ его съ русскимъ и татарскимъ войскомъ, надъ р.

³⁸⁾ Лѣтописецъ литовскій, изд. Даниловича, стр. 27.

Ирпенью, и, прогнавши Татаръ, Кіевъ въ свою власть взялъ» ³⁹⁾; слѣдственно Гедиминъ завоевалъ Кіевъ не въ 1321, а въ 1333 году, а потому и кн. кіевскій Феодоръ, упоминаемый подъ 1330 годомъ, не можетъ уже возбуждать сомнѣнія въ своемъ русскомъ происхожденіи.

Какое же заключеніе можно вывести теперь о судьбѣ югозападной Руси, по смерти Юрія II?

Со смертію послѣдняго русскаго князя, государство его раздѣлилось на двѣ половины: Галиція избрала себѣ княземъ Болеслава мазовецкаго, который, приходясь племянникомъ Юрію II, имѣлъ нѣкоторое право на его наследство; Вольшь, между тѣмъ, должна была выдержать столкновеніе съ Гедиминомъ, который въ 1320 г. двинулъ на нее свои войска, въ отмщеніе за содѣйствіе, оказанное ей княземъ ордену, во время войны послѣдняго съ Литвою. Захвативъ Пинскъ и Берестье, Литовскій князь двинулся къ Владиміру, гдѣ русскіе князья, Андрей и Левъ, дали ему битву; битва была перѣшительна и Гедиминъ, заключивъ договоръ, по которому пріобрѣлъ Пинскъ и Берестье, возвратился домой. Въ то же время сынъ его Любартъ женился на дочери кн. Андрея и въ приданое за нею получилъ Луцкъ, а когда, со смертію Юрія II, прекратилась линія князей русскихъ, онъ, какъ родственникъ покойнаго князя, захватилъ Во-

³⁹⁾ Рукопись эта, составлявшая, нѣкогда, собственность львовскихъ базилиановъ, находится теперь въ рукахъ г. Августа Бѣлевскаго, директора библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ. Приведенная изъ нея выписка напечатана въ «*Synovic Gedymina Stadnickiego*, II, 26.

лынъ по тому же праву, по которому Болеславъ завладѣлъ Галичемъ. По смерти же Болеслава и по изгнаніи Моляковъ, владѣвшихъ послѣ него Галичемъ, Любартъ, по свидѣтельству современнаго лѣтописца, распространилъ (въ 1341 или 1342 г.) власть свою и на Галицію.

Съ этого времени начинается борьба между Литвою и Польшею за югозападную Русь, и та и другая выражаютъ притязанія на обѣ ея половины, т. е. и на Галицію и на Владимірію.

Казиміръ, не успѣвшій осуществить своихъ притязаній на русскую землю и видя се въ обладаніи Литовцевъ, конечно, долженъ былъ стать къ послѣднимъ во враждебныя отношенія; онъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ тотчасъ же начать войну съ Любартомъ, потому что Любартъ, опираясь на своихъ братьевъ, могъ располагать силами цѣлаго литовскаго государства, а силы его были велики: Гедиминовичи занимали все пространство отъ Двины и Днѣпра до Буга и Нѣмана; слѣдственно Казиміру оставалось только выжидать благопріятнаго случая, выжидать хотя временнаго ихъ ослабленія, пользуясь которымъ можно было надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ ними. Случай представился въ 1349 г.; уже съ половины XIII столѣтія Литовцы вели упорную, кровопролитную борьбу съ Крестоносцами, которая въ описываемое время достигла крайняго ожесточенія съ обѣихъ сторонъ. Знаменитый магистръ, Виприхъ де-Книпротде успѣлъ возбудить сочувствіе къ своему дѣлу въ западномъ рыцарствѣ; въ началѣ 1349 г. къ нему собралось до 40000 Французовъ и Англичанъ, и съ этимъ многочисленнымъ и искуснымъ войскомъ напалъ магистръ на

Литовцевъ въ Январѣ 1349 г.; 24-го числа произошла кровопролитная битва, въ которой пало со стороны ордена до 50 рыцарей и 4000 простыхъ воиновъ, а Литва потеряла до 18,000 человекъ. Потеря эта конечно должна была потрясти могущество Гедиминовичей и отвлечь ихъ вниманіе отъ Волыни, тѣмъ болѣе, что Крестоносцы грозили новымъ нападеніемъ. Казиміръ, который зорко слѣдилъ за своими сосѣдями и который, при своей проницательности, легко оцѣнилъ затруднительность ихъ положенія, не могъ не воспользоваться удобнымъ случаемъ для осуществленія своихъ притязаній на югозападную Русь. Съ сильнымъ войскомъ устремился онъ въ томъ же 1349 году на русскія владѣнія Любарта и завоевалъ ихъ, Любарту же великодушно предложилъ только Луцкъ и то подъ условіемъ признанія его верховной власти⁴⁰. Съ великимъ тріумфомъ воротился король въ Краковъ, но не успѣлъ еще отдохнуть отъ своего похода, какъ услышалъ, что Литовцы уже нападаютъ на завоеванную имъ Русь.

Дѣйствительно, Литовцы, отдохнувъ отъ пораженія, нанесеннаго имъ рыцарями, сосредоточили большую часть своихъ силъ для возвращенія ихъ русскихъ владѣній. Въ 1349 году они разорили окрестности Львова, Владиміра, а потомъ завладѣли и крѣпостями владимірскою, белзскою и берестейскою и даже вторглись въ самую Польшу, гдѣ повоевали земли люблинскую, сендомірскую и радомскую (1350). Тщетно король высылалъ противъ нихъ свои войска; Поляки, по свидѣтельству польскихъ

⁴⁰) Анон. Гнез. и Длугошъ подъ 1349 г.

же лѣтописцевъ, были побѣждаемы постоянно во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ Литовцами. Анонимъ и Длугошъ объясняютъ это гнѣвомъ Божиимъ за утопленіе краковскаго викарія, Мартина Барижки; но мы полагаемъ, что распри короля съ духовенствомъ и дворянствомъ скорѣе сдѣлаютъ понятными эти неудачи Поляковъ. Весьма естественно, что оба эти сословія, раздраженныя на короля за стѣсненіе ихъ правъ и вольностей, были слишкомъ нерадивыми помощниками ему въ войнѣ съ Литовцами и потому Казиміръ, все болѣе и болѣе озабочиваемый внутренними дѣлами государства, нашелся вынужденнымъ заключить миръ. Написанная по этому поводу договорная грамота ⁴⁷⁾ сохранилась до нашего времени; на ней нѣтъ означенія года и потому одни ученые относятъ ее къ 1341 году, другіе къ 1341—45 г., но, во первыхъ, связь событій, во вторыхъ свидѣтельство современнаго и достовѣрнаго лѣтописца (Анонима Гнезненскаго) доказываютъ намъ, что она относится къ 1350 году. Подъ однимъ годомъ, именно 1349 г., описываетъ Анонимъ и побѣдоносный походъ короля и успѣхи Литовцевъ послѣ возвращенія его въ Польшу; намъ кажется, что, несмотря на быстроту дѣйствій, отличавшую Литовцевъ, слишкомъ ужъ много событій отнесено къ одному году. Это предположеніе тѣмъ сильнѣе, что,

⁴⁷⁾ Акты, относящ. до П. З. Руси. I, № 1-й. Грамота эта написана отъ лица князей Евпутія, Кейстута, Любарта, Юрія Наримунтовича и Юрія Коріатовича, которые, заключая миръ, ручаются и за прочихъ князей литовскихъ, именно за великаго, Ольгерда, за Коріата, Патрикія и сыновей ихъ.

по свидѣтельству самой грамоты, миръ былъ заключенъ уже въ концѣ Сентября, слѣдственно все рассказанное совершилось въ 8 мѣсяцевъ, такъ какъ пораженіе Литовцевъ крестоносцами относится къ 24 Января 1349 г., а Казиміръ уже послѣ этого пораженія отправился въ русскій походъ. И такъ война длилась въ 1349 и 50 годахъ, съ чѣмъ согласенъ и Длугошъ, и кончилась миромъ, котораго условія, по упомянутой договорной грамотѣ, такъ же какъ и по свидѣтельству Анонима, слѣдующія:

Главное условіе о раздѣлѣ русской земли между договаривающимися есть только распространеніе извѣстія Анонима; онъ говоритъ, что король взялъ себѣ землю львовскую, а Литвѣ отдалъ владимірскую; грамота же, выражаясь подробнѣе, высчитываетъ слѣдующія приобрѣтенія Литвы: земля владимірская, луцкая, холмская, белзская, берестейская, а королю предоставляетъ только львовскую. Изъ этого мѣста видно, что подъ именемъ львовской земли слѣдуетъ разумѣть цѣлую Галицію, въ которой Львовъ сдѣлался главнымъ городомъ со времени Льва и сообщилъ свое имя цѣлой странѣ, которая прежде называлась по имени Галича. Изъ дальнѣйшихъ условій должно заключить, что обѣ стороны не могли согласиться въ томъ, кому долженъ принадлежать Кременецъ и рѣшили, чтобы его держалъ Юрій Наримунтовичъ, въ зависимости и отъ Литвы, и отъ Польши, вирожденіе двухъ лѣтъ; если же миръ устоитъ долѣе, то «Юрью князю города лишится». И такъ это не была грамота мирная, а только перемирная; срокъ перемирія опредѣляется такимъ образомъ: «а миръ отъ Покрова Богоро-

диць до Ивана дие до купаль, а отъ Ивана дие за два лѣтъ», т. е. до 24 Іюня 1353 г. Въ теченіе этихъ 2 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ (съ 1-го Октября 1350 до 24 Іюня 1353) ни Поляки, ни Литовцы не должны строить городовъ въ Руси, ни поправлять старыхъ, разоренныхъ въ послѣднюю войну. Далѣе опредѣляется поведеніе обѣихъ сторонъ въ случаѣ нападенія Венгерцевъ или Татаръ: «аже поидеть оугорьскій король на Литву, польскому королеви помогати, аже поидеть на Русь, что Литвѣ слушаетъ, королеви не помогати; а поидеть ли царь валахи, а любо князи темніи, княземъ литовскимъ помогати, аже поидуть на Русь, что королю слушаетъ, литовскимъ княземъ не помогати». Такъ Литовцы и Поляки согласились охранять неприкосновенность югозападной Руси; король можетъ соединиться съ Венграми, если послѣдніе будутъ воевать Литву, но ни въ какомъ случаѣ не долженъ помогать имъ, если они пойдутъ на Русь, подвластную Литовцамъ, т. е. владимірскую область. Точно также и Литовцы могутъ содѣйствовать хану въ его нападеніяхъ на Польшу и обязываются не помогать ему въ его походахъ на львовскую землю. Довольно темно и сбивчиво условіе, опредѣляющее поведеніе Русскихъ въ подобныхъ случаяхъ: «аже приидуть татарове на Львовскую землю, тогда Руси на Львовцѣ не помогати, аже поидуть татарове на ляхы, тогда Руси неволя поити и съ татары». Какъ будто Татары, которые все еще считали себя повелителями Руси, не одинаково должны были требовать повиновенія и въ походахъ на Польшу и на львовскую землю. Изъ другихъ статей любопытна о плѣнѣ Любарта; Длугошъ подъ 1350 г. рассказываетъ о

плѣненіи Кейстута; конечно нѣтъ ничего невѣроятнаго въ этомъ извѣстіи, но такъ какъ въ грамотѣ говорится только о плѣнѣ Любарта, то весьма естественно предположить у Длугоша ошибку, тѣмъ болѣе, что онъ самъ подъ 1366 г. говоритъ, что Любартъ прежде «*superiogribus bellis*» былъ взятъ въ плѣнъ Поляками. На счетъ этого обстоятельства договаривающіяся стороны рѣшили обратиться къ королю венгерскому, избравъ его третейскимъ судьей въ этомъ спорномъ дѣлѣ: «будетъ ли яль его король по кривдѣ, Любартъ будетъ правъ, и я князь кистютій буду правъ передъ оугорскимъ королемъ, будетъ ли король правъ, намъ своего брата Любарта дати оугорскому королеви оу ятьство». Изъ этихъ словъ видно, во 1) что Любартъ взятъ, по мнѣнію Литвы, не въ бою, а вслѣдствіе какой нибудь хитрости, «кривды», что, конечно, оправдывало Любарта въ случаѣ бѣгства, обмана и неисполненія данныхъ обѣщаній, во 2) что король венгерскій дѣйствительно участвовалъ въ походѣ 1350 г. и былъ при заключеніи договора, почему обращеніе къ нему естественно.

Вотъ главное содержаніе перемирнаго договора, которымъ закончилась война 1349 — 50 годовъ; намъ кажется, что главнѣйшая причина, содѣйствовавшая ея окончанію, было соединеніе Казимира съ Людовикомъ. Литовцы, видя подобное усиленіе короля, угрожаемые Крестоносцами, также не желали продолженія войны, и такимъ образомъ, при обоюдномъ желаніи мира, онъ скоро былъ заключенъ.

Но весьма попятно, что перемиріе не могло быть продолжительно; обѣ враждовавшія стороны выказали слыш-

комъ сильное желаніе обладать всею югозападною Русью и не могли довольствоваться только одною половиною ея.

Не успѣлъ еще истечь срокъ перемирія, какъ Любарть началъ уже на Галичъ, сжегъ его, какъ собственность крага и съ большою добычею возвратился въ Владиміръ ⁴²⁾; не довольствуясь этимъ набѣгомъ оцъ съ большимъ войскомъ вторгнулся въ самую Польшу и опустошилъ окрестности Завихоста; король, какъ видно, не былъ въ состояніи отмстить дерзкому Литовцу и, опасаясь вторичнаго нападенія, приказалъ укрѣпить городъ Плоцкъ, лежащій почти въ самой серединѣ польскаго государства; такъ великъ былъ страхъ, наведенный Литовцами. Не надѣясь силою оружія удержать за собою Галицію, Казиміръ обратился къ другимъ, нравственнымъ средствамъ. Различіе въ религіи поставило неодолимую преграду между Русью и Поляками и произвело въ первой несравненно большее сочувствіе къ литовскому владычеству, потому что литовскіе князья исповѣдывали православную вѣру. Чтобъ обратить это сочувствіе къ Полякамъ и произвести слитіе обѣихъ націй, король рѣшился мало по малу уничтожить православіе. Католическая пропаганда, уже давно вошедшая въ Галицію, должна была получить твердую опору и несравненно большія средства; Казиміръ захотѣлъ учредить во Львовѣ латинскую архіе-

⁴²⁾ Набѣгъ Любарта 8 Юля 1353 г. былъ нарушеніемъ перемирія, п. ч. въ грамотѣ сказано, что войну можно начать только мѣсяць спустя послѣ назначеннаго срока, т. е. послѣ 24 Юля 1353 г.

нископію, просилъ объ этомъ папу и только обстоятельства не позволили ему осуществить это намѣреніе.

Такъ шли дѣла до 1366 г.; къ этому времени Казиміръ собрался съ силами и рѣшился отнять у Литовцевъ земли, которыя уже 15 лѣтъ, по словамъ Длугоша,⁴³⁾ были въ ихъ обладаніи; съ большимъ войскомъ вторгнулся онъ, послѣ праздника Св. Іоанна Крестителя, въ вольнскую область и прежде всего напалъ на Белзь; князь белзскій, Юрій Даниловичъ, видя невозможность противиться, изъявля притворную покорность, призналъ себя вассаломъ Казиміра и, получивъ обратно Белзь съ придачею Холма, сталъ управлять ими на ленномъ правѣ. Не подозрѣвая его лицемѣрія, король двинулся далѣе къ владѣніямъ Любарта и приказалъ опустошить ихъ за недавнія нападенія ихъ князя на Польшу. Завоеванные замки луцкій и владимірскій были поручены управленію двухъ польскихъ бароновъ, всю же остальную Волинь король отдалъ

⁴³⁾ Этими словами Длугошъ самъ себя пзобличаетъ; между 1350—66 годомъ онъ два раза подъ 1350 и 53 годами упоминаетъ о томъ, что земля владимірская и луцкая находились во власти Казиміра, а подъ 1366 г. говоритъ, что опѣ ужъ цѣлыя 15 лѣтъ составляли собственность Любарта. Вообще извѣстія Длугоша между 1350—66 год. не имѣютъ ни малѣйшаго вѣроятія, тѣмъ болѣе, что Анонимъ ни слова не говоритъ въ эти годы о югозападной Руси. Мы не придаемъ особаго значенія походу Любарта 1353 г., извѣстіе о которомъ мы нашли у Длугоша, и если выписали его, то только п. ч. подобный образъ дѣйствій, быстрыхъ и внезапныхъ нападеній, сопровождаемыхъ опустошеніемъ, всегда отличали Литовцевъ.

Александрю, сыну Коріата, который, какъ младшій въ родѣ, при жизни дядей Ольгерда, Патрикія, Любарта, не получалъ отъ нихъ удѣла и передался на сторону короля. Онъ получилъ прекрасное вознагражденіе, цѣлую Волюнь, которою владѣлъ до самой смерти Казимира, т. е. до 1370 г.

Такой успѣхъ короля весьма удовлетворительно объясняется затруднительнымъ положеніемъ Литвы, вслѣдствіе войны ея съ орденомъ: три раза въ этомъ году (1366) вторгался Виприхъ де Книпроде въ литовско—русскія области, производя страшныя опустошенія, и тогда какъ литовскіе князья должны были направить всѣ силы къ отпору нѣмцамъ, Казиміръ явился въ Волюни и успѣлъ подчинить ее своей власти. Онъ, какъ мы видали, не обратилъ ее въ польскую провинцію, но довольствуясь верховною властью, отдалъ Белзь и Холмъ князю Юрію Даниловичу, а остальное Александрю Коріатовичу; кромѣ того въ Луцкъ и Владиміръ посадилъ своихъ бароновъ, которые должны были наблюдать его интересы.

Упорно стремясь къ осуществленію своей цѣли, т. е. къ завладѣнію югозападной Русью, литовскіе князья не унаси духомъ; въ 1370 г., пользуясь смертію Казимира и отсутствіемъ Александра Коріатовича (оцъ былъ въ Краковѣ, на погребеніи короля), Любартъ и Кейстутій напали на владимірскій замокъ, укрѣпленный уже кирпичною стѣной и защищаемый польскимъ старостою, Петрашемъ Турскимъ; малодушію послѣдняго обязаны были они скорымъ взятіемъ города, который снабдили сильнымъ гарнизономъ на случай нападенія

Поляковъ; затѣмъ они вторглись въ самую Польшу, опустошили люблинскую и сендомирскую земли, переправились черезъ Впслу и распространили огонь и мечъ до самаго монастыря на лысой горѣ ⁴⁴⁾. Королева Елисавета, мать новаго польскаго и вмѣстѣ венгерскаго короля Людовика ⁴⁵⁾ отправила пословъ къ литовскимъ князьямъ съ просьбою прекратить опустошенія, этимъ она еще увеличила ихъ дерзость и въ 1379 г. набѣгъ повторился и опять была разорена сендомирская область, какъ бы въ отвѣтъ на просьбу королевы.

Прежде чѣмъ будемъ продолжать описаніе этой борьбы между Польшей и Литвою, скажемъ нѣсколько словъ о восшествіи Людовика на тронъ польскій.

Людовикъ съ давняго времени былъ назначенъ къ занятію краковскаго престола; еще въ 1339 г. былъ заключенъ, по этому случаю, договоръ съ отцемъ его королемъ Карломъ, главное условіе котораго было подтверждено другимъ договоромъ съ самимъ Людовикомъ въ 1355 г. (въ Будѣ). Въ этихъ договорахъ участвовалъ съ Казиміромъ цѣлый народъ, потому что, по словамъ Длугоша, постановленіе о передачѣ короны Людовику было сдѣлано на «*omnium terrarum regni conventu generali*». И такъ восшествіе его совершилось на основаніи договоровъ и народной воли. Считая Людовика своимъ наследникомъ, Казиміръ обращался къ нему, въ случаѣ надобности, за помощію; между прочимъ, какъ

⁴⁴⁾ Близъ города Божентина, въ 10 миляхъ отъ Сендомира.

⁴⁵⁾ Она временно управляла Польшей за отсутствіемъ сына.

мы уже замѣтили, Людовикъ помогаль дядѣ (Казиміръ былъ братъ его матери, королевы Елисаветы) противъ Лптовцевъ, желавшихъ завладѣть Русью. Но въ этомъ случаѣ, Людовикъ входилъ въ странныя отношенія къ Казиміру; онъ помогаль ему закрѣпять за собою Галицію, между тѣмъ самъ носилъ титулъ «Regis Haliciae et Lodomeriae». Въ этомъ титулѣ выражались притязанія венгерскихъ королей на Русь, которыхъ предки еще въ XII столѣтіи сидѣли на галицкомъ престолѣ. Необходимо было обоимъ королямъ согласиться между собою во взглядѣ на это обстоятельство; кажется въ 1352 г., а можетъ быть и ранѣе, былъ заключенъ новый договоръ, опредѣлявшій отношенія Казиміра и Людовика къ Руси ⁴⁶⁾:

46) Мы выписываемъ здѣсь этотъ интересный документъ, такъ какъ онъ вполнѣ напечатанъ только въ соч. Стадницкаго: «Synovic Gedymina», по списку, хранящемуся въ сборѣ рукописей библиотеки Оссолинскихъ во Львовѣ (MS. in folio L. 184 стр. 378, 379); а у другихъ писателей, какъ напр. у Марушевича и Кромера, есть только выписки изъ него.

«Nos Ludovicus, Dei gratia Hungariae etc. etc. Galiciae et Lodomeriae Rex, tenore praesentium significamus, quod nos regnum Russiae, quod praedecessorum nostrorum regnum Hungariae fore dinoscebatur, et per consequens ejusdem regni Hungariae regimine et trono regalae dignitatis ad nos jure successorio devolutis, nostrum fore dinoscitur, principi Dno, Casimiro, Regi Poloniae, avunculo nostro, de consensu principis Stephani, fratris uestri dedimus et donavimus, in his scriptis, moderamine et parte interpositis, quod si praedicto regi divina gratia filium condonabit, filio suo, aut suis haeredibus sexus masculini, non tamen a dicto Dno Casimiro rege usque vitam suam, nos, vel dictus dominus dux Stephanus, frater noster, aut utrorumque haeredes, dictum regnum pro centum millibus florenorum redimere

Людвикъ уступалъ Русь, отказывался отъ правъ своихъ на нее въ пользу Казимира, но русскія земли останутся за Польшею только въ томъ случаѣ, если Казимиръ умретъ безъ мужскаго потомства и корона Польши перейдетъ на голову Людовика, въ противномъ же случаѣ венгерскій король будетъ въ правѣ выкупить русскія земли за 100,000 флориновъ. При этомъ замѣтимъ что въ силу договоровъ, корона Польши должна была перейти къ Людовику только въ томъ случаѣ, когда у Казимира не будетъ сыновей, слѣдственно Людовикъ, не

possimus atque valeamus, filius vero dicti domini regis aut sui haeredes nobis aut dicto domino Stephano aut haeredibus nostris, occasione qualibet ad conditionem semota, reddere et restituere tenebuntur regnum praeactatum, si vero regem Casimirum Poloniae, sine haerede sexus masculini, quod absit, decedere contigerit, ex tunc dictum regnum Russiae, tamquam jus nostrum proprietarium eodem modo, sicut regnum Poloniae, ad nostras manus devolvetur, juxta principalem conventionem de regno Poloniae factam pleno jure. Subsidium autem et auxilium contra Cruciferos de Prussia, et alios quoslibet suprafatos duntaxat praedicti regni Russiae, dum et quando expedicius et opportunius foret, juxta modum et formam prioris compositionis inter dominum Carolum regem, genitorem nostrum et per consequens nos ac ipsum domium regem Poloniae habitae nosvel idem dominus Stephanus compraestabimus domino regi praenotato. Datum Budae infra octavam festi Paschae. Ao 1352 (MCCCLII). (Adnotatio in Margine ex thesauro)». Собраниемъ рукописей, изъ котораго выписана эта грамота, пользовался Коммерсбергъ, но напечаталъ только выписки изъ приведеннаго документа (см. Mantissa diplomatum caput V. Vol. II. Silesicarum rerum scriptores. (Synovic Gedymina II, 232).

имѣя возможности навѣрное рассчитывать на тронъ въ Польшѣ долженъ былъ позаботиться о русскихъ земляхъ, удержать ихъ за Венгріей. Трактатомъ 1352 г. онъ вполне достигнулъ своей цѣли и теперь могъ спокойно дожидаться осуществленія своихъ надеждъ на Польшу. Въ 1370 г. умеръ король Казиміръ, не оставивъ наследниковъ и какъ Польша, такъ и Русь, вмѣстѣ съ Венгріей, соединились подъ скипетромъ Людовика.

Въ 1372 г. Людовикъ отдалъ Русь въ управленіе Владиславу Опольскому, Пясту, сыну дочери сестры Казиміровой ⁴⁷⁾; затруднительно опредѣлить причины, которыми руководился онъ въ этомъ случаѣ; весьма можетъ быть, что Людовикъ, не принадлежавшій къ дому Пястовъ, чужеземецъ въ Польшѣ, нѣсколько опасался Владислава, имѣвшаго болѣе правъ на польскій престолъ, и хотѣлъ задобрить его уступкою Руси; это мнѣніе, весьма вѣроятное, теряетъ, однакожь, свою силу, если вспомнимъ о тѣсной дружбѣ, которая соединяла Людовика съ Владиславомъ, и заставляла послѣдняго всегда заботиться объ интересахъ короля своего друга; скорѣе уступку Руси Владиславу можно объяснить цѣлями религіозными: Людовикъ, особенно ревностный въ дѣлахъ вѣры, горячо сочувствовалъ мысли Казиміра о распространеніи католицизма въ Галиціи и надѣялся осуществить эту мысль съ помощію Владислава, вполне

⁴⁷⁾ На похоронахъ Казиміра, между прочими, участвовалъ, по словамъ Ановима, «*Illustris Princeps Vladislaus, Dux Oppole, ex filia sororis praefati regis natus*» (sub anno 1370).

предавнаго римскому престолу». Это объясненіе тѣмъ болѣе правдоподобно, что Владиславъ, во время своего управленія Галиціей, постоянно былъ ревностнымъ поборникомъ католицизма, который получилъ тамъ твердое основаніе, вслѣдствіе дѣятельности этого князя.

Какъ бы то ни было, Владиславъ принялъ управленіе Русью въ 1372 г., послѣ обнародованія грамоты, которою Людовикъ извѣщалъ всѣхъ вѣрныхъ ему въ Венгрии и Польшѣ, что онъ далъ Владиславу царство русское на постоянное управленіе и сохраненіе ⁴⁸⁾, слѣдственно Владиславъ былъ чѣмъ то въ родѣ намѣстника или зависимаго, леннаго владѣльца, а никакъ не отдѣльнымъ, самостоятельнымъ княземъ русскимъ, какъ то хотятъ доказать нѣкоторые историки ⁴⁹⁾. Странно было бы, еслибъ Людовикъ, давшій, при восшествіи на престоль, обѣщаніе ввести Польшу въ ея прежнія границы ⁵⁰⁾, тотчасъ же нарушилъ его съ такимъ неуваже-

⁴⁸⁾ Cum nos (Ludovicus), cognita virtute, industriosa peritia et prudentia principis Ladislai, ducis Oppoliensis, Vielunensis, nostri consanguinei, consilarii et secretarii, regnum nostrum Russiae eidem duci perpetue contulerimus gubernandum et conservandum», et caet. Эта грамота Людовика хранится въ архивѣ городъ Львова; напечатана она у Стадницкаго въ «Synovic Gedymina» II, 61.

⁴⁹⁾ Зубрицкій. «Анонимъ Глѣзпенскій и Іоаннъ Длугошъ». 28.

⁵⁰⁾ Это обѣщаніе дано было еще отцомъ Людовика, Карломъ, при заключеніи договора съ Казиміромъ въ 1339 г., какъ свидѣтельствуется Анонимъ Глѣзпенскій: Promittebat Carolus, quod filius suus Ludovicus omnia spectantia ad regnum Poloniae, per quoscumque fuerit occupata, et praecipue Pomeraniam, a

ніемъ къ своему слову и націи, которой оно было дано. Еще лучше видно это значеніе Владислава изъ папской буллы, гдѣ о немъ говорится: «pro parte dilecti filii, nobilis viri Ladislai, ducis Opoliensis, sub cuius «temporali» dominio dictae (i. e. Russia) partes consistere et caet» ⁶⁸). При всемъ томъ Владиславъ, какъ членъ дома Пястовъ, какъ родственникъ Казимира, завоевавшего Галицію, считалъ себя въ правѣ именоваться «terrae Russiae dominus, haeres».

Въ его управленіе произошли разсказанныя нападенія Лптовцевъ; мстителемъ выступаетъ не Владиславъ, а Людовикъ, который, въ 1376 и 1377 годахъ, съ сильнымъ войскомъ вторгся въ вольнскую область. Результатомъ его походовъ было завоеваніе всей Владиміи, съ которою онъ поступилъ почти также, какъ Казимиръ въ 1366 г.; замки Белзь и Холмъ Людовикъ возвратилъ ихъ прежнему князю, Юрію Даниловичу, придавъ ему, кромѣ того, Любачевъ и назначивъ ежегодно 100 гривенъ дохода отъ соляной копи въ Бохніи; Любарту, который, видя невозможность сопротивляться, подобно

cruciferis vellet recuperare et evincere propriis sumptibus et expensis. Rex autem Casimirus tam suorum consiliariorum suasionibus, quam regis praefati et sororis suae promissionibus animum acclinans, Ludovicum praefatum sibi in successorem elegit certis pactionibus juramento roboratis, in quibus tres conditiones precipuae inter ceteras habebantur, primo rex Hungariae omnes metas regni Poloniae seu terminos et praecipue Pomeraniam, velle solus cum sua gente dampnis et expensis propriis se recuperare adstrinxit (Anonym de Gnesnen. in collect Sommersbergiana II, 101.)

Юрію Белзскому, была отдана Вошьль, съ условіемъ признанія верховной власти короля польскаго и венгерскаго.

Постоянная опасность отъ Литовцевъ, которые, конечно, на время только прекратили свои набѣги, послѣ похода 1377 года, не правилась Владиславу, правителю Галиціи; болѣе склонный къ мирной дѣятельности, избѣгавшій военныхъ безпокойствъ, онъ не хотѣлъ управлять страною, которая безпрестанно подвергалась нападеніямъ врага и отдалъ ее опять Людовику, получивъ въ обмѣнъ нѣсколько земель въ Польшѣ (княжество добринское, гнѣвковское и Бидгощу) ⁵¹⁾. Грамотою 1379 г. уволилъ онъ всѣхъ живущихъ въ землѣ русской отъ повиновенія ему и объявилъ о томъ, что они снова поступаютъ во владѣніе Людовика ⁵²⁾. Въ этомъ случаѣ Длугошъ противорѣчитъ Анониму; по его мнѣнію не мирныя поклонности, не отвращеніе отъ войны были причиною удаленія Владислава изъ Галиціи, но что это произошло по желанію короля, который въ 1377 г. собственными глазами, убѣдившись въ богатствѣ Руси, я прекрасной природѣ, плодородіи земли и т. д. рѣшился присоединить ее къ Венгріи. Длугошъ сильно подкрѣпляетъ свое мнѣніе тѣмъ, что Галиція, тотчасъ по удаленіи Владислава, была отдана въ управленіе Венграмъ, которые въ видѣ гарнизоновъ были разведены по многимъ городамъ и, кромѣ того, получили значительную часть ея въ собст-

⁵¹⁾ Anon. de Gnes. sub anno 1377.

⁵²⁾ Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ. Зубрицкаго. 28 стр.

венное, частное владѣніе. Изъ сказанія двухъ этихъ лѣтописцевъ мы можемъ вывести такое заключеніе о Галиціи: Владиславъ не хотѣлъ оставаться ея правителемъ, по причинѣ частыхъ нападеній литовцевъ, а Людовикъ радъ былъ его удаленію, потому что задумалъ присоединеніе Руси къ Венгрии. Последняя цѣль, конечно могла явиться у Людовика, потому что Польша легко могла выйти изъ его рода, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ сыновей и тогда соединеніе Руси съ Польшею было бы нарушеніемъ правъ Венгрии, которой государи уже полтора вѣка носили титулъ королей Галиціи и Владимірии. Но допуская эту цѣль, мы въ то же время, замѣчаемъ что король имѣлъ болѣе широкіе планы, для пониманія которыхъ мы должны съ нѣкоторою подробностію разсмотрѣть дѣятельность Людовика въ видахъ утвержденія Польши въ своемъ родѣ.

Около 1374 г. Людовикъ имѣлъ 3-хъ дочерей: Катерину, Марію, Ядвигу; старшая была предназначена на венгерскій престолъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла права на польскій, по точному смыслу условій, подписанныхъ Людовикомъ въ 1355 г. и врученныхъ депутаціи отъ дворянства, которая ѣздила къ нему въ Венгрію ⁵³).

Подписывая эти условія, король, какъ можно думать, рассчитывалъ на племянника своего Іоанна, но Іоаннъ скоро умеръ безъ наслѣдниковъ и потомство Людовика должно было лишиться польской короны. Желая удержать ее въ своемъ родѣ и не имѣя еще возможности

⁵³

⁷¹) См. Длугоша подъ 1355 г.

вполнѣ рассчитывать на исполненіе своего желанія, Людовикъ первоначально позаботился объ участи Руси, занялъ ее венгерскимъ войскомъ и послѣ того уже направилъ всѣ средства свои къ уничтоженію той статьи договора 1355 г., по которой дочери его не могли занять польскаго престола.

Въ этомъ случаѣ король дѣйствовалъ на корыстолюбіе своихъ подданныхъ; золотомъ и обѣщаніемъ доходныхъ мѣстъ привлечь онъ на свою сторону магнатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ ⁵⁴⁾; онъ даже нашелъ между ними человека, который, зная и одобряя его плашы, дѣятельно заботился объ ихъ осуществленіи: это былъ подканцлеръ Завиша, который за обѣщанное ему краковское епископство сдѣлался ревностнымъ помощникомъ Людовика.

Тѣмъ же средствомъ подѣйствовалъ Людовикъ и на остальное дворянство: съ давняго времени существовала въ польшѣ подать, извѣстная подъ названіемъ Кролевщицны, которая до времени короля Локетка платилась въ количествѣ двухъ грошей отъ лану, при Владиславѣ Локеткѣ и Казимірѣ, она, постепенно возрастая, дошла до шести грошей; такое чрезвычайное усиленіе палого произвело всеобщее неудовольствіе и только энергія

⁵¹⁾ Aliis vero proceribus regni pecunias juxta magnificentiam regis fuit largitus. Et hoc modo layci nobiles super dignitatibus temporalibus similiter litteras impetrabant, factumque est, quod proceres regni, sanguine, pecunia et prommissionibus attracti, ad confectionem priorum litterarum consenserunt. (Anon. Arch. Gnes. pag 132, 133 apud Somersberg).

Казимира съумѣла заставить платить увеличенную подать. Депутація отъ дворянства, ѣздившая въ 1355 г. въ Венгрію, между прочими условіями предложила Людовику уничтоженіе чрезвычайныхъ налоговъ и получила его согласіе. Между тѣмъ умеръ Казиміръ, безпорядки, начавшіеся послѣ его смерти, слабое правленіе матери Людовика, королевы Елисаветы, были причиною того, что не только новая шестигрошевая, но и старая подать въ два гроша платилась очень несправно и шляхта мало по малу забыла о тяжелой Кролевщизнѣ Казимира.

Помянуто теперь, какъ непріятно была она поражена въ 1374 г., когда королевскіе чиновники, именемъ Людовика, стали требовать шестигрошевой подати; неготовые къ тому землевладѣльцы рѣшительно не были въ силахъ исполнить королевское приказаніе; имъ предстояло дѣлать займы, разстроивать свое хозяйство и потому они съ радостію схватились за то средство, которое имъ предложилъ король, и которое должно было понизить кролевщизну. Въ томъ же году король объявилъ, что онъ будетъ довольствоваться двумя грошами отъ лану, если Поляки признаютъ за дочерью его право на польскую корону ⁵⁶⁾. Тотчасъ же была послана къ королю депутація, которая и заключила съ нимъ договоръ въ Кошицахъ, уничтоживъ имъ ту статью условіи 1355 г., по которой только мужское потомство Людовика могло занимать престолъ польскій; угодливость депутатовъ шла

⁵⁶⁾ См. Длугоша подъ 1374 г.

еще дальше; они согласились признать польской королевой ту изъ дочерей Людовика, которую назначить онъ самъ или его супруга ⁵⁷⁾. Король выбралъ старшую, Екатерину, и депутаты, тутъ же, въ Кошицахъ, принесли ей присягу на подданство. Такимъ образомъ на головѣ ея должны были соединиться обѣ короцы: и польская и венгерская. Но Екатерина не послала ни одной изъ нихъ; она скоро умерла и отецъ, желая передать ея права другой дочери, Маріи, снова сзываетъ депутатовъ и требуетъ отъ нихъ вторичной присяги. Совершенная нендобность этой присяги, послѣшность, съ которою дѣйствовалъ король, возбудили подозрѣніе депутатовъ; они раздѣлились на партіи; одна, состоявшая изъ представителей малой Польши, подъ предводительствомъ Яна, архіепископа гнѣзненскаго, противилась желанію короля, другая изъ великополянъ, руководимыхъ Завишею, была за него, и такъ какъ послѣдняя была многочисленнѣе, то король, имѣя за собою большинство, не побоялся приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ приказалъ запереть городскія ворота (въ Кошицахъ) и не выпускать ни одного изъ членовъ депутаціи. Это распоряженіе имѣло полный успѣхъ: обѣ партіи слились въ одну и присягнули Маріи въ то время, какъ присягали ей

⁵⁷⁾ Tamen in eo casu, quo filium vel filias habuerimus unum ex eisdem, masculis deficientibus, unam ex nostris filiabus, nunc natis et extantibus, ac in futurum nascituris, quem vel quam nos vel regina mater et consors nostra ipsis assignabimus, illum vel illam habeant pro haerede et successore nostro. (см. Volumina legum, I, sub anno 1374).

въ Венгріи. Въ 1380 г. десятилѣтняя Марія была обручена съ тринадцатилѣтнимъ Сигизмундомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, сыномъ императора Карла IV; по этому поводу Людовикъ снова созвалъ венгерскихъ и польскихъ депутатовъ въ Зволинъ и потребовалъ отъ нихъ присяги Сигизмунду, какъ будущему королю Польши и Венгріи. Это было послѣднимъ распоряженіемъ Людовика въ интересахъ его фамиліи; въ 1382 г. онъ умираетъ и со смертію его обстоятельства совершенно измѣняются.

Какое же заключеніе можно вывести изъ приведеннаго разсказа о дѣятельности Людовика?

Совершенно соглашаясь съ Длугошемъ, мы утверждаемъ, что Людовикъ хотѣлъ присоединить Русь къ Венгріи, сдѣлать ее венгерскою провинціей, но въ то же время ясно видимъ, что онъ мечталъ о соединеніи самой Польши съ своимъ наследственнымъ государствомъ; въ этомъ въ особенности убѣждаетъ насъ статья кошицкаго договора, которая самому королю предоставила выборъ преемницы себѣ на польскомъ тронѣ; или паны были слишкомъ близорукіи и не могли сообразить, что король выберетъ ту изъ своихъ дочерей, которая въ то же время будетъ королевою венгерскою, или, и проникая намѣренія короля, они не хотѣли ему противиться и были не прочь отъ соединенія обоихъ государствъ; послѣднему мы вѣримъ болѣе, особенно если вспомнимъ разсказъ Анонима, архидіакона гнѣзненскаго, о подаркахъ, которые король такъ щедро расточалъ своимъ вельможамъ. Но подкупить цѣлую націю или даже цѣлое сословіе, было невозможно, и потому, когда умеръ Людовикъ, ходъ дѣ-

ла совершенно измѣнился: явилось сомнѣніе, подозрѣніе, промелькнула ужасная мысль о возможности присоединенія Польши къ Венгріи, въ качествѣ провинціи,—все это произвело страшную безурядицу. Сигизмундъ, въ то время пріѣхавшій въ Польшу и принявшій титулъ «*Dominus Russiae*» былъ встрѣченъ очень неблагоклонно. Поляки не дали ему присяги, самой Маріи, уже признанной королевой, предлагали условія, среди которыхъ особенно настоятельно выражалось общее желаніе, чтобы она съ мужемъ жила постоянно въ Польшѣ. Упорство Сигизмунда, большая привязанность Маріи къ Венгріи, гдѣ она родилась и была воспитана, еще болѣе усилили волненіе; явились даже претенденты, какъ Семовитъ, князь мазовецкій, а съ ними междоусобія, которыя, впрочемъ, скоро кончились согласіемъ всѣхъ сторонъ, всѣхъ партій въ необходимости свергнуть Марію съ престола, на которой она еще и не всходила. На серадскомъ съѣздѣ, въ Мартѣ 1383 г., Марія объявлена низложенною и съ тѣхъ поръ Польша была потеряна для нея ⁵⁶⁾; ея мѣсто, какъ увидимъ, заступила младшая сестра ея Ядвига. Всѣ попытки Сигизмунда поправить дѣло были тщетны; ни вооруженное вмѣшательство, ни мирный пріѣздъ въ качествѣ губернатора, не имѣли ни малѣйшаго успѣха; Поляки прямо объявили, что не хотятъ имѣть его ни королемъ, ни губернаторомъ и силою оружія заставятъ его выйти изъ Польши.

Такимъ образомъ серадскій съѣздъ опрокинулъ всѣ

⁵⁶⁾ Anonym. Archid. de Gnes. sub anno 1383.

надежды Людовика, все то хитрое зданіе, которое строилъ онъ для соединенія Польши съ Венгріей. Потерявъ польскую корону, Марія, которая, какъ королева венгерская, носила титуль «Reginae Haliciae et Lodomeriae», рѣшилась дать этому титулу существенное значеніе и вознаградить себя за потерю Польши присоединеніемъ къ Венгріи, русской земли. Земля эта, завоеванная Казиміромъ, составляла собственную Галицію, но въ описываемое время границы ея были значительно стѣснены, потому что Любартъ, по смерти Людовика, не только сдѣлался самостоятельнымъ княземъ Владиміра, но даже пріобрѣлъ многія укрѣпленныя мѣста въ польско-русскихъ владѣніяхъ. Венгерскіе начальники продали ему за деньги не только Кременецъ, Лопатинъ и Олеско, которые относились къ волинской области, но и Снятинъ, Перемышль надъ р. Сацомъ, куда не однажды еще не простирались завоеванія Литовцевъ ⁵⁹⁾. За всѣмъ тѣмъ еще значительныя пространства, именно земли саноцкая, самборская, часть перемышльской, львовская, галицкая, съ главнѣйшими крѣпостями Львовымъ и Галичемъ, составляли еще собственность короны польской; это земли Марія вознамѣрилась присоединить къ Венгріи. Дѣло казалось легкимъ и дѣйствительно было такимъ, потому что Людовикъ, какъ намъ извѣстно, поручилъ Галицію управленію Венгровъ, и въ важнѣйшихъ укрѣпленіяхъ

⁵⁹⁾ Post mortem vero Ludovici castra fortissima in Russia, per Cazimirum..... acquisita....., videlicet Krzemieniec, Olesco, Przemysl, Horodlo, Lopatyn et alias, pecuniis receptis, Lubardo, Lithuano duci praesentabant. Anonym. II, 138.

поставилъ венгерскіе гарнизоны; слѣдственно власть Польши была только номинальною. Завладѣвъ, безъ всякихъ затрудненій, Галиціей, Марія въ томъ же году какъ лишилась польскоіи короны, т. е. въ 1383, выдаетъ, въ качествѣ королевы Венгріи, Галиціи и Лодоміріи, грамоту одному изъ своихъ воиновъ на владѣніе селомъ въ саноцкой землѣ; въ слѣдующемъ, 1384 году, кромѣ подобныхъ документовъ, встрѣчаемъ актъ несравненно болѣе важности: король Людовикъ, основавъ латинское епископство въ Перемышлѣ, не назначилъ ему никакого содержанія; Марія исполняетъ мысль отца и уступаетъ епископу значительныя поземельныя владѣнія изъ коронныхъ имѣній въ областяхъ саноцкой и перемышльской ⁶⁰⁾. Такъ скоро завладѣла Марія Галиціей, пользуясь средствами, приготовленными еще отцомъ ея, и если это соединеніе не утвердилось, было кратковременнымъ, то причины этого заключаются во внутренней исторіи Венгріи того времени.

Несчастливая Марія съ своимъ молодымъ мужемъ и, еще болѣе, мать ея, Елисавета, возбудили противъ себя неудовольствіе своихъ подданныхъ, нежелавшихъ жить подъ управленіемъ женщины, а еще болѣе возмущенныхъ образомъ дѣйствій повѣреннаго Елисаветы, Николая Горы. Слѣдствіемъ непопулярности новаго правительства было появленіе претендента. Карлъ, тогдашній король неаполитанскій, близкій родственникъ Лю-

⁶⁰⁾ Всѣ грамоты Маріи, относящіяся къ Галиціи, напечатаны въ прибавленіяхъ ко II т. соч. Стадницкаго.

довика, давно уже имѣлъ виды на корону Венгрии, старался составить тамъ партію и потому тотчасъ же принялъ приглашеніе, которое прислали къ нему недовольные Елисаветой. Въ отсутствіе Сигизмунда, который уѣхалъ въ Чехію собирать войска противъ недовольныхъ, Карлъ былъ коронованъ и какъ венгерскій король поселился въ Будахъ въ королевскомъ замкѣ, гдѣ оставались и обѣ королевы, мать и дочь, сохранивъ свой дворъ и пользуясь всѣми почестями, которыя принадлежатъ коронованнымъ особамъ. Считая себя вполне безопаснымъ съ ихъ стороны, Карлъ безъ всякой осторожности, одинъ, или въ сопровожденіи двухъ, трехъ придворныхъ, приходилъ въ ихъ комнаты, бесѣдовалъ съ ними и погибъ жертвою излишняго довѣрія. Въ одно изъ такихъ посѣщеній на него было сдѣлано покушеніе. Карлъ защищался съ величайшимъ мужествомъ и, получивъ тяжелую рану, кое-какъ дотащился до своихъ покоевъ, гдѣ думалъ возбудить свою стражу къ отмщенію убійцамъ, но стража его, состоявшая изъ Итальянцевъ, вмѣсто того, чтобы помочь своему государю, разбѣжалась, увидя его въ такомъ состояніи и первая разнесла вѣсть о несчастной участи короля. Народъ принялъ это извѣстіе съ величайшимъ хладнокровіемъ, точно также, какъ извѣщеніе о новомъ правленіи королевы Маріи и матери ея, Елисаветы, — явный знакъ, что возведеніе на престолъ Карла было дѣломъ партіи. Теперь эта партія, униженная, павшая въ лицѣ своего вождя, бѣжала въ южныя провинціи государства, въ Кроацію и Далмацію, гдѣ собирались всѣ недовольные новымъ правительствомъ. Обѣ королевы полагали, что ихъ присутствіе въ этихъ

провинціяхъ заставитьъ недовольныхъ разсѣяться и такимъ образомъ предупредить бунтъ, который замыслили сторонники Карла. Въ Іюль 1386 г. они отправились, но на дорогѣ въ Сирмін, близъ города Дяковара, подверглись нападенію, были схвачены и отвезены въ Далмацію въ замокъ Новиградъ; здѣсь, послѣ шестимѣсячнаго плѣна, Елисавета была задушена на глазахъ дочери. Ея смерть, плѣнъ Маріи, несовершившееся еще признаніе Сигизмунда королемъ, — все это произвело въ Венгріи анархію и волненіе и дало возможность Польшѣ опять присоединить къ себѣ Галицію.

Между тѣмъ въ Польшѣ былъ заключенъ знаменитый бракъ Ягеяла съ Ядвигой; литовскій князь, падѣвая польскую корону, далъ обѣщаніе соединить всѣ свои земли, литовскія и русскія, съ польскимъ государствомъ; въ то же время онъ обѣщаль обратитъ Литовцевъ въ католицизмъ. Исполненіе перваго обѣщанія было нетрудно по характеру державы, основанной Гедиминомъ; для исполненія втораго король скоро, послѣ коронаціи отправился въ Литву и въ то время, какъ онъ достигалъ своей религіозной цѣли, совершилось присоединеніе Галиціи.

Обвѣщеніе львовскихъ гражданъ отъ Марта 1386 г., которымъ Ядвига завѣряетъ ихъ въ сохраненіи всѣхъ правъ, привилегій и вольностей города, обвѣщеніе, выданное во Львовѣ, хотя королева, въ это время, вовсе не была на Руси, показываетъ намъ, что было намѣреніе уже въ этомъ году идти на Русь, и были приготовлены документы, подобные которымъ всегда предшествуютъ занятію края; разныя обстоятельства помѣша-

ли этому походу: во первыхъ, большая часть Руси Казиміровой была въ рукахъ Венгровъ, а Ядвига не хотѣла начинать своей политической дѣятельности враждою къ сестрѣ и матери; съ другой стороны польскимъ чинамъ хотѣлось, чтобы сама Ядвига и единственно польскими силами возвратила Русь Польшѣ и чтобы мужъ ея въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ никакого участія. Это желаніе легко объясняется: кромѣ земли самборской, сапоцкой, части перемышльской, львовской и галицкой, всѣ русскія земли, какъ-то Украина, Волынь, Подоля, Подлясье, часть такъ называемой червонной Руси, принадлежали литовскому княжеству, и Ягейло, старшій изъ князей его, носилъ титулъ «*dominus et haeres Russiae*». Въ этомъ титулѣ невольно слышится эпитетъ къ «*Russiae*», «*totius,*» что совершенно соответствуетъ притязаніямъ Литовцевъ, которые, на время только, оставили Казиміра обладателемъ Галиціи, и объясняетъ постоянныя нападенія Любарта при Казимірѣ, Людовикѣ и во время междуцарствія. Правда, что Ягейло, при восшествіи на тронъ, обѣщаль соединить всѣ свои земли, русскія и литовскія, съ короной польской, но, во первыхъ, ему не довѣряли и, вслѣдствіе этого недовѣрія, требовали, чтобы онъ далъ поручителей въ обезпеченіе своихъ обѣщаній; поручились родной его братъ Скиргайло, двоюродные Витовтъ, сынъ Кейстута, Михаиль Явнута, Федоръ Любарта; во вторыхъ, чины польскіе понимали, что Волынь, Подоля, Подлясье и т. д. присоединяются къ Польшѣ въ качествѣ собственности Литвы, Русь галицко-львовскую, по крайней мѣрѣ, они хотѣли считать исключительно польскою собственностію, но здѣсь вхо-

дили въ противорѣчіе съ убѣжденіями короля, съ его фамильными преданіями, изъ противорѣчія раждалось недовѣріе, которое заставило Поляковъ стараться одними собственными средствами возвратить Галицію.

Пока два эти обстоятельства: нежеланіе Ядвиги враждовать сестрѣ и матери и недовѣріе Поляковъ къ Ягейлу, удерживали походъ на русскую землю, получено было, въ началѣ 1387 года, извѣстіе о смерти Елисаветы; о Маріи не знали ничего достовѣрнаго, слышали, что она была схвачена и увезена, и полагали, что она подверглась участи, одинаковой съ Елисаветой; вмѣстѣ съ тѣмъ Поляки узнали, что анархія въ Венгріи близится къ концу, что чины признали королемъ Сигизмунда, и что коронація его должна скоро совершиться. Естественно, что Сигизмундъ, послѣ коронаванія, двинетъ свои войска на помощь гарнизонамъ Галиціи и тогда возвращеніе послѣдней будетъ дѣломъ весьма труднымъ. Вотъ почему, не обращая вниманія на печаль Ядвиги по сестрѣ и на суровое время года, Поляки посадили свою молодую королеву на коня, какъ предводительницу войска, и въ Февралѣ 1387 г. двинулись на Русь. 2-го Марта остановилась королева въ мѣстечкѣ Городкѣ, въ 3 миляхъ отъ Львова и начала переговоры съ гражданами о немедленной и добровольной сдачѣ. Львовяне, уже 50 лѣтъ находившіеся подъ игоземнымъ владычествомъ, должны были совершенно безразлично смотрѣть на господство Венгріи и Польши; они даже склонялись на сторону послѣдней, потому что соединеніе съ нею обѣщало поддержку и развитіе ихъ торговли, уже важной въ то время. Великая торговая дорога, соединявшая Западъ съ

Востокомъ, на которой стоялъ Львовъ, проходила чрезъ Литву и Польшу, соединенныя тогда подъ однимъ скипетромъ въ одно государство; понятно, что добрыя отношенія къ этому государству должны были имѣть выгодныя послѣдствія для торговли и на оборотъ, слѣдственно граждане львовскіе, въ силу своихъ коммерческихъ интересовъ, должны были, безъ всякаго отвращенія, смотрѣть на подчиненіе Польшѣ. Съ другой стороны венгерскій гарнизонъ, немногочисленный, не надѣясь на скорую помощь, не зная даже кого признавать своимъ государемъ, также не сопротивлялся, и такимъ образомъ важнѣйшій городъ Галиціи былъ взятъ безъ кровопролитія, 9 Марта. Королева обнародовала манифестъ ⁶¹⁾, которымъ подтверждала гражданамъ всѣ ихъ права и привилегіи. Примѣру Львова послѣдовали Перемышль, Тереховль, Санокъ, Ярославль; одинъ только Галичъ требовалъ рѣшенія дѣла силою оружія. Поляки не могли его взять собственными средствами и обратились за помощію къ Литовцу Витовту, который въ то время былъ въ Луцкѣ. Витовтъ, соединивъ войска многихъ литовскихъ князей, своихъ родственниковъ (кн. Юрія белзскаго, Федора Любартовича владимірскаго, Василя пинскаго, Симеона степаискаго, Федора рогатискаго, Юрія слуцкаго), подступилъ къ Галичу и заставилъ венгерскаго воеводу Бенедикта сдаться. Храбрый Венгерець сдался только подъ условіемъ, что бы король не только не преслѣдовалъ его, но даже

⁶¹⁾ См. Supplem. ad. H. R. M. N XLV.

оказалъ бы ему любовь и уваженіе и далъ бы средства къ жизни. Условіе было выполнено и Бенедиктъ въ томъ же году получилъ значительныя помѣстья на Руси ⁶²⁾. Правителемъ Галиціи былъ назначенъ Полякъ, Янъ пзъ Тарнова, воевода сендомирскій.

Такъ, въ 1387 году, совершилось окончательное присоединеніе Галиціи къ Польшѣ; съ этого времени до XVIII столѣтія она составляла собственность короны польской, была одною изъ провинцій польскаго государства; прочія же русскія земли, въ томъ числѣ и Волынь, судьбы которой насъ также занимали, присоединились къ Польшѣ въ качествѣ собственности литовской и были управляемы литовскими князьями, подручниками Владислава Ягелла, в. кн. литовскаго и короля польскаго.

⁶²⁾ Извѣстіе это почерпнуто изъ документа, — грамоты всѣхъ литовскихъ князей, участвовавшихъ въ походѣ. Документъ этотъ хранится въ библіотекѣ Пулавской, а напечатанъ у Стадниц. II, 128.

III.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Мы изложили внѣшнюю исторію Галича, на сколько это было возможно по существующимъ источникамъ; мы видѣли, что ~~многіе~~ періоды ея остаются темными, неясными, такъ какъ отдаленное прошедшее не оставило намъ точнаго и основательнаго о себѣ извѣстія. Если же внѣшняя, фактическая исторія, въ нѣкоторыхъ своихъ эпохахъ, отличается отсутствіемъ или крайнею скудностію матерьяловъ, то что же скажемъ относительно исторіи внутренней, бытовой, которая представляетъ интересъ несравненно большій и знаніе которой такъ просвѣтляетъ взглядъ на событія внѣшнія? Мы имѣли случай сказать, что лѣтописцы наши съ большимъ стараніемъ и подробностію описывали междоусобія князей, ихъ войны съ сосѣдями, нападенія послѣднихъ на Русь и т. д. и обращали слишкомъ слабое вниманіе на бытъ народа, складъ его ума, образъ мыслей, степень развитія умственнаго и нравственнаго. Оно и понятно: лѣтописецъ проникался интересами своего времени, отношеніями къ ближайшимъ государствамъ, успѣхомъ

или неуспѣхомъ одного князя въ борьбѣ съ другимъ, и при этихъ занимавшихъ его обстоятельствахъ онъ не имѣлъ времени, да и не считалъ полезнымъ и нужнымъ распространяться о своихъ современникахъ, объ образѣ ихъ жизни, ихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ; въ его время это было такъ обыкновенно, такъ всеобще, что онъ никакъ не думалъ угодить потомству передачею ему подобныхъ свѣдѣній. Отсюда понятно, что если лѣтописцы галицкіе оказываются недостаточными, неполными въ извѣстіяхъ своихъ о походахъ, сраженіяхъ, междоусобіяхъ и тому подобномъ, то тѣмъ менѣе можно ждаты отъ ихъ матерьяловъ для объясненія внутренней жизни Галичанъ. Мы собрали отрывочныя сказанія подобнаго рода, разбросанныя, тамъ и сямъ, въ лѣтописяхъ, грамотахъ и другихъ источникахъ и, предлагая изложеніе внутренней исторіи Галича въ разсматриваемый періодъ, заранѣе говоримъ, что оно отличается крайнею неполнотою и неточностію.

Всматриваясь во внутренній бытъ страны, мы, прежде всего, поражаемся особеннымъ положеніемъ галицкаго князя, его отношеніями къ высшему, боярскому сословію. Вотъ нѣкоторыя мѣста лѣтописи, важныя въ этомъ случаѣ: въ 1188 г. вольпскій князь Романъ Мстиславичъ, узнавъ о всеобщемъ неудовольствіи, которое возбудилъ противъ себя Владиміръ галицкій, писалъ къ боярамъ, побуждая ихъ возстать на князя, свергнуть его и призвать его, Романа: «мужи же галичкыи, пріимше совѣтъ Романовъ, совокупивше полкы свои и возсташа на князь свой, и не смѣша его изымати, ни убити, зане не вси бяхуть въ думѣ той»; дѣло,

какъ извѣстно, кончилось добровольнымъ отъѣздомъ Владиміра, который не захотѣлъ разстаться съ своей любовницей, попадьею, а ей-то и грозила опасность отъ бояръ. Подъ 1206 г: «и приведоша Галичане Мстислава (Пересопницкаго) на Бенедикта и прииде къ Галичю, и не успѣвшю ему ничтоже, Щепановичъ Ілія возведе и па Галичину могилу, ослабнвша, рече ему: «Княже, уже еси на Галичанѣ могилѣ посѣдѣлъ, такъ и въ Галичи княжилъ еси; смѣяху бо ся ему.» Подъ 1208 г.: «ятымъ же бывшимъ княземъ Роману, Святославу, Ростиславу, Угромъ же хотящимъ ѣ вести королеви, Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и повѣсили, мьсти ради, убѣженн же быше Угре великими дарми, предани быша на повѣшеніе мѣсяца Сентября. Дашилу же княжашю въ Галичп, тако младу сущу, яко и матери своей не позна; минувшю же времени, Галичане же изгнаша Данилову мать изъ Галича.» Подъ 1310 г.: «Владиславъ же воѣха въ Галичъ, вокняжися и сѣде на столѣ.» Подъ 1230: «крамолѣ же бывши въ безбожныхъ боярѣхъ Галичскихъ, свѣтъ створше со братучадьемъ его (Данила) Олександромъ, на убіенье его и предаше землѣ его;» заговоръ былъ открытъ и, посланный Даниломъ сѣдельничій его Иванъ схватилъ 28 заговорщиковъ «и ти смерти не пріяша, но милость получиша. И нѣкогда ему въ пиру веселящуся, одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице ему залп чашей, п то ему стерпѣвшю; иногда же да Богъ имъ возомьздитъ.» Въ 1240 г. къ неустройству, произведенному Моңголами, присоединились неповиновеніе и мятежный духъ бояръ: «бояре же галичстін Данила княземъ себѣ на-

зываху, а сами всю землю державу, Доброславъ же вокняжился бѣ и Судычть, поновъ вѣукъ и грабаша всю землю и вѣшедъ во Бакоту, все Поппзье прія, безъ княжа повелѣнія, Григорьи же Васильевичъ себѣ Горную страну Черемышельску мысляше одержати, и бысть мятежъ великъ въ землѣ и грабежъ отъ нихъ. Данило же увѣдавъ, посла Якова, столика своего, съ великою жалостью ко Доброславу, глаголя къ нимъ: князь вашъ азъ есмь, повеленія моего не творите, землю грабите, Черниговскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, приимати, нѣ дати волости Галичскимъ, и Коломыйскую соль отлучити на мя;» оному же рекшу: «да будетъ тако.» Въ тѣ же часъ, Якову сѣдящу у него, приидоста Лазоръ Домажирѣчь и Иворъ Молибожичъ, два беззаконника отъ племени смердыа и поклонистася ему до земли, Якову же удивившуся прошавшу вины, про что поклонистася; Доброславу же рекшу: «вдахъ има Коломыю», Якову же рекшу ему: «како можеша безъ повелѣнія княжа отдати ю сима, яко велиции князи держать сію Коломыю на роздаваніе оружьникомъ, си бо еста недостойна ни Вотъниша держати»; онъ же усмѣявся, рече, «то, что могу же глаголати.» Яковъ же, приѣхавъ, вся си сказа князю Данилови, Данило же скорбяше и моляшеся Богу о отчинѣ своей, яко печестивымъ симъ держати ю и обладати ею. И малу же времени минувшю, присла Доброславъ на Григорія, река: яко невѣренъ ти есть, противляшеся ему, а самъ хотяше всю землю одержати, свадившеся сами и приѣхаша съ великою гордынею, ѣдучю Доброславу во одной сорочьцѣ, гордящу,

ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текущимъ устремени его, Данилови же видящу и Василькови гордость его, болшую вражду нашъ воздвигнуста. Доброславу же и Григорью, обоимъ ловящимъ на ся, слышавъ же Данило рѣчи ихъ, яко полны суть лъсти и не хотятъ по волѣ его ходити и власть его иному предати, сомысливъ же со братомъ, по нужи, не видя беззаконія ихъ, и повелѣ его изымати.»

Полагаемъ, что этихъ выписокъ достаточно для объясненія отношеній, въ которыхъ болре находились къ князьямъ; произволь первыхъ и стѣсненное положеніе послѣднихъ рѣзко выступаютъ изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи; въ особенности рельефенъ въ этомъ отношеніи рассказъ объ умышленіи на жизнь Данила; князь, перехватывъ заговорщиковъ, простилъ ихъ и одинъ изъ прощенныхъ, вскорѣ послѣ того, нанесъ ему новое оскорбленіе: плеснулъ виномъ изъ чаши прямо въ лице своему государю, который только что его помиловалъ и опять не былъ наказанъ. Но; оставаясь вообще кроткими и снисходительными къ боярамъ, князья не разъ выходили изъ терпѣнія, и тогда прибѣгали къ варварскимъ, кровавымъ мѣрамъ: Романъ, по свидѣтельству Кадлубка, задумалъ всеобщее истребленіе бояръ и губилъ ихъ всѣми возможными средствами; Игоревичи, по словамъ Лѣтописи, поступили точно также: «Въ лѣто 6716 (1208) съвѣтъ же сътвориша Игоревичи на бояре галичскыи, да избьютъ и, по прилучаю избіени быша; и убіенъ же бысть Юрій Витановичъ, Илья Щепановичъ, инии великіи бояре, убіено же бысть ихъ, числомъ 500, а

ини разбѣгошася.» Мы уже видѣли, какъ отместили бояре за это побіеніе; никогда небывалое на Руси событіе совершилось: князья Рюриковичи умерли поносною смертію на висѣлицѣхъ и, къ довершенію зла, бояринъ сѣлъ на галицкомъ престолѣ. Если, прочитывая приведенныя мѣста лѣтописи, вспомнимъ тѣ безчисленныя крамолы, которыя были возбуждаемы боярами, то противъ Романовичей, то противъ венгерскихъ королевичей, противъ Игоричей и т. д., то мы ясно увидимъ, что этого не было ни въ одномъ русскомъ княжествѣ. Мы знаемъ, что подобныя отношенія существовали въ Венгріи и Польшѣ, знаемъ также, что Галичъ пахотился въ постоянныхъ связяхъ съ тою и другою странюю; поэтому, естественно, приходимъ къ мысли, что боярство галицкое, въ дѣятельности своей, приняло за образецъ боярство венгерское и польское. Допуская это внѣшнее вліяніе, мы должны согласиться, что однимъ имъ еще нельзя объяснить исторію Галича; нужно показать, почему это вліяніе было такъ сильно и живо воспринято, почему оно не нашло никакого противодѣйствія, никакого отпора; слѣдственно должно обратиться къ самой странѣ и ея устройству и тамъ поискать разрѣшенія этого вопроса.

Безспорно, что галицкіе бояре находились въ иныхъ обстоятельствахъ, нежели бояре другихъ русскихъ княжествъ. Галиція, вслѣдствіе счастливаго стеченія обстоятельствъ, вслѣдствіе энергической дѣятельности Владимірка, почти не раздроблялась на удѣлы до самой смерти Данила; тамъ не было быстрой смѣны князей, переходовъ ихъ съ одного стола на другой, какъ

то замѣчаемъ въ Руси кievской, столько страдавшей отъ подобнаго кочеванія князей. Эта нераздѣльность государства, конечно, вела къ его усиленію и укрѣпленію и вмѣстѣ сообщала силу и значеніе тому сословію, которое было главнымъ помощникомъ князей въ ихъ дѣятельности, именно сословію боярскому. Не имѣя причинъ оставлять княжество галицкое, свою родину, бояре какъ покупкою, такъ и пожалованіемъ пріобрѣтали значительныя помѣстья, и такимъ образомъ, въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣтали важное вліяніе. Это вліяніе еще болѣе увеличивалось вслѣдствіе того, что всѣ важнѣйшія должности были замѣщаемы боярами; должность тысяческаго, на примѣръ, который имѣлъ такое вліяніе на народонаселеніе, или дворскаго, котораго встрѣчаемъ и держателемъ Галича, въ отсутствіе князя, и предводителемъ войска,—эти должности должны были давать огромное значеніе боярамъ, ихъ занимавшимъ; здѣсь нужно вспомнить и то обстоятельство, что родъ князей галицкихъ не отличался многочисленностію, поэтому въ Руси червонной не было того, что замѣчаемъ въ Руси кievской, именно, что каждый небольшой городъ имѣлъ своего князя и управлялся этимъ княземъ; въ Галичѣ, напротивъ, города паходились въ управленіи бояръ; такъ Звенигородъ, въ 1219 г., былъ отданъ Судиславу; всѣ прочіе города имѣли тысяцкихъ (что, кажется, все равно, что и держатели города), такъ въ 1213 г. въ Перемышлѣ держалъ тысячу Ярунъ или Яроуъ. Изъ этихъ примѣровъ легко можемъ видѣть, что положеніе бояръ галицкихъ было нѣсколько тверже положе-

нія боярь кievской Руси. Богатые землевладѣльцы, вліятельные чиновники они имѣли свои собственные полки ⁶³⁾, соединивъ которые могли съ успѣхомъ дѣйствовать противъ князя, лишь только отношенія его къ нимъ дѣлались недоброжелательными или враждебными. Положеніе князя было далеко не твердо; онъ могъ дѣйствовать противъ боярь, опираясь только на свою дружину, и потому если полки боярь, соединенные вмѣстѣ, превзойдутъ въ силѣ дружину княжескую, то князь долженъ былъ отказываться отъ своихъ плановъ, долженъ былъ дѣлать уступки боярамъ; здѣсь невольно приходитъ въ голову сравненіе отношеній князя галицкаго къ боярамъ съ отношеніями князя кievскаго или великаго къ младшимъ членамъ Рюрикова дома. И тотъ и другой держались тѣмъ, что едиподушное дѣйствованіе было невозможно какъ для младшихъ Рюриковичей, такъ и для боярь Галича; они постоянно враждовали другъ къ другу. Доброславъ и Григорій, захватившіе почти всю землю, послѣ татарскаго погрома, въ свое управленіе, были въ такой степени сильны, что позволяли себѣ открыто, предъ княжескимъ посломъ, смѣяться надъ распоряженіями и упреками князя, и Данилъ не могъ ничего предпринять противъ нихъ; онъ только скорбѣлъ и молился Богу о своей отчизнѣ; нѣсколько времени спустя, между Доброславомъ и Григоріемъ встала распря, тогда Данилъ безъ страха приказалъ обоихъ схватить, какъ против-

⁶³⁾ И. С. Р. Л. II, 137.

никовъ княжеской власти. Ясно, что только совокупнаго ихъ дѣйствія боялся Данилъ, а лишь только они раздѣлились, то не могли уже быть опасными князю

Точно также и раньше Данила, когда бояре, подучаемые Романомъ, возстали на Владиміра Ярославича, они не смѣли ни схватить его, ни убить, «запе не вси блхуть въ думѣ той». Все таки, оставаясь сильными и понимая свое значеніе, бояре, естественно, стремились къ расширенію своихъ правъ, къ устройству болѣе выгодныхъ отношеній къ верховной власти и въ этомъ случаѣ они имѣли удобство предварительнаго соглашенія съ княземъ, если можно такъ выразиться предварительнаго торго съ нимъ, потому что князей, желавшихъ пріобрѣсть галицкое княжество, было очень много и бояре могли выбирать изъ нихъ. Это обстоятельство, т. е. многочисленныя притязанія на Галичъ, было, по нашему мнѣнію, главною причиною, важнѣйшимъ побужденіемъ, хорошо объясняющимъ всѣ волненія и крамолы бояръ. Если обратимъ вниманіе на древнѣйшую исторію Галиціи, то увидимъ полное согласіе боярства и верховной власти; вотъ мѣсто изъ лѣтописи, представляющее образчикъ подобныхъ отношеній. Бояре говорятъ Ярославу Осмомыслу въ одномъ сраженіи (съ Изяславомъ Мстиславичемъ при Теробовлѣ, въ 1153 г.): «ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будеть отець твой кормилъ и любилъ, а хотимъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити, ты еси у насъ князь одинъ, оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? а поѣди княже къ городу» и пр. ⁶⁴⁾ Возстанія бояръ начинаются

⁶⁴⁾ П. С. Р. Л. II, 73.

только тогда, когда имъ является возможность опереться на кого нибудь въ своихъ дѣйствіяхъ противъ князя; такъ они востали противъ Осмомысла, когда въ его семействѣ произошла распря и бояре могли принять сторону его княгини Ольги и сына Владиміра и подъ ихъ знаменемъ дѣйствовать противъ Ярослава. За тѣмъ они поднялись на Владиміра, потому что опирались на Романа, находились въ сношеніяхъ съ нимъ и дѣйствовали по его побужденію. Въ этомъ случаѣ Романъ подалъ дурной примѣръ и былъ нѣкоторою причиною, конечно вѣдущею, послѣдующихъ волненій въ Галичѣ, самъ онъ только крайне жестокими мѣрами удержалъ бояръ въ повиновеніи, а по смерти его, когда явилось столько претендентовъ, галицкому вельможеству настало самое благопріятное время; оно могло прочно устроить свое положеніе, еслибъ дѣйствовало единодушно, еслибъ ясно сознавало свою цѣль и неуклонно къ ней стремилось. Но ни одного изъ этихъ условій не было; бояре тянули въ разныя стороны, одни къ Ольговичамъ, другіе къ Венграмъ, третьи къ Ромаповичамъ и т. д. Они даже не знали хорошо, къ чему слѣдуетъ стремиться, чего достигать и дѣйствовали часто съ величайшею непослѣдовательностію. Княжеская власть, попираемая боярами, должна была замѣтить отсутствіе системы въ ихъ дѣятельности и употребила его для своего утвержденія и укрѣпленія; лучше всего воспользовался этимъ Данилъ Ромаповичъ и, одолевъ до 1249 г. всѣхъ претендентовъ на Галичъ, тѣмъ самымъ отнялъ у бояръ возможность крамолить и подчинилъ ихъ своей власти. Съ этого времени лѣтописи ничего не сообщаютъ о внутреннихъ сму-

тахъ въ Галиціи, только то обстоятельство, что при Юріѣ II грамоты писались не отъ лица одного князя, но и отъ имени бояръ, даетъ намъ нѣкоторый поводъ предположить, что значеніе бояръ опять пачинаетъ вышнаться около половины XIV столѣтія, хотя, какъ мы уже замѣтили, это можетъ объясняться еще малолѣтствомъ Юрія II.

Читая лѣтописное повѣствованіе о мятежахъ боярскихъ, объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ князю высшимъ сословіемъ, невольно удивляемся, отчего князья не обратились къ городамъ, не усиливали ихъ значенія и не создали себѣ такимъ образомъ опоры противу боярства. Внимательно соображая всѣ событія, мы замѣчаемъ, что сила городовъ была парализирована боярами, граждане почти всегда являются только зрителями или играютъ роль пассивную, исполняютъ приказанія бояръ. Нечего обращать вниманіе на то, что лѣтописецъ дѣйствующія лица постоянно называетъ Галичанами; подъ этимъ именемъ, въ большей части случаевъ, должно разумѣть бояръ галицкихъ, а не массу гражданъ; доказательствъ можно много найти въ лѣтописи; какъ напр. согласить извѣстія лѣтописи, подъ 1208 г.: «Галичане же выгнаша Данилову мать изъ града»; подъ 1202 г.: «И еще же хотящу Володиміру (Игоревичу) искоренити племя Романово; поспѣвающимъ же безбожнымъ Галичаномъ», или подъ 1234: «узрѣвше же бояре Галичстїи Василька, отшедша съ полономъ воздвигоша крамолу; Судиславу же Ильичу рекшу: «Княже! льстивъ глаголь имѣють Галичане, не погубисе, поиди прочь»; и вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о враждебности Галичанъ къ Да-

нілу, съ извѣстіемъ, записаннымъ подъ 1235 г.? Въ этомъ году, когда Даниль, воспользовавшись удаленіемъ Ростислава изъ Галича, явился подъ стѣнами города, всѣ граждане сказали: «яко се есть держатель нашъ, Богомъ данный, и пустишася яко дѣти ко отцю, яко пчелы къ матцѣ, яко жаждущи воды къ источнику». Въ однихъ извѣстіяхъ видимъ Галичанъ, которые замышляютъ крамолу противъ Данила, выгоняютъ его мать и сочувствуютъ мысли объ искорененіи цѣлаго племени Романа Великаго; въ другомъ Галичане изъясляютъ такую жаркую любовь, такую искреннюю преданность тому же Данилу. Очевидно, что Галичане первыхъ трехъ извѣстій и послѣдняго—не одно и тоже; не трудно догадаться, что подъ первыми разумѣются бояре, а подъ послѣдними—масса гражданъ. Лѣтописецъ и не смѣшиваетъ ихъ; подъ 1235 г., рассказавъ о чувствахъ горожанъ къ Данилу, онъ тутъ же сообщаетъ и о боярахъ: «Пискупу же Артемью и Дворьскому Григорью возбращающему, узрѣвшима же има, яко не можета удержати града, яко малодушна блюдыщася о преданьи града, изыдоста слезными очима и ослабленомъ лицемъ, и лижюща уста своя, яко не имѣюща власти княженья своего; рѣста же съ цужею: «прійди, княже Данило, прійми градъ». И такъ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствителями являются бояре; они призываютъ князей, они составляютъ заговоры, захватываютъ управленіе земли въ свои руки и т. д., а граждане молчатъ или являются въ страдательной роли приверженцевъ высшаго сословія, исполнителей его предначертаній; то значеніе, которое сохраняло народонаселеніе въ Кіевѣ, гдѣ бояре казались пришельцами, пото-

му что съ новымъ княземъ являлись и новые бояре, это значеніе въ Галичѣ всецѣло перешло къ боярамъ, важнымъ по своему богатству и тому вліянію, которое они постоянно сохраняли надъ народомъ, благодаря своимъ должностямъ. Народъ, масса, предоставленная самой себѣ безъ средствъ, безъ вождя, конечно, долженъ былъ раздѣлиться на части и склониться на сторону того или другого боярина. Эта подчиненность ясно выражается въ рассказѣ лѣтописи о крамолѣ Доброслава, о его прѣздѣ къ Данилу: «ѣдучю Доброславу, во одной сорочьцѣ, гордящу, ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текущимъ у стремени его». Ѣздить или ходить у стремени, въ древней Руси, означало покорность, подчиненныя отношенія. Наконецъ, если Галичане имѣли возможность дѣйствовать самостоятельно, могли противиться боярамъ, то какъ же терпѣли они, что любимый князь ихъ Данилъ, въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, долженъ былъ вести жизнь, исполненную опасностей и униженій? Не скорѣе ли было бы ожидать, предполагая въ нихъ независимый образъ дѣйствій, что они, подобно Кіевлянамъ, скажутъ: «не хотимъ Ольговичей, хотимъ племя Мономахово»? Ничего такого не было; ихъ дѣятельность, ихъ чувства проявлялись только тогда, когда вліяніе бояръ, почему бы то ни было, прекращалось; такъ въ 1229 г., когда Данилъ, взявъ Галичъ, выгналъ извѣстнаго крамольника Судислава, граждане, до тѣхъ поръ покорные ему, стали бросать въ него камнями и кричали: «изыди изъ града, мятежниче земли!» Въ 1235 г. чувства Галичанъ къ Данилу, постоянно сдерживаемыя боярами, вылились наружу въ то время,

когда онъ стоялъ подъ стѣнами города, а большая часть бояръ ушла съ Ростиславомъ въ походъ на Литву. Встрѣчаются въ лѣтописи рассказы о возстаніи городовъ противъ князя, но и эти рассказы только подтверждаютъ нашу мысль о пассивной роли граждацъ; подъ 1240 г. лѣтопись рассказываетъ о возвращеніи Данила изъ Польши послѣ татарскаго нашествія: «и приде ко граду Дорогычину и восхотѣ впити во градъ и вѣстьпо бысть ему: «яко не видеша во градъ», оному же рекшу: «яко се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ», «вы же не изволите впити въ оны», отъиде, и отъиде мысля си, иже Богъ послѣ же отместе сотвори держателю града» и пр. И такъ Данилъ, не говоря ни слова о гражданахъ, всю вину приписываетъ держателю града, значить боярину и надѣется, что Богъ, современемъ, поможетъ отомстить ему.

Опредѣливъ степень участія въ событіяхъ исторіи Галича бояръ и горожанъ, сообщимъ еще тѣ немногія свѣдѣнія объ ихъ жизни и занятіяхъ, которыя сохранила намъ лѣтопись.

Названіе «бояре», въ разсматриваемый періодъ, нельзя понимать въ смыслѣ отдѣльнаго, замкнутаго сословія, которое не сообщалось бы съ другими общественными разрядами; доступъ къ боярству былъ открытъ всѣмъ и, кажется, бояриномъ назывался каждый, близкій къ князю и занимавшій какое нибудь важное мѣсто; слѣдственно мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если дадимъ боярамъ болѣе общее названіе сословія правительственнаго, только оговоримся, что бояре составляли, такъ сказать, верхній слой его, потому что исправляли главнѣйшія должности

тысяческаго, дворскаго, печатника, держателя града или градоначальника, стольника и воеводы, сперва въ смыслѣ предводителя войска, а потомъ начальника цѣлой отдѣльной области. Въ то же сословіе слѣдуетъ включить лица, занимавшія менѣе вліятельныя должности слугъ дворныхъ, дѣтей боярскихъ, отроковъ, которые составляли постоянное окруженіе князя, потомъ тиуновъ, т. е. городскихъ чиновниковъ, поставленныхъ княземъ и чиновниковъ лично княжескихъ, какими были дьяки и писцы.

Всѣ эти лица, кромѣ исправленія своихъ должностей, въ случаѣ войны дѣлались воинами, отсюда можно исключить только тиуна, дьяки же и писцы, которыхъ назначеніе, какъ видно изъ названія, было вполнѣ мирное, тѣмъ не менѣе должны были сопровождать князя въ его походахъ и если, быть можетъ, не участвовали въ сраженіяхъ, не бились, какъ другіе воины, то подвергались всѣмъ опасностямъ войны и даже были ея жертвами.

Относительно способовъ веденія войны мы не знаемъ ничего характеристическаго; войско и въ Галичѣ, какъ въ остальной Руси, состояло изъ дружины князя и полковъ, въ которые набиралась жители городовъ и сель; во главѣ его становился князь, которому воины оказывали несравненно большее повиновеніе, чѣмъ воеводамъ; обыкновенно онъ говорилъ рѣчи для возбужденія храбрости и самъ бился на ряду съ прочими; война сопровождалась опустошеніемъ, собраніемъ добычи; набѣги на сосѣдей, но большей части, этимъ и ограничивались; послѣ битвы князю приводили сайгаты, т. е. трофеи, состоявшіе изъ лошадей въ сѣдлахъ и оружіи; войска юго-западной Руси отличались пылкою храбростію, но не

были стойки. Если что поражаетъ насъ въ галицкомъ войскѣ, то это блестящій видъ его, который приводилъ въ изумленіе не только Пруссовъ и Ятвяговъ, но и Венгерцевъ. Лѣтописецъ такъ описываетъ войско, бывшее въ походѣ на Ятвяговъ, въ 1251 г.: «щитѣ же ихъ, яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходящу, копіемъ же ихъ дръжащимъ въ рукахъ, яко трѣсти мнози, стрѣлцемъ же обаполь идущимъ и держащимъ въ рукахъ рожаницы своѣ, и наложившимъ на шѣ стрѣлы своѣ противу ратнымъ. Данилови же на конѣ сѣдящу и всѣ рядящу и рѣша Прузи Ятвяземъ: «можете ли древо поддржати сулицами и на сію рать дерзнути» ⁶³⁾. Въ 1252 г. Даниль, принявшій участіе въ дѣлахъ Венгріи и австрійскаго герцогства «пріиде къ нему (королю венгерскому) исполчи вся люди своѣ. Нѣмци же, дивящесе оружію татарскому: бѣша бо кони въ личинѣхъ и коярѣхъ кожаныхъ, и люди во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же бѣха подлѣ короля, по обычаю руску, бѣ бо конь подымимъ дивленію подобенъ и сѣдло отъ злата жъжена и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожуюхъ же оловира Грецького и круживы златыми плоскими ошитъ и сапоги зеленаго хъза, шити золотомъ», и т. д. Король былъ такъ пораженъ прекрасною виѣшностію Данилова войска, что воскликнулъ: «не взяхъ быхъ тысящѣ серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ русскимъ отцовъ своихъ» ⁶⁵⁾.

Въ заключеніе скажемъ, что князья, во второй половинѣ XIII столѣтія, стараются ограничивать губительное

⁶⁵⁾ П. С. Р. Л. II, 187.

вліяніе войны на народонаселеніе, заключають договоръ съ Поляками не воевать челяди, т. е. истреблять только войско, а не мирныхъ гражданъ; наконецъ они берутся за современныя намъ средства для избѣжанія и предупрежденія войны; устраиваютъ конгрессы, съѣзды съ сосѣдями, гдѣ обсужденіемъ дѣла и постановленіемъ общаго рѣшенія стараются обойтись безъ непріязненныхъ дѣйствій.

Относительно внутренняго быта городовъ, ихъ управленія и занятія гражданъ мы имѣемъ свѣдѣнія неполныя и неточныя.

Въ каждомъ городѣ находилась засада или гарнизонъ, ⁶⁶⁾ начальникъ котораго былъ правителемъ города и представителемъ интересовъ князя; эти правители въ лѣтописяхъ называются или боярами, или просто держателями града, въ иныхъ попадаются тысячскіе съ тѣмъ же значеніемъ и властью; наконецъ встрѣчаемъ города, въ которыхъ представителемъ княжеской власти былъ только тіунъ ⁶⁷⁾.

Вслѣдствіе пограничнаго положенія Галиціи, въ городахъ ея собирались самыя разпородныя національности; въ нихъ жили, кромѣ Русскихъ, еще Поляки, Нѣмцы, Евреи, Татары, Сурожане, Караимы и Армяне. Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки уже съ давняго времени жили въ Галиціи; это объясняется близостію ея къ Польшѣ и частыми сношеніями, которыя существовали между обѣими странами. Нѣмцы были призываемы на Русь, какъ искусные ремесленники и опытные торговцы; под-1233 годомъ, лѣтописѣ одни изъ воротъ Галича называются

⁶⁶⁾ И. С. Р. Л. II, 194.

васть нѣмецкими, явное доказательство, что Нѣмцы еще прежде жили въ этомъ городѣ. Послѣ этого перваго признака нѣмецкихъ поселенцевъ, лѣтопись часто упоминаетъ объ нихъ въ разныхъ городахъ Галиціи и Владиміріи: въ разсказѣ о построеніи Холма говорится, что Данилъ «нача призывати прихожаѣ, нѣмцы и Русь»; подь 1268 г. встрѣчается Нѣмечинъ Маркольтъ, угощавшій у себя во Владимірѣ князей Василька, Льва и Войшелка; неизвѣстно, кто былъ этотъ Маркольтъ, бояринъ или купецъ. Наконецъ съ Болеславомъ Мазовецкимъ пришло на Русь много иноплеменниковъ: придворные его состояли изъ Поляковъ и Нѣмцевъ; еще болѣе поселилось ихъ во Львовѣ при Казимірѣ Великомъ въ 1340 г. Рукопись изъ XVII вѣка, подь названіемъ: «*Torografia civitatis Leopoldis a Joane Alprsch, consule civitatis Leopoliensis*», разсказываетъ, что Казиміръ, занявъ Львовъ, повѣрилъ его стражѣ нѣмцовъ, число которыхъ, по Зиморовичу (въ его «*Triplex Leopoldis*»), простиралось до 1200 ⁶⁸⁾. Эти пришельцы, увлеченные богатствомъ страны, ея роскошною природою остались навсегда во Львовѣ, кажется при Казимірѣ уже, получили магдебургское право, разныя льготы, построили первую католическую церковь во имя Богородицы и они-то прозвали Львовъ Лембергомъ.

Со времени Казиміра нѣмцы играютъ важную роль во Львовѣ, въ качествѣ землевладѣльцевъ ⁶⁹⁾ и богатыхъ

⁶⁸⁾ Хранится въ Архивѣ города Львова, выписки есть у Стадницкаго (въ *Synowie Gedymina*) и у Зубрицкаго (въ его «*Повѣсти и въ Kronik'ѣ miasta Lwowa*»)

⁶⁹⁾ См. *Kronika miasta Lwowa, przez Zubrzyckiego*—стр. 51.

кушцовъ; какъ видно вся торговля Львова мало по малу сосредоточилась въ ихъ рукахъ, кн. волинскій Дмитріі Любарть, увѣдомля гражданъ львовскихъ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ своихъ по торговлѣ, пишетъ грамоту на нѣмецкомъ языкѣ ⁷⁰⁾; такимъ образомъ нѣмецкая народность во 2-й половинѣ XIV столѣтія, сдѣлалась наиболее вліятельною; тоже видно изъ дѣленія, которое далъ своему сочиненію писатель XVII вѣка Зиморовичъ, который видитъ въ жизни Галича (до присоединенія его къ Австріи) три періода: русскій до 1340, нѣмецкій до 1348 г. и потомъ уже польскій; хотя подобное дѣленіе и не совсѣмъ справедливо, тѣмъ не менѣе можно заключать изъ него о многочисленности нѣмцевъ и ихъ вліяніи въ Галиціи, особенно во Львовѣ.

Объ Евреяхъ мы находимъ мало извѣстій; зная о ихъ пребываніи въ Кіевѣ уже съ давняго времени, можно было бы предполагать ихъ присутствіе и въ Галиціи, но извѣстный путешественникъ Еврей, Веніаминъ Тудельскій (+1172), описывая еврейскія синагоги, ни слова не говоритъ объ нихъ въ югозападной Руси; это обстоятельство, доказывающее, что въ XII столѣтіи ихъ тамъ еще не было, заставляетъ соглашаться съ мнѣніемъ Зиморовича, что евреи пришли въ Галицію въ 40-хъ годахъ XIII столѣтія, привлеченные возможностью скупать у Татаръ паграбленныя ими вещи ⁷¹⁾.

⁷⁰⁾ Supplem. ad Hist. R. Monum. N XLI.

⁷¹⁾ Historia miasta Lwowa, przez Zimorowicza, въ польск. перев. Цивоцкаго, стр. 73.

Ипатьевская летопись, описывая под 1288 г. кончину Владимира Васильковича, говорит, что по немъ плакались «Жидове» изъ чего можно заключать, что число ихъ во Владимірѣ было уже значительно ⁷²⁾. Болѣе свѣдѣній имѣется о Евреяхъ Каранмахъ, но принимать ихъ слѣдуетъ съ строгою критикою. Существуетъ документъ, на основаніи котораго поселеніе Караимовъ въ Галиціи думали относить къ половинѣ XIII столѣтія: это есть выписка изъ какой-то древней пергаменной книги, сгорѣвшей въ 1830 г. вмѣстѣ съ молельней галицкаго караимскаго общества; въ ней рассказывается, что въ 1243 г. два короля, татарскій Батуханъ и хорватскій Даніилъ, имѣвшій столицу въ Галичѣ, заключили между собою миръ, въ числѣ условій котораго было обѣщаніе татарскаго хана позволить сотнѣ караимскихъ семействъ переселиться изъ Крыма въ Галичъ; главнымъ занятіемъ переселенцовъ должна быть торговля между востокомъ и землею русскою или Хорватіей. Каждое семейство получило отъ хорватскаго короля домъ, землю, по 100 гривенъ и право держать и продавать у себя всякіе напитки. Хотя совершенно справедливо, что русскіе князья, перезывая къ себѣ изноземцовъ для развитія русской торговли и промышленности, обыкновенно давали имъ разныя льготы, но преимущества, обѣщанныя Караимамъ кажутся намъ ужь слишкомъ преувеличенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многія историческія погрѣшности, попадающіяся въ этомъ рассказѣ, заставляютъ

⁷²⁾ П. С. Р. Л. II, 220.

насъ сомнѣваться въ его справедливости; лица, подписавшія договоръ, были: король Даниилъ, который въ 1243 г. не назывался королемъ, да и не входилъ еще ни въ какія сношенія съ Татарами, великій князь Левъ, который не могъ носить такого титула при жизни отца; наконецъ извѣстіе это само обнаруживаетъ свою невѣрность, говоря, что дома для принятія караимовъ, были построены съ сѣверной стороны королевскаго замка, въ русской улицѣ; это явное доказательство переселенія Караимовъ уже во время польскаго владѣнія, когда Русскіе тѣснились преимущественно въ одной улицѣ, названой, по ихъ имени, русскою. Цѣль составленія этого подложнаго документа легко можетъ быть понята: Караимы хотѣли доказать, что они уже издавна, со временъ русскихъ князей, владѣютъ землею и имѣютъ право вольнаго куренія и продажи вина. Отвергая документъ и сообщаемое имъ извѣстіе о переселеніи Караимовъ въ сороковыхъ годахъ XIII столѣтія, мы принимаемъ старое и справедливое мнѣніе, высказанное Чацкимъ, въ его сочиненіи о Евреяхъ, ⁷³⁾ что Витовтъ, князь литовскій, вывелъ Караимовъ (въ началѣ XV столѣтія) сначала въ Троки, а потомъ въ Галичъ и Луцкъ; это тѣмъ болѣе достоверно, что ипатъевская летопись, говоря о всѣхъ народностяхъ, жившихъ въ Галиціи, нигдѣ не упоминаетъ о Караимахъ ⁷⁴⁾.

⁷³⁾ III, 271. Posnan 1843

⁷⁴⁾ См. критико-историч. Повѣсть Зубрицкаго. 153, прим. 51. и галицкій историч. сборникъ, изд. галицко-русской матицы II, 173—177 (1836).

Армяне поселились въ Галиціи, какъ должно предполагать, въ концѣ XIII столѣтія, т. е. по завоеваніи Арменіи Татарами; въ это время значительная часть ихъ перешла въ Тавриду, преимущественно въ Сулхатъ или Солхатъ, т. е. Старый Крымъ (эски-Крымъ) и оттуда въ червонную Русь, особенно въ г. Львовъ. Въ запискахъ, хранящихся въ архивѣ армянской канитулы во Львовѣ, говорится, что еще въ 1183 г. была въ этомъ городѣ деревянная армянская церковь; но это очевидно ошибка, потому что Львовъ еще не существовалъ въ 1183 г., да и выселенія Армянъ изъ отечества ихъ относятся уже ко второй половинѣ XIII столѣтія; вѣроятно число 1183 написано ошибкою вмѣсто 1283. Армяне судились своими выборными и имѣли во Львовѣ своего епископа ⁷⁵⁾).

Довольно трудно рѣшить, что такое «Saraceni», упоминаемые въ различныхъ сочиненіяхъ и актахъ, писанныхъ по латинѣ, какъ обитатели Львова; это не Турки, потому что послѣдніе только въ концѣ XIII столѣтія начинаютъ пріобрѣтать въ Азіи нѣкоторое значеніе и то военное, а иноземцы призывались на Русь въ видахъ усиленія торговли и промышленности; это не Татары, какъ полагали нѣкоторые ⁷⁶⁾, потому что есть документъ, гдѣ между народностями, жившими во Львовѣ, упоми-

⁷⁵⁾ Зубрицкаго. Повѣсть о Червонной Руси. 156, прим. 52.

⁷⁶⁾ Между прочими и Зубрицкій. См. его Крон. т. Lwowa str 11., но открывъ упомянутый документъ (напечатанный въ его Повѣсти и пр. въ прибавл. подъ буквою М), онъ отказался отъ своего мнѣнія.

минаются рядомъ: «Tartari и Saraceni»; чтоже это такое? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы рѣшаемся высказать наше предположеніе, для полнаго убѣжденія въ которомъ, признаемся, не имѣемъ достаточныхъ доказательствъ. Мы полагаемъ, что это Сурожане, т. е. жители города Судака (Sugdaia), а по древне-русски Сурожа, близъ Балаклавы. Городъ этотъ извѣстенъ обширною торговлею и съ Азіей, и съ Европой, а такъ какъ важнѣйшіе города Галиціи и Волыни, особенно Львовъ, Владиміръ и Луцкъ, были, какъ увидимъ ниже, мѣстами склада товаровъ, шедшихъ изъ Азіи въ Европу и наоборотъ, то весьма естественно предположить присутствіе Сурожанъ въ означенныхъ городахъ; это предположеніе дѣлается неоспоримымъ фактомъ послѣ нѣкоторыхъ мѣстъ ипатьевской лѣтописи, гдѣ объ нихъ упоминается, такъ подъ 1288 г., въ разсказѣ о смерти Владиміра Васильковича, говорится: «и тако плакашеся надъ нимъ все множество Володимерцевъ, нѣмцы и сурожьцы, и новгородьци и жидове» и т. д. Собственныя имена у латинскихъ авторовъ часто переименовываются такъ, что ихъ трудно бываетъ узнать; если вспомнимъ при этомъ, что у восточныхъ писателей Судакъ называется Суракъ, то назвать по латинѣ жителей Сурака—Saraceni, еще небольшая ошибка и заключается только въ одной гласной буквѣ.

Что касается до Татаръ, то ихъ присутствіе въ городахъ галицкой Руси весьма естественно и не требуетъ доказательствъ; замѣтимъ мимоходомъ, что память о нихъ долго сохранялась въ названіи однихъ изъ воротъ Львова: «porta Tartarica», впоследствии краковскія и что су-

ществуетъ преданіе, будто бы опи въ давнее уже время имѣли свою мечеть во Львовѣ ⁷⁷⁾).

Населеніе городовъ занималось преимущественно ремеслами и торговлею; о первомъ занятіи ясно говорится въ разказѣ о построеніи Холма: на зовъ Данила въ строимый городъ стекались: «и уюты, и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ Татаръ, сѣдельници, и лучници, и тульници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребра» ⁷⁸⁾. Должно предполагать, что иноземцы, селившіеся въ городахъ, особенно содѣйствовали развитію промысловъ всякаго рода; это развитіе видно въ быстромъ возникновеніи городовъ, въ постройкѣ зданій и украшеніи ихъ различными красотами; вотъ на примѣръ описаніе церкви, которую Данилъ построилъ въ Холмѣ: «созда же церковь св. Ивана красну и лѣну; зданье же еѣ еше бысть: комары 4, съ каждаго угла преводъ и стояпье ихъ на четырехъ головахъ челоуѣцкихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца; окна 3, украшены стеклы римскими; входящи во олтарь стояста два столпа отъ цѣла камени и папею комара, и высирь же верхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутренн же еи помость бѣ слить отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блестяся, яко зеркалу; двери же еи двоя украшены каменьемъ галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмьскымъ, тесанымъ, узоры тѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдьемъ, прилѣны отъ всихъ шаровъ и злата, напередн ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полуноцныхъ святый Иванъ, яко же всемъ зряцимъ диви-

⁷⁷⁾ Зубриц. Критико-историч, Повѣсть стр. 168.

⁷⁸⁾ И. С. Р. Л. II, 196.

тися бѣ; украси же иконы, еже принесе изъ Кыева, каменемъ драгымъ и бисеромъ златымъ» и пр. ⁷⁹⁾ Въ обзорѣи дѣятельности кн. Владимира Васильковича говорится, что онъ срубилъ много городовъ, построилъ множество церквей и снабдилъ ихъ всѣми необходимыми утварями изъ золота, серебра и, рѣдко, изъ мѣди, великолѣпными бархатными и царчевыми покровами, приказалъ написать для нихъ иконы, изъ которыхъ многія были рисованы на золотомъ полѣ, окованы серебромъ, украшены золотомъ, бисеромъ и драгоценными камнями; такія же украшенія находились на Евангеліяхъ и богослужебныхъ книгахъ. Укрѣпленія городовъ также говорятъ и въ пользу военнаго искусства, и въ пользу промысловъ; особенности этихъ укрѣпленій заключалась въ построении высокихъ столбовъ или башенъ изъ тесаннаго камня, съ каменными на верху орлами; онѣ имѣли назначеніе сторожевыхъ постовъ и вмѣстѣ служили прекраснымъ средствомъ оборонительнымъ; стрѣльцы, обыкновенно ихъ занимавшие, наносили много вреда непріятелю; такіе столбы встрѣчаемъ въ Холмѣ, построены Даниломъ, въ Колодецѣ—Владиміромъ, въ Чарторыйскѣ—Мстиславомъ и др. Точно также развитіе ремеслъ доказывается одеждою и оруженіемъ войска; просимъ вспомнить, что говоритъ Лѣтописецъ о войскѣ, съ которымъ Данилъ ходилъ за помощь венгерскому королю въ 1252. Наконецъ общій видъ городовъ поражалъ пріятно, даже иноземцовъ; такъ въ 1231 г. король венгерскій говорилъ

⁷⁹⁾ *ibidem*.

о Владимірѣ: «яко такіи градъ не изобрѣтохъ ни въ нѣмецкихъ странахъ». Кто отличался большимъ искусствомъ въ разномъ руководѣльи, сказать трудно; по всей вѣроятности иноземцы, Нѣмцы напримѣръ; хотя летопись, рассказывая о различныхъ постройкахъ, называетъ русскія имена: Авдїи, живописецъ, Алекса, который срубилъ много городовъ; но можетъ быть подъ этими именами скрываются художники греческіе.

Другое занятіе горожанъ составляла торговля, относительно которой Галиція находилась въ весьма выгодномъ положеніи: чрезъ нее проходила большая торговая дорога, по которой товары шли изъ Азии въ Европу и на оборотъ. Князья всячески старались оживить и развить торговля сношенія своего государства; для этого они призывали къ себѣ иноземцовъ, которые изъ собственныхъ выгодъ, съ большою охотою, переселялись; такъ напримѣръ Сурожане, богатѣйшіе купцы того времени, должны были имѣть своихъ повѣренныхъ въ Галиціи какъ для этой страны, такъ и для странъ, болѣе отдаленныхъ, лежащихъ за Галичемъ. Уже изъ XIV вѣка имѣемъ мы нѣсколько документовъ, которые доказываютъ какъ дорожили князья торговлею своей страны, такова грамота Андрея, князя Владимірскаго и всей Руси къ торунскому магистрату о предоставленіи купцамъ города Торна, права свободной и безошлинной торговли въ Галиціи и Владимірин. Льготы, даруемыя этой грамотой, были не новыя, князь Андрей только подтверждалъ то, что уже существовало при отцѣ его; замѣчательно выраженіе, что если иностранній купецъ потерпитъ, несправедливо, вельдствіе противозаконнаго

насилія , убытокъ , то князь обязывается за каждый потерянный денарій заплатить вдвое ⁸⁰⁾).

Важнѣйшими торговыми пунктами были Львовъ въ Галиціи, Владиміръ и Луцкъ на Волыни; 9 мая 1379 г. король Людовикъ далъ Львову грамоту, подтверждающую всѣ прежнія права и привилегіи и сообщающую новое право складки товаровъ ⁸¹⁾ (*jus depositorii*), вслѣдствіе чего каждый куонецъ, ведущій торговлю съ Востокомъ, долженъ былъ ѣхать черезъ Львовъ и такимъ образомъ сообщать ему всѣ выгоды транзитной торговли. Не обращая вниманія на эту привиллегію Львова, иностранные купцы всячески старались войти въ прямыя сношенія съ Татарами, торговля съ которыми была для нихъ особенно выгодна, тогда Львовцы, защищая свои права, обратились къ князю владимірскому и луцкому Дмитрію-Любарту, съ просьбою не пропускать такихъ купцовъ черезъ свои владѣнія. Дмитрій въ томъ же году выдалъ грамоту ⁸²⁾, которою завѣрялъ львов-

⁸⁰⁾ «Item si alicui hospiti, vel negotiatori, terram nostram ingredienti aliqua injuria, vel molestia aut violentia nata fuerit, per aliquos nostros, in terra nostra, quod ostendi poterit, pro unoquocunque denario, injuste ablato vel recepto, duos reddere obligamus». Supplem. ad Hist. Rus. Mon N XXXVIII.

⁸¹⁾ Suppl. ad. H. R. M. N XLII.; здѣсь право складки товаровъ смѣшано въ изложеніи съ другими, дапными при Казимірѣ и Елисаветѣ, мы назвали его повымъ, п. ч. нигдѣ прежде не встрѣчали о немъ упоминанія.

⁸²⁾ Suppl. ad. H. R. M. N XLIII; мы приписываемъ эту грамоту Любарту, п. ч. во первыхъ, онъ въ это время княжилъ

цевъ, что не позволить ни одному купцу, ни изъ Германіи, ни изъ Польши, проходить чрезъ его владѣнія въ языческія земли (къ Татарамъ), если купецъ не захочетъ устроить склада товаровъ во Львовѣ, Луцкѣ и Владимірѣ. Эта грамота писана на нѣмецкомъ языкѣ и, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, доказываетъ, что большинство купцовъ во Львовѣ составляли нѣмцы. Въ 1380 г. король Людовикъ точнѣе опредѣляетъ «jus depositarii» для Львова: онъ требуетъ отъ каждаго купца, который ведетъ торговлю съ востокомъ, чтобы онъ направлялъ свой путь на Львовъ и тамъ выставлялъ бы свои товары на продажу, въ продолженіе 14 дней, по истеченіи которыхъ, заплативъ опредѣленную пошлину за оставшіеся у него товары, могъ отправиться въ дальнѣйшій путь ⁸³).

Развитіе городовъ довершилось дарованіемъ имъ магдебургскаго права; это право сообщено Львову Казиміромъ въ 1363 ⁸¹). Грамота, данная по этому случаю, возбуждала сомнѣнія историковъ въ достовѣрности ея содержанія, потому что подлинникъ ея утраченъ, а сохранилось только подтвержденіе его кор. Казиміромъ въ 1460 г. ⁸⁵) Намъ кажется, что утрата подлинника не есть еще до-

во Владимірѣ, а во вторыхъ, опъ имѣлъ второе имя Дмитрія, что доказывается письмомъ греческаго императора, гдѣ волынскій князь называется Дмитріемъ-Любартомъ. Ж. М. Н. Пр. ч. 54, 139.

⁸³) Zubrzyckiego. Kron. m. Lw, str 52.

⁸¹) Его же повѣсть и пр. въ прибавленіяхъ, подъ буквою М.

⁸⁵) *ibidem*. 142, 39 прим.

статочное основаніе для недовѣрія, тѣмъ болѣе, что фактъ, сообщаемый грамотою, т. е. что Казиміръ далъ Львову магдебургское право, не содержитъ въ себѣ ничего невѣроятнаго или неправдоподобнаго. Другая причина, по которой отвергался упомянутый документъ, заключается въ письменномъ извѣстіи ⁸⁶⁾, что еще въ 1352 г. во Львовѣ были консулы и адвокаты или цѣлый магистратъ, но это извѣстіе можетъ относиться только къ нѣмецкому населенію Львова и доказывать вѣрность сообщенныхъ выше свѣдѣній о томъ, что нѣмецкіе колонисты во Львовѣ получили самоуправленіе еще въ 1340 г.

Кромѣ двухъ общественныхъ разрядовъ, о которыхъ мы сказали, что было можно, остается еще масса собственно народа, жившаго въ селахъ и деревняхъ и составлявшаго важнѣйшую, по количеству, часть народонаселенія. Смерды или черные люди, какъ обыкновенно называли сельчанъ, занимались земледѣліемъ и другими видами сельской промышленности; при этомъ замѣтимъ, что и въ Галиціи, какъ въ остальной Руси, существовало общинное владѣніе землею, которая дѣлилась между общинниками на мелкіе участки, смотря по степени плодородія земли, вліянію на нее лучей солнечныхъ и другихъ удобствъ или неудобствъ естественныхъ; это чисто русское, древнѣйшее дѣленіе (*secundum consuetudinem Ruthenorum*) противопоставляется дѣленію нѣмецкому (*secundum jus Theutonicum*) на длинныя полосы

⁸⁶⁾ *ibidem*.

зъ различія свойствъ почвы; это послѣднее дѣленіе явилось, конечно, не ранѣе XIV столѣтія, когда нѣмцы, уже въ значительномъ числѣ, жили на Руси. Встрѣчаемъ извѣстіе, что села находились въ частномъ владѣніи князей, бояръ, купцовъ и другихъ лицъ; право владѣнія распространялось только на землю, поселяне были лично свободны и отношенія ихъ къ землевладѣльцу, кажется, устраивались по взаимному соглашенію; они могли платить работою за право пользованія землею; такъ князь Владиміръ, передавая въ завѣщаніи село въ частную собственность своей супруги, говоритъ: «а люди, како на мя страдалѣ, тако и на княгиню мою, по моемъ животѣ;» слѣдственно онъ не хочетъ, чтобы послѣ его смерти положеніе живущихъ на его землѣ измѣнилось, чтобы они заключали новыя условія съ княгинею. Въ другихъ актахъ, соответствующихъ нашимъ купчимъ крѣпостямъ, говорится только о землѣ, ея пространствѣ, различныхъ угодьяхъ и т. д., а о поселянахъ нѣтъ ни одного слова ⁷⁸⁾, слѣдственно имъ самимъ предоставлялось право согласиться съ землевладѣльцемъ на счетъ ихъ взаимныхъ отношеній.

И горожане и сельчане выражали свою подчиненность князю платежемъ извѣстныхъ податей; относительно первыхъ, мы знаемъ, что они платили деньгами «татарщину» и «ловчее». Послѣднее означаетъ налогъ на содержаніе княжеской охоты; такъ Мстиславъ Даниловичъ установилъ въ 1288 г. ловчее въ Берестыи, по 4 грив-

⁷⁸⁾ См. Повѣсть и пр. Зубриц.

ны кунъ ежегодно. Сельчане давали «поборъ», платили «ловчее», «татарщину» и развѣ только послѣдняя собиралась съ нихъ деньгами, а первый двѣ уплачивались естественными произведеніями; относительно ловчаго, которое взималось съ Берестьянъ, лѣтопись сохранила намъ число овецъ, куръ, количество льну, хлѣба, овса и т. д, которое приходилось на каждое сто; кромѣ того сельчане отбывали повинность натуральную; на примѣръ рубили, т. е. строили города.

Что касается до участія сельчанъ въ политическихъ событіяхъ, то они, подобно горожанамъ, играли, въ этомъ случаѣ роль страдательную, были орудіемъ матерьяльною силою, которая употреблялась по мысли и желанію другихъ: приходилъ отъ князя приказъ и поселянинъ оставлялъ свое мирное жилище, бросалъ плуги и бороны и на время замѣнялъ ихъ оружіемъ; его силами совершались важныя событія, княжескіе столы переходили отъ одного къ другому, а селянинъ, сдѣлавъ свое дѣло, возвращался къ своему полю, нимало не помышляя о важныхъ результатахъ, добытыхъ его потомъ и кровью.

Исторія югозападной русской церкви, въ разсматриваемый періодъ, представляетъ много любопытнаго, вслѣдствіе возникшей въ то время борьбы католицизма съ православіемъ.

Начала христіанской вѣры проникли въ Галицію еще до Владиміра св. и распространялись въ ней постоянно и неуклонно, опираясь на епископскую кафедру, основанную этимъ государемъ во Владимірѣ волинскомъ въ 992 г. Долгое время существовала во всей югозападной

си только одна епископія волинская; уже въ началѣ XII столѣтія къ ней присоединилась епископія перемышльская. Извѣстіе о ней, сохраненное Татищевымъ, не имѣетъ въ себѣ ничего цевѣроятнаго, такъ какъ всѣ главнѣйшіе княжескіе города на Руси имѣли своихъ епископовъ; когда же княжества перемышльское и теребовльское соединилось въ одно подъ названіемъ галицкаго, то весьма естественно, что епископія была изъ Перемышля переведена въ Галичъ. Первое упоминаніе о галицкомъ епископѣ встрѣчаемъ въ ипатьевской лѣтописи подъ 1165 г. гдѣ читаемъ, что галицкій епископъ Кузьма, по порученію Осмомысла, провожалъ изъ Галича въ Грецію царевича Андроника Компена; по словамъ Татищева этотъ Кузьма былъ поставленъ епископомъ 1156 г.; но есть нѣкоторое основаніе предполагать, что русскія лѣтописи пропустили одного галицкаго епископа, именно Алексѣя, который былъ первымъ, а Кузьма былъ уже его преемникомъ ⁸⁸⁾. Въ XIII столѣтіи возникли епископіи въ Перемышлѣ и Холмѣ; послѣдняя была переведена изъ Угровска.

Всѣ эти епархіи находились подъ властью и управленіемъ митрополитовъ, жившихъ сперва въ Кіевѣ, а потомъ во Владимірѣ и Москвѣ. Могущество князей галицкихъ, ихъ отдаленіе отъ прочихъ русскихъ княжествъ,

⁸⁸⁾ Рукопись XVIII вѣка на лат. и польск. языкахъ, хранящаяся въ библіотекѣ перемышльскаго собора (она описана въ «Перемышлянинѣ» на 1853) сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: «Episcopi vero Halicienses taliter memorantur: Alexius, Cosmas, Ionas» и пр.

конечно, дѣлали для нихъ духовную зависимость отъ русскаго митрополита тягостною и внушали имъ желаніе достигнуть полной религіозной самостоятельности, что было возможно только при существованіи отдѣльной галицкой митрополіи. Достоверные источники дозволяютъ намъ доказать только то, что галицкіе князья, дѣйствительно, имѣли эту мысль. Въ житіи св. Петра, написанномъ митрополитомъ Кипріаномъ, ясно говорится о Юріѣ Львовичѣ, что онъ задумалъ галицкую епископію въ митрополію обратити ⁸⁹⁾; избранный Юріемъ св. Петръ отправился въ Константинополь для поставленія, но патріархъ Аѳанасій, храня цѣлость и единство всероссійской церкви, поставилъ Петра не для одного Галича, но для цѣлой Руси. Сыновья Юрія, если и возобновляли отцовскую просьбу, то безъ успѣха, потому что нѣтъ ни малѣйшаго слѣда галицкой митрополіи при князьяхъ династіи Романа Великаго; слѣды же основанія ея послѣднихъ открываются въ письмѣ греческаго императора (Іоанна Палеолога) къ митрополиту Теофосту объ уничтоженіи только что возникшей митрополіи въ Галичѣ. Подобное же извѣщеніе было сдѣлано тѣмъ же императоромъ Симеону, в. князю московскому и Дмитрію Любарту владимірскому въ 1347 г. ⁹⁰⁾. Не знаемъ кому приписать основаніе ея, вѣроятно же всего Казиміру, но, какъ видно изъ протоколовъ константинопольскаго патріархата, она существовала очень не долго, потому что

⁸⁹⁾ Степенная Книга I, 416 и Карамз. IV, прим. 243.

⁹⁰⁾ Ж. М. Нар. Пр. 1847 г. 34 ч. 138 и слѣд. стр.

въ 1347 г. состоялось соборное дѣяніе о подчиненіи малой Россіи, по прежнему, митрополиту московскому ⁹¹⁾. Казиміръ однакожь не легко отказывался отъ своихъ цѣлей и уже въ концѣ жизни отправилъ письмо къ патріарху Филоѳею, требуя настоятельно особаго митрополита въ Галичъ и грозя, въ противномъ случаѣ, обратитъ Руссовъ въ латинство ⁹²⁾. Какъ видно, онъ не хотѣлъ терпѣть власти московскаго митрополита въ землѣ, которая уже составляла собственность Польши. Положеніе патріарха было довольно трудное; не желая раздѣлять русской митрополіи, онъ въ тоже время боялся подвергнуть православіе въ Галиціи опасности, о которой такъ утвердительно писалъ Казиміръ; долго думалъ патріаршій синодъ и уже по смерти Казиміра въ 1371 г. состоялось соборное дѣяніе, по которому въ митрополиты Галича возведенъ былъ епископъ Антоній съ подчиненіемъ ему четырехъ епископій Холма, Турова, Перемышля и Владиміра. Съ великимъ горемъ сообщилъ объ этомъ патріархъ митрополиту кievскому и всея Россіи, оправдывая себя невозможностію поступить иначе ⁹³⁾; впрочемъ то, что такъ печалило патріарха, скоро было уничтожено врагомъ православія. Мы полагаемъ, что Людовикъ, который такъ ревностно заботился о распространеніи католицизма въ русскихъ областяхъ, не могъ доброджелательно смотрѣть на учрежденіе, долженствующее

⁹¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1847. ч. 54, стр. 139.

⁹²⁾ Ibidem стр. 145.

⁹³⁾ Ibidem стр. 152.

поддержать и укрѣпить православіе и, уничтоживъ галицкую митрополію, замѣнилъ ее, какъ увидимъ ниже, латинскимъ архіепископствомъ.

Такимъ образомъ, хотя несомнѣнные документы положительно свидѣтельствуютъ о двукратномъ основаніи галицкой митрополіи, но они же завѣряютъ насъ, что митрополія едва возникла, какъ тотчасъ же и уничтожалась, слѣдственно нисколько не измѣнила положенія православной церкви въ югозападной Руси. Вліяніе двухъ этихъ митрополитовъ было такъ мимолетно и нечувствительно, что ни народъ, ни лѣтописи его не сохранили о нихъ ни малѣйшаго воспоминаія. Въ челобитной галицко-русскаго и подольскаго православнаго духовенства и мірянъ, которая была отправлена изъ Львова 13 Декабря 1539 г. къ кіевскому митрополиту Макарію, съ жалобою на притѣсненія ихъ вѣры римско-католиками и съ просьбою посвятить епископомъ Галича намѣстника своего архимандрита Макарія, читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова: «преосвященный господине! маемъ то въ . . . нкахъ (вѣроятно въ хроникахъ) ажъ тому есть двѣстѣ лѣтъ и одинъ рокъ отъ святого минуло, якъ владыка на Галичи былъ» ⁹⁴). Духовенство и міряне запомнили, когда былъ послѣдній епископъ въ Галичѣ, а о двухъ митрополитахъ, тамъ жившихъ и правившихъ, совершенно забыли.

Между тѣмъ митрополитъ, т. е. верховный и независимый настырь, подчиненный только патріарху, былъ

⁹⁴) Акты западной Россіи II, № 198.

необходимъ для югозападной русской церкви: латинская пропаганда, прорывавшаяся на Русь еще въ XIII столѣтіи, стала все болѣе и болѣе грозить православію въ XIV вѣкѣ, когда прекратилась династія Романа Великаго. Католическій Западъ уже съ давняго времени питалъ и старался осуществить свои замыслы относительно введенія своей религіи въ нашу грекокаѳоллическій Востокъ; еще въ 962 г. императоръ Оттонъ I основалъ въ Майнцѣ епископство *in partibus infidelium*, носившее названіе познанскаго и русскаго и замышлялъ покорить эти страны сначала своей духовной, а потомъ и свѣтской власти; первое изъ нихъ дѣйствительно состоялось въ 968 г., а второе было въ самомъ началѣ уничтожено изгнаніемъ изъ Руси Адальберта ⁹⁵).

Съ теченіемъ времени эти нападенія католицизма постепенно приближались къ границамъ Руси; венгерскіе королевичи, сидѣвшіе въ Галичѣ, приводили съ собою римскихъ епископовъ, папы прямо обращались къ русскимъ князьямъ, предлагая имъ соединеніе церквей, и наконецъ въ 1234 г. на самыхъ границахъ Руси возникло католическое епископство, подъ названіемъ русскаго. По свидѣтельству Богухвала, Генрихъ Брадатый, кн. силезскій, просилъ въ 1234 г. разрѣшеніе на учрежденіе русскаго епископства въ Опатовѣ, близъ Люблина; впоследствии оно присоединилось къ епископіи Любуской (*ad ecclesiam Lubucensem*). Кругъ дѣятельности этого епископства, его область послужили

⁹⁵) Шаффарики Слав. Древ. Т. II, Кн. II, стр. 157.

предметомъ спора между двумя извѣстными учеными Зубрицкимъ и Мацѣевскимъ; Богухвалъ говоритъ: «*Henricus monasterium Opatoviense, cujus monasterii Abbas et Ruthenorum Episcopus, pro catholicis, ibi degentibus, de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit omnia bona episcopatus Russiae, olim ad monasterium Opatoviense pertinentia et caet.*» Г-нъ Зубрицкій такъ понимаетъ выраженіе «*pro catholicis, ibi degentibus*»—для католиковъ, живущихъ тамъ, близъ Опатова, а Мацѣевскій это «*ibi*» относитъ ко всей югозападной Руси. Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ Г-на Зубрицкаго, что люблинская область, какъ видно изъ самаго названія ея, издавна была населена русскимъ народомъ и что католики жили въ небольшомъ числѣ между этими Русскими и потому пуждались въ религіозной поддержкѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что справедливѣе будетъ относить это епископство не только къ окрестностямъ Опатова, но и ко всей югозападной Руси. Мы утверждаемъ это на основаніи того, что самъ епископъ любусскій такъ думалъ о размѣрахъ своей власти; вотъ важный въ этомъ случаѣ отрывокъ изъ буллы папы Григорія XI 1375 г.: «*Halicienses, Lodomirienses, Premyslienses et Chelmenses ecclesiae, quae in illis partibus (т. е. на Руси) consistebant, prout consistunt, cathedrales erant et ante acquisitionem hujusmodi (т. е. завоеванія Казиміромъ) per schismaticos et hereticos antistes detinebantur, quodque aliqui praedecessores nostri, Romani pontifices, ipsis ecclesiis de personis catholicis providerant, praeficiendo eas illis in episcopos et pastores, et quod frater noster Episcopus Lubucensis, asserens, dictas ecclesias non cathedrales, sed duntaxat parochiales ac sibi jure dioecesano subjectas fore, consequenter esse in earum posse-*

ssione, provisionibus hujusmodi se opposuerat» ⁹⁶⁾ и пр. Изъ этого мѣста ясно видно, что любусскій епископъ считалъ въ своей власти не только окрестности Опатова, но и Галицію съ Лодомирією.

Само собою разумѣется, что, какъ первое, т. е. майнцское, такъ и второе, т. е. опатовское или любусское епископства дѣйствительнаго значенія въ предѣлахъ Руси не имѣли и оставались титулярными, существовавшими только по имени. Число такихъ титулярныхъ епископовъ быстро увеличилось, когда появились Франциска и Доминикае, направленные на Русь папою Григоріемъ IX, во второй четверти XIII столѣтія; изъ нихъ папа Инокентій IV въ 1252 составилъ русскую миссію назвавъ ее «societas peregrinantium» или просто «peregrinantes» и эти то странствующие монахи, бродя изъ города въ городъ, изъ села въ село, тайно проповѣдывали католицизмъ и положили основаніе ерекціямъ будущихъ епископствъ въ Галичѣ, Перемышлѣ, Луцкѣ и Холмѣ. Изъ этихъ титулярныхъ епископовъ около 1236 г. упоминается *Bernhardus, Archiepiscopus Haliciensis*, *Tomasz de Sienna*, избранный въ 1359 г. въ епископы холмскіе и др.

Съ прекращеніемъ династіи Ромаца Великаго, когда Русь перешла въ руки иноплеменниковъ, православіе подверглось страшной опасности: употребляли насиліе для искорененія его изамѣны римскимъ католицизмомъ; но такъ еще сильна была вѣра въ народѣ, что на насиліе онъ

⁹⁶⁾ Дапа въ Авиньонѣ, *Idibus Februarii 1375*, нач. «debitum pastoralis officii», выписки у Стадницкаго II, 66.

отвѣчалъ насиліемъ и Болеславъ мазовецкій былъ отравленъ главнымъ образомъ за то, что посягнулъ на православную вѣру. Казиміръ, пришедшій послѣ него, былъ принятъ на условіяхъ уваженія къ господствующей религіи, но на сторонѣ Казиміра была сила, въ немъ было самое искреннее убѣжденіе, что при различіи вѣры, никогда не произойдетъ слитія Русскихъ съ Поляками и слѣдственно власть его въ Галичѣ будетъ непрочна; вотъ почему мы съ полнымъ довѣріемъ читаемъ въ *Kronik'ъ rusk'ой* (изд. Даниловичемъ): «въ лѣто 6857 (1349) прійде король краковскій со многою силой и взя лестью землю Вольнскую, и много зла христіаномъ створи, а церкви святаы претвори на латинскія, богомерзкое служеніе» ⁹⁷⁾. Тоже самое находимъ въ папской буллѣ 1375, гдѣ говорится, что послѣ завоеванія Руси Казиміромъ, стараніемъ его и римскаго духовенства многія лица были обращены въ латинство. Конечно не слѣдуетъ принимать того и другаго извѣстія въ большихъ размѣрахъ, «*kronika ruska*» изъ отчаянія, а папы, изъ особеннаго удовольствія, преувеличиваютъ успѣхи латинства на Руси. Вѣрное опредѣленіе успѣховъ католицизма въ Галиціи и Владимірин, можно найти въ папской буллѣ 1372 ⁹⁸⁾: «*tanta multitudo infidelium et schismaticorum*

⁹⁷⁾ Лѣтописецъ изд. Даниловича, стр. 170.

⁹⁸⁾ Булла папы Григорія XI «*ad theologos et doctores ad requisitionem Bartholomei de Alverna Vicarii fratrum minorum*»; тутъ же читаемъ: «*non erant ecclesiae cathedrales et parochiales in Russia, nec rectores earum*». Эта булла напечат. въ «*Vitae Archiep. Halic. Скробишевскаго*».

(erat in Russia), говоритъ папа, ut paucas personae reputarentur fideles», дѣйствительно только «paucas personae» были совращены, вслѣдствіе дѣятельности Казимира, всѣ же прочія оставались вѣрными религіи отцовъ.

Для быстрѣйшаго распространенія католицизма на Руси, необходимо было дать дѣйствительное значеніе архіепископству (Галицкому) и епископствамъ (въ Перемышлѣ; Владимірѣ, Луцкѣ, Холмѣ), которыя до сихъ поръ существовали только по имени, были титулярными. Замѣчательно, что современныи лѣтописецъ, Анонимъ, архидіаконъ гнѣзненскій ни слова не говоритъ объ этомъ важномъ и интересномъ для него событіи, напротивъ того Длугошъ рассказываетъ слѣдующее подъ 1361 г.: «желая умноженія христіанской вѣры въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, Казимиръ, король польскій, испросилъ у папы Урбана V разрѣшеніе на основаніе латинской митрополіи во Львовѣ, обѣщаясь доставить ей достаточныя для ея содержанія средства; папа благосклонно принялъ королевскую просьбу и предписалъ гнѣзненскому архіепископу, Якову Свинкѣ возвысить приходскую львовскую церковь на степень митрополіи, что и было исполнено въ присутствіи короля. Первымъ архіепископомъ во Львовѣ былъ поставленъ Христинъ, мужъ благороднаго происхожденія».

Въ этомъ разсказѣ ложно все, исключая желанія Казимира учредить на Руси латинское архіепископство; уже въ XVII столѣтіи были замѣчены ошибки Длугоша: въ 1361 г. былъ папою Инокентій VI, а Урбанъ V вступилъ въ 1362 г., архіепископъ Яковъ Свинка умеръ еще въ 1312 г. и наконецъ Львовъ до 1414 г. не вмѣщалъ

въ себѣ ни епископіи, ни архіепископіи, а постоянно состоялъ въ діоцезѣ галицкомъ («Lemburга in diocesi haliciensi»), такъ значится во всѣхъ современныхъ документахъ). Для окончательнаго опроверженія Длугоша и разъясненія самого дѣла, укажемъ еще на буллу папы Урбана V, 1363-го года къ архіепископу гнезненскому, въ которой папа говоритъ о желаніи Казимира учредить архіепископство въ Львовѣ, о его просьбѣ по этому случаю и вмѣстѣ предписываетъ архіепископу справиться о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ благопріятствовать или на оборотъ замышляемой кафедрѣ. Видно римскіи первосвященникъ не вполне довѣрялъ Казимиру и самъ хотѣлъ удостовѣриться, представляетъ ли Львовъ достаточно данныхъ для счастливой будущности архіепископства. Изъ всего этого ясно, что Казимиръ дѣйствительно думалъ объ учрежденіи во Львовѣ архіепископской кафедры, но что мысль его не осуществилась, отъ недовѣрія ли папы, или оттого, что самъ Казимиръ, занятый внутри не дружелюбными отношеніями къ духовенству и дворянству, извнѣ безпрестанными войнами, не имѣлъ времени для исполненія своего намѣренія.

По смерти Казимира, Галиція, вмѣстѣ съ Польшею перешла во власть венгерскаго короля Людовика, который отличался необыкновенною преданностію католицизму и употреблялъ всѣ силы для его распространенія; извѣстно предложеніе, которое онъ сдѣлалъ Грекамъ, въ то время просившимъ помощи противъ Турокъ: Людовикъ находилъ возможнымъ помочь имъ, только подъ условіемъ подчиненія ихъ римскому престолу; послѣдній не остался неблагодарнымъ и Людовикъ былъ награжденъ титуломъ *Signifer Ecclesiae*».

Такой человекъ, конечно, долженъ былъ произвести рѣшительный переворотъ въ религіозныхъ отношеніяхъ Руси; приступая къ утверженію тамъ латинства, онъ соединился съ такимъ же ревностнымъ католикомъ, Владиславомъ Опольскимъ и для большаго удобства ввѣрилъ ему управленіе Русью. Владиславъ, въ свою очередь, обратился къ францисканамъ, всячески имъ покровительствовалъ, подарилъ имъ свой домъ во Львовѣ, позволилъ русскую церковь честнаго креста передѣлать въ латинскій костелъ ⁹⁹⁾ и, мечтая о быстромъ совращеніи Русскихъ, вмѣстѣ съ Людовикомъ испросилъ разрѣшеніе папы на учрежденіе архіепископства въ Галичѣ и трехъ епископствъ въ Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ ¹⁰⁰⁾. Длугошъ съ необыкновеннымъ простодушіемъ рассказываетъ объ этомъ (умалчиваетъ только о епископствахъ владимірскомъ и холмскомъ), забывая, что онъ говорилъ подъ 1361 г. и что такимъ образомъ, по его извѣстіямъ, римскій престоль основалъ два латинскія архіепископства въ странѣ, сплошь населенной православными.

Для сильнѣйшаго доказательства того, что до 1375 г. не было на Руси латинскихъ епископовъ, можно привести уже извѣстный намъ отрывокъ папской буллы 1375 года, гдѣ говорится, что кафедры галицкая, перемышльская, владимірская и холмская имѣли своими

⁹⁹⁾ Zubrzycki, Kron. m. Lwowa, str. 39, 42, 44, 63.

¹⁰⁰⁾ Булла п. Григорія XI, дапа въ Авиньонѣ, Idibus Februarii 1375, начин. «Debitum pastoralis Officii», выписки у Стадницкаго II, 66

начальниками схизматиковъ и еретиковъ; очевидно, что папа говоритъ о епископствахъ православныхъ, а не латинскихъ, которыя получили начало только въ 1375 г. Относительно того вліянія, которое они имѣли на православіе, можно указать только на перерожденіе высшаго сословія и на непоколебимую твердость массы, которая (за исключеніемъ небольшой части) до сихъ поръ осталась чуждою католицизма, хотя и признала власть папы.

Вотъ судьба югозападной, русской церкви; католицизмъ, какъ и должно было ожидать, взялъ верхъ, когда Поляки завоевали Галицію. Что же касается до положенія духовенства вообще, то въ этомъ случаѣ источники не представляютъ ничего характеристическаго, что бы отличало галицкое духовенство отъ другихъ русскихъ духовныхъ. Одно только обстоятельство, именно то участіе, которое приняли епископы галицкій и перемышльскій въ борьбѣ Данила съ Ростиславомъ, приняли не какъ миротворцы, что было бы прилично ихъ сану, но какъ враждовавшіе Данилу, сторонники Ростислава, гордость, выказанная ими при этомъ случаѣ, великолѣпіе ихъ окружавшее и т. д., все это наводитъ на мысль, что и духовенство галицкое не избѣгло вліянія польскаго и венгерскаго и думало устроить свои отношенія къ государю по образцу двухъ этихъ странъ. Впрочемъ для произнесенія рѣшительнаго приговора, приведеннаго факта недостаточно.

Гораздо важнѣе для насъ прослѣдить нравственное вліяніе церкви; здѣсь прежде всего мы обратимся къ тому благотворному вліянію, которое она имѣла на на-

родную образованность. Еще при Владимірѣ св. и Ярославѣ I церковь сдѣлалась проводникомъ грамотности, нельзя было быть христіаниномъ и не умѣть читать книги священнаго писанія; въ Галичѣ это требованіе церкви встрѣтило сильную поддержку со стороны князей, такъ Ярославъ Осмомысль, самъ образованный, читавшій много книгъ, знавшій ипостраиные языки, побуждалъ духовенство учить мирянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями, а монастырскіе доходы назначалъ на содержаніе училищъ ¹⁰¹⁾). Училища постоянно оставались подъ надзоромъ церкви и ея служителей; такъ въ разсказѣ объ ослѣпленіи Василька, священникъ Василій говоритъ: «случилось мнѣ быть во Владимірѣ, смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей» ¹⁰²⁾). Какъ видно, число школъ было значительно и онѣ имѣли вліяніе, такъ что отдавать дѣтей въ ученье, по достиженіи ими известнаго возраста, сдѣлалось уже дѣломъ обыкновеннымъ, принятымъ обычаемъ, что много свидѣтельствуешь о развитіи самаго общества ¹⁰³⁾; характеръ образованія, исходившаго отъ церкви, конечно, былъ церковный; Владиміръ Васильковичъ, представитель современной (ему) образованности, отлично зналъ священное писаніе, любилъ поговорить о немъ, для чего собиралъ къ себѣ игуменовъ и поповъ, и занимался переписываніемъ богослужебныхъ книгъ, какъ особенно пріятнымъ и полез-

¹⁰¹⁾ Татищ. III, 220 и слѣд.

¹⁰²⁾ *ibidem* II, 181.

¹⁰³⁾ Житіе св. Петра въ степенной книгѣ ч. I стр. 411.

нымъ дѣломъ; подъ 1203 г. упоминается въ лѣтописи книжникъ Тимоѳей, который, сложивъ притчу про Бенедикта, воеводу венгерскаго, сравнилъ его съ антихристомъ; вѣроятно и остальные притчи этого книжника также носятъ на себѣ отпечатокъ церковный.

Духъ церкви проникалъ и въ частную жизнь: про князей говорится, что они были благочестивы, строили церкви, уважали духовный санъ, кормили нищихъ и т. д. Впрочемъ въ частномъ быту князей, кромѣ вліянія церковнаго, сохранилось еще старорусское, свѣтское вліяніе, выраженное нѣкогда словами знаменитаго князя: «Руси есть веселіе пѣти» и проявившееся въ общей страсти князей къ охотѣ; лѣтопись выставляетъ Данила особенно страстнымъ охотникомъ. Вліяніе венгерское и польское не могло, конечно, не отразиться на внутренней, домашней жизни князя, на его занятіяхъ, развлеченіяхъ и т. д., но какъ бы прилежно ни отыскивали мы слѣдовъ его, нигдѣ въ источникахъ нѣтъ ни одной черты, которая говорила бы въ пользу этого мнѣнія. Быть можетъ военныя игры, устроенныя Ростиславомъ въ 1249 г. незадолго до Ярославской битвы, представляютъ сколокъ съ турнировъ, на которые этотъ князь могъ насмотрѣться въ частыя поѣздки свои въ Венгрію.

Этими фактами ограничиваются наши свѣдѣнія о частной жизни князей; конечно, все сказанное о князьяхъ можно относить къ боярамъ и всѣмъ, кому средства позволяли допускать нѣкоторую роскошь въ своемъ домашнемъ быту. Мы предполагаемъ, что жизнь даже бѣдныхъ гражданъ мало отличалась отъ образа жизни

высшаго сословія и если было различіе, то по количеству болѣе, чѣмъ по качеству. Мы предполагаемъ, но утверждать не можемъ, потому что вообще не имѣемъ данныхъ о внутренней, домашней жизни нашихъ предковъ, особенно въ югозападной Руси.

Представляемъ здѣсь нѣсколько общихъ положеній, содержащихъ въ себѣ выводы изъ предшествовавшаго повѣствованія:

1) Древнѣйшее населеніе Галиціи составляютъ Хорваты.

2) Въ VII столѣтіи (около 630 года) значительная часть ихъ выселилась за Карпаты, а оставшіеся, ослабленные переселеніемъ, утратили свои племенные особенности подъ вліяніемъ, съ одной стороны (съ СЗ) Славянъ польскихъ, съ другой (съ В) русскихъ.

3) Вопросъ о первомъ завоеваніи Галиціи не разрѣшимъ съ полною очевидностію, но во всякомъ случаѣ основательнѣе приписывать первое завоеваніе Полякамъ.

4) Владиміръ св. отнялъ Галицію у Поляковъ и съ этого времени она постоянно оставалась во власти Русскихъ, составляя часть Волынскаго удѣла. Вторичное господство въ ней Поляковъ, вслѣдствіе Болеславова завоеванія, было слишкомъ кратковременно.

5) Въ концѣ XI столѣтія въ ней появляются отдѣльные князья и образуютъ галицкое княжество, быстро развившее свои силы, вслѣдствіе удаленія отъ усобиць южной Руси и случайной малочисленности своего княжескаго рода.

6) Въ XIII столѣтіи, средства его увеличиваются присоединеніемъ къ нему Волыни.

7) Сильный галицкій столъ привлекаетъ , по смерти Романа, множество претендентовъ; пользуясь этимъ, бояре стараются упрочить свое положеніе по отношенію къ верховной власти, составляютъ партіи въ пользу различныхъ русскихъ князей, Венгровъ и Поляковъ, и тѣмъ продолжаютъ періодъ смутъ до 1249 г., т. е. до торжества Данила.

8) Съ 1249 г. Галиція укрѣпляется подъ властью Данила и его потомковъ, достигаетъ важнаго вліянія на дѣла сосѣдей; въ то же время происходитъ полное отчужденіе ея отъ русскаго міра.

9) Это отчужденіе оказывается особенно вреднымъ послѣ прекращенія династіи Романа Великаго: Галичане принимаютъ государя иноплеменика.

10) Возможность овладѣнія Галичемъ возбуждаетъ старыя притязанія Венгровъ и Поляковъ.

11) Литва, основываясь на бракѣ Любарта съ дочерью владимірскаго князя Андрея Юрьевича, также предъявляетъ свои права на югозападную Русь.

12) Борьба между ними продолжается до 1387 г., когда происходитъ подчиненіе галицкой Руси Польшѣ.

13) Указанныя событія совершаются по мысли и волѣ князей и бояръ, остальная же масса народонаселенія, городского и сельскаго, участвуетъ въ нихъ какъ матерьяльная сила, какъ орудіе.

14) Если горожане и достигаютъ нѣкоторой самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ, то не ранѣе половины XIV столѣтія, когда развитіе городовъ быстро двинулось впередъ, вслѣдствіе дарованія имъ магдебургскаго права.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Введеніе	1
Краткое обзорніе литературы разсматриваемаго предмета.	4
I. Галичъ, подъ властію русскихъ князей	11
II. Галичъ, подъ владычествомъ иноземнымъ	63
III. Внутренняя исторія галицкой Руси	107

gc
e 50